ОЧЕРКИ,

НАБРОСКИ, ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Верещагина.

Съ рисунками.

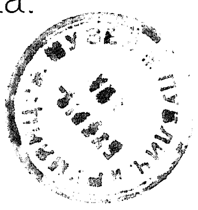

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія, (А. Бенке),
по Фонтанкѣ, № 99.
1883.

ОЧЕРКИ,

НАБРОСКИ, ВОСПОМИНАНІЯ

В. В. Верещагина.

Съ рисунками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Министерства Путей Сообщенія (А. Бенке),
по Фонтанкѣ, № 99.
1883.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Ноября 1883 года.

Оглавленіе.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ
КРЕСТЬЯНИНА ОХОТНИКА.

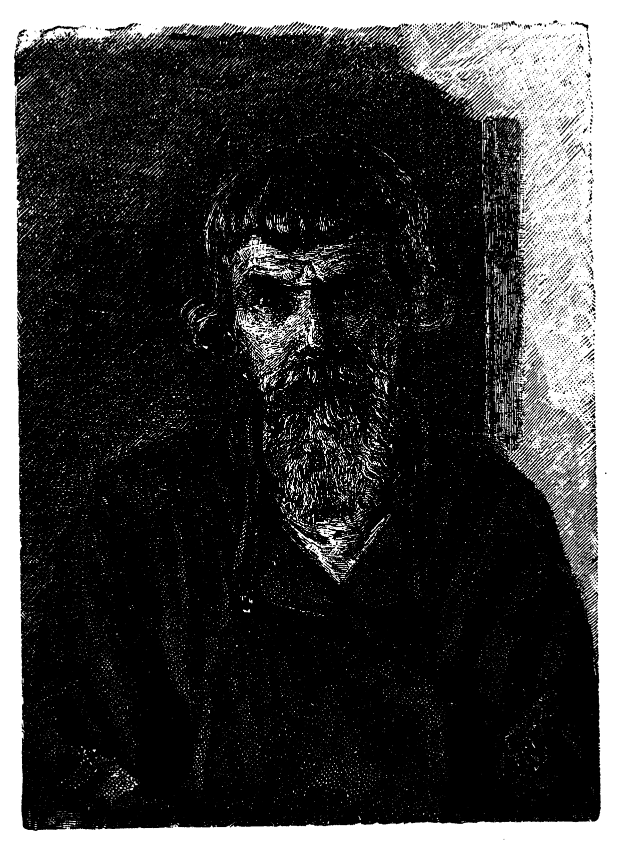
(Новгородской губ., Череповскаго у.).

... „Прежде оленей много было, нынче неизвѣстно для чего не стало; нынче лоси забѣгаютъ, а пока олени были, не было и лосей, такъ думаю, ужъ не эти-ли выжили оленей-то. Олень траву ѣстъ да мохъ съ елочекъ, а лоси-то вереснякъ, да крушинникъ, да осинку или сосенку молодую гложетъ; коли осину стоячую или лежачую, или соснякъ мелкій гложутъ—значитъ есть лоси, поэтому ихъ и узнаешь. Олень-отъ допущаетъ близко; когда такъ саженъ на 20 подпуститъ, а лось и за полверсты учуетъ человѣка. Прошлую зиму только одного лося убили мы съ сыномъ; да ноги-то худъ ходятъ, такъ я ужъ прочь отваливаюсь отъ этого дѣла, а вотъ въ П*** много убили... Какъ можно! лось крѣпко чутчае; гдѣ еще ты идешь, а енъ ужъ убѣжалъ, такъ устрѣлить-то и хитро. Вотъ какъ двое али трое, такъ встричу заходятъ; одинъ на слѣдъ станетъ, да тутъ и стоитъ, а другой за нимъ идетъ; олень-то все по своему же старому слѣду и ходитъ, такъ мало-ли, много-ли постоишь, енъ на тебя опять и выйдетъ. На лыжахъ все ходишь лыжи-то иное положишь рядкомъ, да и ползешь, на лыжахъ-то, съ полверсты, да какъ близко подползешь, поднимешься, да и убьешь. Одиново двухъ устрѣлилъ, саженъ за сорокъ изъ оленя въ

оленя, такъ пуля скрозь и прошла: одному въ грудину, черезъ сердце — тутъ и ткнулся, и пяди не отошелъ, а другаго въ бокъ, поперекъ брюшины, тотъ убѣгъ, да съ версту бѣжалъ — палъ, да тутъ и издохъ.

А то, еще съ оленемъ шутка у меня была: лѣсомъ я шелъ, вижу я лежитъ; енъ-было сталъ вставать — я съ руки и хлопъ, въ шею попалъ, а енъ й палъ; въ грудину мѣтилъ-то, да повернулся енъ, такъ въ шею попало; ну, какъ палъ, я лыжи бросилъ, подбѣгъ, ножикъ выхватилъ да горло перерѣзалъ; пока сталъ ружье заряжать, запыжилъ и пули еще не пустилъ, а енъ какъ вскочитъ, да какъ побѣжитъ: саженъ десятокъ отбѣжалъ, да тутъ и бухъ, тутъ и мой сталъ. Каковъ? съ перерѣзаннымъ-то горломъ!.. А то, шелъ и разъ серединами-то этими-же, по слѣдамъ. Слѣдъ есть, такъ думаю, пойду все по слѣду; иду, да какъ вышелъ изъ лѣсу на ниву, анъ они и идутъ мимо меня; артель 6 штукъ — и идутъ. Я ружье съ плечъ снялъ, да съ руки и пустилъ (больше-то все на сосну наровишь приладить, да на 2 сука, это вѣрнѣй) — въ самы пахи попалъ и пуля скрозь перелетѣла, а енъ и палъ; я ружье опять сталъ заряжать, думаю, не настигну-ли тѣхъ, эту ламу, думаю, убилъ — а енъ вскочилъ, да и убѣгъ, въ заповѣдь убѣгъ, вонъ куды!.. саженъ 20 отбѣжитъ, да и ляжетъ; какъ я иму подходить, онъ вскочитъ и побѣжитъ; гдѣ полежитъ — на обѣ стороны кровь. Цѣльный день за нимъ ходилъ, ночью ужъ не пошелъ. На другой день пришелъ, думаю, не издохъ-ли за ночь-то, а енъ опять вскочилъ и побѣгъ; нельзя стрѣлять, да и что хошъ, не подпускаетъ! Почитай къ самому П***, къ полямъ, выгналъ его, тутъ лыжи-то росилъ, на нихъ легъ, да на брюхѣ на лыжахъ и поползъ; какъ близко, саженъ на 20, подползъ, на ноги поднялся, енъ меня увидѣлъ, тоже подниматься только сталъ, тутъ я съ руки — такъ и чубурахнулся. Ты думаешь, вѣдь звѣрь, все хочется уйдти! Двое сутокъ вотъ за однимъ ходилъ; иное подшибешь да, какъ иметъ енъ погуливать, такъ и бросишь. Далеко то зайдешь, такъ только и думаешъ, какъ бы домой добраться; дома не знаютъ, что съ тобой и дѣлается, не знаютъ, что и думать!

И въ кляпецъ (ловушка) оленей лавливалъ; этакій-же, какъ зайцевъ что ловятъ, только большой, въ полпуда будетъ (кляпцевъ у меня много: заячихъ штукъ 20, да волчьихъ съ десятокъ будетъ). На ходъ на ихній поставленъ былъ; енъ попалъ, да съ кляпцемъ-то

Крестьянинъ охотникъ.

и ходитъ, волочитъ его, меня-то не подпускаетъ — за имъ опять и пошелъ; такъ три денька ходилъ. Убить нельзя — далеко убѣгаетъ; я-бы ужъ и бросилъ, да кляпца-то жалко, — кляпецъ-отъ пропадетъ съ нимъ. Обошелъ ужъ, на встрѣчу ему и вышелъ; енъ идетъ да поѣдаетъ, съ елокъ да съ сосенъ мошекъ енъ все ѣстъ,

да ко мнѣ-то и подвигается, меня не видитъ; съ рукъ я спустилъ — въ заднія ноги попалъ, да живаго такъ на барскій дворъ и привезъ, тамъ и зарѣзали. Совсѣмъ живой! какъ лежитъ, такъ и не знать, что подстрѣленъ; пытала въ тѣ поры пѣнять барыня-то: „ты-бы, говоритъ, ухитрился-бы какъ ни на есть здороваго доставить“; да какъ тутъ ухитришься-то; пожалуй, не стрѣляй совсѣмъ, такъ и останется живъ — ищи его послѣ...

На лосей такъ вотъ у меня особенное, большое ружье, саженъ на 50 пулей беретъ, только покрѣпче держи, какъ хватитъ! Сколько вѣдь и мимо свинцу-то летитъ! Случится, приложиться некуда: сосны гладки, все равно что съ руки; маленько съ глазу-то ружье опустилъ — ужъ и мимо летитъ. Все ладишь на два сучечка класть ружье, тутъ какъ спустишь, такъ и чубурахнется“...

Олени, дѣйствительно, пропали изъ нашихъ мѣстъ; прежде хаживали они стадами штукъ по 30, а нынче совсѣмъ ихъ не видно стало. Нѣкоторыхъ звѣрей, какъ напримѣръ волковъ и лисицъ, стало больше; очень можетъ быть, что волки выжили оленей. За то съ недавняго времени появившіяся лоси съ избыткомъ вознаграждаютъ за оленей. Недавно у насъ убили лося вышиною три аршина (до хребта), вѣсомъ 15 пудовъ: одна задняя лопатка съ жирнымъ, вкуснымъ мясомъ вѣсила болѣе 2-хъ пудовъ. Насколько олень сухопаръ и поджаръ, на столько-же лось крѣпокъ корпусомъ и ногами; осенью онъ походитъ тѣломъ на хорошо откормленную лошадь. Бѣгаетъ лось очень скоро, не тише оленя, и съ тѣмъ преимуществомъ, что не такъ скоро устаетъ, какъ олень. Шкурки лосиныя продаются здѣсь не дороже 3 руб. штука. Крестьяне пробовали отдавать кожу въ обдѣлку на сапожный товаръ; по общему отзыву, обувь изъ этого товара крѣпка и носится хорошо въ сухое время, мокроты-же не переноситъ, что̀, впрочемъ, могло происходить отъ дурной выдѣлки кожи, такъ какъ сдѣланъ былъ только одинъ опытъ. Превосходные лосиные рога, которые бываютъ четвертей по 5-ти длиною, не находятъ себѣ употребленія. Впрочемъ, лосей здѣсь не такъ много, чтобы можно было составить отдѣльный промыселъ изъ добыванія ихъ шкуръ, роговъ и проч.

... „Съ большаго Спасова дни начнетъ вотъ медвѣдь похаживать, каждое лѣто сколько коровъ мнетъ. А. В. покойникъ послалъ меня за медвѣдемъ — корову подшибъ верстъ за 5 всего: „ступай-ка", говоритъ, „покарауль, не можешь-ли ушибить". Я и сошелъ караулить, рано сошелъ, солнышко еще не закатилось — въ сѣнокосное время было, недосугъ... Ну, да нельзя нейти... Вижу, идетъ медвѣдь, ботаетъ такъ, на гриву выходитъ и падаль ужъ близко; енъ-же и подшибъ корову, къ ней и идетъ. Вереснякъ такой частый хруститъ! духъ-то мой вишь учуялъ, такъ взялъ, да и поползъ; подползъ совсѣмъ близко, да и началъ эдакъ вверхъ поглядывать; да меня понюхивать — тутъ и увидѣлъ меня, да и на дыбы всталъ, на дыбы всталъ, да какъ фукнетъ на меня!.. Что-же ты, братецъ, думаешь, не взяло ружье; въ затравкѣ что-ль отсырѣло? — на полкѣ-то вспыхнуло, а выстрѣла нѣтъ. Ёнъ вскочилъ, да какъ побѣжитъ прочь!.. Всю ночь я сидѣлъ; бродитъ около, кругомъ, а близко не подходитъ; что дѣлать-то, заряжено не для глупости было, да такъ вышло; а медвѣдь хорошій былъ, большой да жирный. Эти медвѣди, ой, какіе лукавые! И не пришелъ бы енъ, кабы я на ходуляхъ саженъ сотню не прошелъ: до слѣду человѣческаго какъ дойдетъ, такъ и пойметъ дѣло и поворотитъ. Иное идешь за птицей, али безъ ружья, такъ думаешь, что коли встрѣчу - то, вѣдь онъ убьетъ. Вотъ съ волками, такъ хоть и палкой иное справишься, а съ медвѣдемъ хитро, какъ сердитъ! Въ лѣсъ-отъ пошелъ разъ, такъ на селищѣ посереди моста, — мостъ тамъ такой большой, — медвѣдь идетъ, а ружья-то не было, за грибамъ ходилъ, такъ мостовину взялъ, да на него эдакъ и машу, да и рычу: У! У, ты!.. Остановился енъ близко ужъ, да застонулъ, да застонулъ, да всторону и повалилъ.

Все больше его по ночамъ опасаешься. Ёнъ прямо и къ падали не пойдетъ, не одинаго обойдетъ: не прошелъ-ли кто — прошелъ, такъ поворотитъ назадъ и идетъ въ свое мѣсто. Тутъ надо одному ходить; въ первый день, какъ корову зарѣзалъ, — на ели или на чемъ случится тихимъ образомъ и сиди, и не зѣвай; ружье-то обмой хорошенько, духу-то не давай; одинъ вотъ только испугаешься,

коли не привыченъ. Это, братецъ, за медвѣдемъ ходить, такъ по книгѣ Божіей показано, что 12-и силъ надобно быть; только не разговаривай: и потихоньку что скажешь товарищу — енъ услышитъ, чутокъ! Тутъ ужъ на смерть идешь: убьешь — такъ убьешь, а не убьешь, такъ пропадешь. Мы хоть изъ-за оброка ходимъ; только и добычи, только тѣмъ и покормимся, а господа изъ за-чего ѣздятъ? изъ-за потѣхи, поглядѣть да потѣшиться — охота-то пуще денегъ"...

Кажется, старикъ преувеличиваетъ опасность встрѣчи съ медвѣдемъ. Я, правда, напримѣръ, слышалъ, что здѣшнихъ бабъ, когда онѣ ходятъ за ягодами, медвѣдь часто пугаетъ, но чтобы какую тронулъ когда-нибудь — случается очень рѣдко. Не знаю, справедливо-ли повѣрье у здѣшнихъ крестьянъ, что когда человѣкъ первый увидитъ медвѣдя, то всегда можетъ испугать и прогнать его; если-же, наоборотъ, медвѣдь первый замѣтитъ человѣка, то тутъ надобно ждать бѣды.

Вотъ нѣсколько случаевъ изъ разсказовъ о встрѣчахъ съ медвѣдемъ:

... „Инде и кинется на человѣка, такъ если задѣнешь, да бѣжать ему не въ мочь. Кое смѣлый человѣкъ, такъ за нимъ просто ходить; въ Л*** вонъ стариченко, одинъ все кололъ, 17 медвѣдей заколол, а охотничекъ и весь не мудреный! Я вотъ за рябчиками ходилъ, гляжу, а онъ морашевникъ (муравейникъ) и роетъ: какъ я эдакъ хрюкнулъ! Онъ какъ повернется, да вякнетъ! да прочь отъ меня; гналъ я его съ версту. Все лѣсомъ бѣжалъ-то, болотомъ — такъ стрѣльнуть неловко, въ топкое болото и ушелъ. Этта мужиченокъ пошелъ утокъ смотрѣть; медвѣдя встрѣтилъ, да испугался, да и присѣлъ, такъ и сидитъ, скорчился и молчитъ; а медвѣдь-отъ заревѣлъ, да на дыбы, да на дыбахъ-то вкругъ него и ходитъ; ходилъ да ходилъ, заморилъ со страху-то, да такъ и ушелъ, не тронулъ.

... „Волкъ вотъ со мной дрался одиново: въ кляпецъ попалъ, да и пошелъ, и пошелъ; долго не могъ настичь его — настигъ, а енъ, бра́тъ, драться со мной; смѣлому надо быть тутъ человѣку; думалъ я, самого онъ меня задавитъ. Ружья-то не было, а стяже-

чекъ (палка) въ рукахъ эдакой хорошенькой былъ; я замахивать стяжечкомъ сталъ, а енъ на задницу сѣлъ; кляпецъ-отъ, фунтовъ 12, поднялъ на лапѣ-то, да съ нимъ такъ и стоитъ на дыбахъ какъ мужикъ съ образомъ и стоитъ съ кляпцемъ-то. Я на лыжахъ стою да боюсь, не сбилъ-бы меня; съ лыжъ-то скочилъ да стягомъ то и хочу ударить, какъ енъ ко мнѣ подъ ноги-то скочитъ! схватитъ меня! — я тутъ изловчился да стяжечкомъ-то его вдоль спины гляжу — онъ повѣсилъ уши, тутъ я давай по головѣ да по чемъ попало. Храни Богъ! какъ-бы до ногъ доскочилъ. Послѣ, какъ много ихъ переловилъ, и опасаться ихъ меньше сталъ; махнешь разъ, другой, да веревку возьмешь, да на сукъ, кожу долой — да и домой.

Безъ кляпцей ихъ не бивалъ, не случалось, да даже и видалъ мало: духъ онъ слышитъ, прочь бѣжитъ отъ человѣка. И норъ волчьихъ не видалъ, сколько ни исходилъ мѣстовъ, а не видалъ; должно быть на мхахъ они строются, гдѣ народъ не ходитъ, въ широкихъ лѣсахъ, гдѣ середь болотъ гривки сухія есть. Одного если изловишь въ кляпецъ, такъ мѣсяца два никакой волкъ не побываетъ; вотъ онъ какой боязливый на волѣ-то, ну, а въ ловушку-то попадетъ — злѣе станетъ. Кляпецъ изломаетъ иное, какъ начнетъ объ лѣсъ колотить; волковъ пятокъ я упустилъ эдакимъ маneромъ — пропали и съ кляпцами.

Этихъ волковъ какъ хорошенько бить, такъ зимою, въ глухихъ мѣстахъ избушечку надо поставить, чтобъ и съ печкой была, да лошадиной либо коровьей падали и принести, да саженъ за 20 и положить, да кое время и не ходить; одна артель-бы поѣла да другая, да потомъ и приди, печку затопи и сиди въ теплѣ на караулѣ. Избушку хоть елочками уставь, чтобы тебя никакъ не видно было, и духу-то твоего отъ елочекъ не слышно будетъ. Тутъ всѣхъ перебьешь: хоть и убилъ одного, другіе все похаживать имутъ; не одна артель перебываетъ.

Прежде у господъ такъ было-же этой волчьей охоты: ямы у нихъ эдакія состроены были, камнемъ обложены, верхъ-отъ легкими камышками, да сучьями заваленъ, да снѣгомъ обложенъ, а мяско-то

въ серединѣ; ѣсть-то имъ охота — какъ имутъ по сучьямъ ступать, такъ всѣ въ ямѣ и будутъ. Ловятъ и нынче этими самыми ямами, да мало попадаетъ, вороватѣе что-ли волки стали"...

Старикъ, кажется, ошибается: волчьи норы есть и въ нашихъ лѣсахъ, только онъ, вѣроятно, принималъ ихъ всегда за норы „язвицъ"; и тѣ и другія устраиваютъ часто свои логовища въ старыхъ угольныхъ ямахъ, роютъ ихъ далеко внутрь по разнымъ направленіямъ; разница ихъ въ величинѣ, т. е. волчья нора больше: въ нее свободно пролѣзетъ взрослый человѣкъ. Ее можно знать и по слѣдамъ, натоптаннымъ передъ входомъ. Здѣсь зимой, въ городу, волки бываютъ очень смѣлы; они прибѣгаютъ въ самую деревню подъ окна; а къ намъ волкъ зашелъ даже на дворъ и привлеченный запахомъ кушанья, залѣзъ-было въ кухню.

Вотъ случай, бывшій недавно съ однимъ крестьяниномъ: онъ повезъ дрова на угольную яму; лишь только онъ подъѣхалъ къ ней, какъ оттуда выскочили четыре волка и бросились на бѣжавшую съ нимъ собаченку; онъ схватилъ собаченку къ себѣ въ сани и поворотилъ назадъ, въ деревню; волки побѣжали за санями: два бѣгутъ съ одной стороны, да два съ другой. Вплоть до деревни бѣжали рядомъ; имъ все хотѣлось собаченку-то схватить; только тѣмъ онъ отстоялъ ее, что махалъ палкой попеременно то въ ту, то въ другую сторону. „Такъ, говоритъ, зубами и щелкаютъ, того и смотри, что самого схватятъ".

Какъ уже выше было сказано, нынче волковъ стало больше въ здѣшнихъ лѣсахъ; это и не удивительно, если принять въ соображеніе, что теперь меньше охотятся за ними; одни помѣщики прежде много истребляли ихъ, отправляясь на охоту иногда цѣлыми обществами; нынче это совсѣмъ вышло изъ моды въ нашихъ мѣстахъ.

... „Ну, а язвицъ знаешь? пестренькія да полосатенькія: черная одна полоса, а другая бѣлая; въ нашихъ лѣсахъ есть, я ихъ половилъ довольно. Какъ вотъ лисица живетъ — въ ямахъ эдакихъ, въ норахъ; нору тамъ саженъ на 20 разными ходами выроетъ, вотъ это какая звѣрина! Этимъ въ нору кляпецъ ставишь; двѣ-ли норы или три — въ каждую по кляпцу; попадетъ-ли, нѣтъ-ли —

всякіе сутки ходишь провѣдывать; гдѣ она входитъ въ нору, тутъ и поставишь, только ставить надо хитро; не изловить другому ни за что, какъ кто не лавливалъ, не знаетъ какъ поставить, учуетъ звѣрь-то. Я кляпецъ-отъ въ землю зарою, чтобы ровно было, да хвоей завалю; и духу не даетъ отъ желѣза-то, какъ хвоей-то завалишь; вотъ онъ какъ талъ, какъ полотенца прижалъ — скобы-те и схватятъ его. Кромѣ какъ этой ловушкой, ничѣмъ не изловишь его. Какъ съ собакой идешь, такъ собака по духу въ нору-то залѣзетъ, всѣ ходы выбѣгаетъ: тамъ вѣдь все кривулями, да далеко ходы-то, да изъ норы въ нору выходы. Другой разъ думаешь: ну, пропала тамъ моя собака! какъ лаетъ, такъ и не чуть — вотъ какъ глубоко.

Одиново я самъ дорылся: посмотрю эдакъ куда нора идетъ, колышкомъ пощупаю — да на перерѣзъ; перва вдаль да вглубь все нора шла, а тутъ опять кверху пошла; какъ кверху пошла, тутъ, смотрю трое, и сидятъ, мать да два дѣтеныша; багоркомъ вытащилъ, да и заколотилъ. Съ аршинъ длины будетъ звѣринка-то эта, а вышины и полъ-аршина нѣтъ, лапки коротенькія, а самъ жирный; какъ лѣто-то погуляетъ, а осенью поймаешь, такъ фунтовъ пятокъ сала изъ него вытопишь; а сало хорошее. Этой звѣрины сало у меня и теперь есть, да раздавалъ много: кто тамъ руку али ногу посѣчетъ, такъ хорошо прикладывать; или вотъ у лошади усѣчка — тоже этимъ лечатъ. А то мнѣ въ кляпецъ разъ сова попала, большущая! Когти, такъ зайца съ кляпцемъ унесетъ да сальная, братецъ, какая! по кулаку сала-то мѣстами; два фунта вытопили изъ ней и хорошее сало, какъ у ягвицы-же — не мерзнетъ.

Куницъ да норокъ много я переловилъ, все кляпцами-же; а кто не знаетъ, тотъ и не изловитъ — тоже все подъ слѣдъ да хранительно... Перво надобно ее прикормить, этихъ безъ прикормки не изловишь: зайца-ли убьешь да въ ломъ, гдѣ ни есть, и положишь, норка-то и иметъ ходить, мяско-то ѣсть; какъ иметъ къ моему мѣсту ходить, тутъ на дорогу кляпецъ и ставишь. Куничка эдакъ-же: убьешь зайца да повѣсишь на нижній сучекъ, привяжешь; она, какъ гдѣ есть въ лѣсу, ужъ найдетъ, ходить иметъ,

тутъ подъ слѣдъ-то и поставишь, да снѣгъ опять заровняешь, да слѣдочки, опять какъ у ней были, и подѣлаешь, чтобы не узнала. Зимой все эдакъ ловишь, а лѣтомъ мудрено — развѣ съ собакой: да собакѣ другой не настичь — отстанетъ: она вонъ изъ рощи въ рощу верстъ за 5 убѣжитъ — ищи! Эта звѣрина проворная! Живетъ все больше въ бѣлочьихъ гаинахъ: на еляхъ изъ моху у векши-то эдакія гнѣзда настроены — и чего она туда не натаскаетъ, а куничка-то бѣлку заѣстъ, да сама тамъ и иметъ жить. Я ихъ въ этихъ гаинахъ часто бивалъ. Только, гдѣ разъ пройдешь съ ружьемъ, такъ не станетъ жить; она пороховой духъ чуетъ, она проворна! Нынче меньше что-то стало куницъ; а вѣдь шкурка ея, ты какъ думаешь? хорошая 4 и 5 цѣлковыхъ стоитъ; ну норка — та дешевле, та за $1^1/_2$ идетъ"...

Кромѣ волковъ и лисицъ, изъ которыхъ первые мало преслѣдуются, а послѣднія трудно поддаются, и потому мало ловятся, всѣ остальные мелкіе, пушистые звѣри, какъ: язвицы, куницы, норки, бѣлки и другіе, понемногу переводятся; по крайней мѣрѣ, въ здѣшнихъ лѣсахъ количество ихъ значительно уменьшилось. Развѣ однѣхъ бѣлокъ и теперь еще бьютъ много; я знаю охотника, который въ три недѣли наколотилъ ихъ болѣе 300 штукъ.

... „Лисицъ нонѣ надо-бы добывать; прошлымъ годомъ все больше птицу билъ: рябковъ да тетеревей подъ осень-то. Эту охоту, знаешь-ли? какъ мы ихъ дураковъ-то обманываемъ? Чучела есть эдакія: тетеревей убить, да оснимать, да отрепья туда набить — на такія больше летятъ, а то и просто деревинку синимъ платкомъ обвить, да только забрать бѣлымъ, гдѣ у его есть въ перьяхъ, краской или мѣломъ, и набровнички красные дѣлаютъ. Шалашикъ построишь, да чучеловъ-то сверху и выставишь; въ шалашѣ и сиди тихохонько на караулѣ. Какъ солнышко взойдетъ, тетерева имутъ съ мѣста на мѣсто перелетать; вылетитъ на сосну или на березу, да чучеловъ увидитъ, къ нимъ и летитъ, ты изъ шалашика-то и стрѣляй — тутъ просто. Вотъ лисицъ ловить хитро. Надо быть, она родитъ къ Петровкамъ: въ эту пору хорошо ихъ маленькими брать; только приходи, когда они еще не рѣшатся, а всѣ вмѣстѣ у ма-

тери живутъ. Гдѣ лисій выводокъ есть, тамъ у нихъ утерто, да утоптано, да всячины натаскано, перьевъ и шерсти: она зайцевъ да птахъ дѣтямъ-то таскаетъ. Днемъ-отъ они бѣгаютъ, такъ тутъ ихъ не застичь, а надо маленько къ вечеру приноровить, тутъ они всѣ собираются, тутъ и таскай дѣтенковъ-то клещами. У меня трое были, зиму цѣлую кормилъ: отъ Петровокъ самыхъ да до зимняго Егорья. Ихъ просто кормить: хлѣбца побрасывай, да гдѣ ворону убьешь — бросишь; да разгородить надо тесинками, а то загрызутъ одна другую; и сверху тесинками прикроешь, только щелки оставь для воздуху. Большихъ лисъ мало я лавливалъ — эта хитра! дойдетъ, наднесетъ лапку надъ кляпцемъ, услышитъ духъ и отойдетъ. Кто ежели знаетъ колдовство, тотъ можетъ и по пятку изловить и по десятку; тѣ приговоръ знаютъ, тому *добрый человѣкъ* заганиваетъ. Другой охотникъ съ лѣсовымъ, какъ мы съ тобой али братъ съ братомъ, сойдется — онъ этимъ и ловитъ. У насъ въ В*** ворожей, вонъ въ двѣ недѣли 8 штукъ изловилъ; 4 лисицы, да 4 волка — вотъ и знай! Мы у него и спрашиваемъ, какъ онъ ловитъ, да сказать-то ему нельзя: ему ловли не будетъ самому; ему не велитъ сказывать нечистый. Что не вѣришь? а какъ-же у меня, примѣромъ, бываетъ наставлено, сколько мѣста огородишь, кляпцами, а лиса-то, ровно человѣкъ, обойдетъ да выйдетъ; это *енъ*-то и отганиваетъ за то, что мы *ему* не служимъ: *ему* ворожейной-то души хочется, а тому — лисичку даромъ; *ему* не кошные (наемные) заганивать-то — дьяволятъ много. Да чего! мало-ли у насъ этихъ ворожей! Лисицу ничѣмъ больше не словишь: она и не рада-бы идти, да гонятъ, и духу тутъ не чуетъ; а у насъ вонъ, хоть сколько глубоко зарой кляпецъ, — что волкъ, что лисица, желѣзный духъ чуютъ... Этому, братецъ мой, вѣрь; это кого хошь спроси, такъ всякій тебѣ скажетъ — кто и не охотникъ. Намъ иные ворожеи срушны, такъ истину правду сказывали: *онъ* имъ, вишь ты, не въ своемъ видѣ кажется-то, а словно какъ и человѣкъ; коли ты въ своемъ-то видѣ его увидишь, такъ тебѣ живымъ не бывать — смотри-ка енъ выше лѣсу ходитъ! Ворожей казывалъ: идешь гдѣ лѣсомъ, да на слѣдъ его только наступишь,

такъ сейчасъ какое ни на есть мѣсто и заболитъ у тебя. А что думаешь? я валежникъ въ лѣсу таскалъ, да на слѣдъ должно и наступилъ. Мнѣ какъ бокъ схватитъ! Да ломило, да ломило, такъ насилу до дому дошелъ, да ужъ солью оттерла ворожиха. Али зубы ни съ чего заболятъ: опять, ни къ кому другому, къ ворожихѣ ступай. Стало быть ты не знаешь, какъ вотъ ворожихи-то людей портятъ! По вѣтру-то пущаютъ: настрижетъ съ собаки шерсти, да на шерсть наговоритъ, да по вѣтру-то пуститъ — на человѣка и налетитъ. Въ который день Отче или Вѣрую прочитаешь — анделъ не допущаетъ, а кое не умѣетъ читать молитву, али и забылъ только, тотъ погибаетъ: у его въ утробѣ нечистый рости иметъ, рычать человѣкъ иметъ. Вонъ женщины какія есть: какъ къ причастію али исповѣди поведутъ, нечистому и не любо станетъ — рычать иметъ. На свадьбахъ-то у насъ мало-ли народу изводятъ... Вотъ П....у старуху знаешь? ей и не попадай встричу, какъ на охоту пойдешь. Зайца просила разъ, а зайца въ ту пору у меня не было. Такъ чего! и напустила она на меня — съ той поры не могу ни одного зайца поймать. Боимся мы этихъ ворожей! Охъ, боимся! — и охоты-то лишитъ, и самъ-отъ бойся.

Чего и не натерпишься по лѣсамъ; да другому что хошь, хоть 10 руб. дай, чтобъ въ лѣсу заночевалъ такъ не возьметъ; а мы-то, какъ ходишь, да ходишь за оленями-то, верстъ 20 или 30 идешь, такъ неволей въ лѣсу ночуешь. Въ другой разъ и не заснешь, въ скукѣ тутъ спанье: дума-то на горахъ ходитъ, — чего и непричудится! Только молитву творишь, такъ Богъ милуетъ. Вѣдь власть-то надъ тобой какая! Ихъ 12 братьевъ и 12 сестеръ, нечистыхъ-то! да такая сила, что енъ и въ церковь идетъ да только до Херувимской пѣсни стоять можетъ — тутъ ужъ выходить долженъ... Али не знаете этого? Вотъ поживете да состаритесь, такъ узнаете и не это еще“...

———※———

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ

ПО ЗАКАВКАЗСКОМУ КРАЮ.

I.

Религіозное празднество мусульманъ-шіитовъ.

Я подъѣхалъ къ Шушѣ поздно вечеромъ: сквозь темноту можно было видѣть только темный силуэтъ городской стѣны, построенной на верху высокой, крутой горы. Шуша — областной городъ Шушинскаго уѣзда — прежде былъ резиденціею карабахскихъ хановъ. Это мѣсто довольно хорошо укрѣпленное, потому что съ двухъ сторонъ защищено отвѣсною скалою, а съ остальныхъ — стѣною съ башнями; весьма хорошей постройки. Подъемъ къ городу очень труденъ, дурная, грубо вымощенная большими каменьями дорога такъ крута, что 5 лошадей съ трудомъ тащили мою повозку. Еще не доѣзжая горы я видѣлъ, что надъ городомъ появился сильный свѣтъ и слышалъ гулъ отъ какого-то крика; по мѣрѣ того, какъ я приближался, свѣтъ все болѣе и болѣе увеличивался и, наконецъ, обратился какъ-бы въ зарево большаго пожара, а гулъ перешелъ въ безпорядочный ревъ, явно, многихъ тысячъ голосовъ. Я въѣхалъ въ городъ узкими крѣпостными воротами, и здѣсь картина, подобной которой я никогда ничего не видѣлъ — картина оригинальная дикая, представилась мнѣ: вся площадь, буквально, была запружена народомъ, шумящимъ и бѣснующимся и просто глазѣющимъ. Партіями человѣкъ въ сто, вытянувшимися въ линію, татары *прыгали* по площади и прыгали бѣшено, съ дикими возгласами; каждый

лѣвою рукою держался за кушакъ своего сосѣда, а въ правой держалъ высоко надъ головою толстую палку, которою съ каждымъ прыжкомъ потрясалъ. Такихъ партій было три и впереди каждой мальчишки, наряженные въ какую-то странную смѣсь разнаго тряпья и вывороченныхъ къ верху шкуръ, скачутъ, кривляются и бьютъ въ турецкіе барабаны и мѣдныя тарелки, подъ общій тактъ криковъ и пляски. Муллы-распорядители поощряютъ словами и жестами прыгающихъ, расталкиваютъ народъ, бранятся; наконецъ, какой-то важный бекъ (бекъ — дворянинъ), повидимому, главный распорядитель, скачетъ въ толпѣ взадъ и впередъ, размахиваетъ шашкою и ругается на чемъ свѣтъ стоитъ. Къ этому гаму примѣшивается еще говоръ и шумъ глазѣющей толпы, ржанье лошадей и проч. Сцена освѣщена огромными нефтяными факелами: въ желѣзныя рѣшетчатыя коробки набросано тряпье, постоянно обливаемое нефтью; сотни этихъ факеловъ, горящихъ сильнымъ пламенемъ, носятся, вслѣдъ за прыгающими, на высокихъ шестахъ. Въ массѣ скачущихъ на площади отдѣляются группы персіянъ: они не держатся другъ за друга, а на лѣвой рукѣ носятъ какъ-бы собравшись въ дорогу, плащи; они тоже неистово скачутъ во всѣ стороны.

Каждый годъ, въ продолженіе девяти первыхъ дней мѣсяца Мöхарреми, справляютъ такимъ образомъ татары свои вечера въ память страданій и мученической смерти имамовъ, почитаемыхъ шіитскимъ толкомъ; десятый день посвященъ памяти самого Гуссейна, перваго имама, сына Алія, внука Магомета. Эти десять дней — время скорби и траура для мусульманъ-шіитовъ: полагается въ эти дни держать строгій постъ, то-есть не ѣсть ничего въ продолженіе дня, съ разсвѣта до сумерекъ; набожные люди не брѣютъ ни лица, ни головы, не курятъ, не ходятъ въ баню, не пускаются въ путешествія, а проводятъ большую часть времени въ благочестивыхъ разговорахъ, которые переводятся прозою татарской жизни въ сплетню. Тѣ, которые дѣйствительно воздерживаются въ продолженіе дня отъ пищи и кальяна, съ избыткомъ вознаграждаютъ это лишеніе въ дозволенное время, то-есть обжи-

раются до разсвѣта и послѣ сумерекъ. Въ мечетяхъ за эти дни читаются страницы изъ описанія страданій имамовъ и говорятся на эту тему проповѣди.

Эти страданія имамовъ служатъ также содержаніемъ для мистеріи или драмы, разъигрываемой частію въ первые девять дней, частію, и съ особеннымъ торжествомъ, на десятый день. Согласно древнему обычаю, вся драма должна была-бы разъигрываться въ послѣдній день, но для облегченія какъ самихъ актеровъ, такъ и зрителей, представленіе дается отдѣльными дѣйствіями въ продолженіе многихъ дней.

Въ Шушѣ дѣло велось такимъ образомъ: при мечети, въ товарномъ караванъ-сараѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ, гдѣ есть большой дворъ, окруженный зданіями, устраиваются подмостки. Дѣйствующія лица набираются изъ желающихъ горожанъ, а для главныхъ ролей часто выписываютъ актеровъ изъ Персіи, гдѣ, какъ въ главномъ гнѣздѣ шіитства, есть не дурные мастера этого дѣла. Главный распорядитель представленій завѣдуетъ и костюмировкою, которая оригинальна и фантастична, но довольно произвольна; странно, напримѣръ, видѣть въ группѣ актеровъ, разодѣтыхъ въ кольчуги, шлемы и со щитами въ рукахъ — одного одѣтаго въ современный русскій чиновничій вицъ-мундиръ, со старою пуховою шляпою на головѣ. Мнѣ объяснили, что эта смѣшная фигура представляетъ французскаго посланника (по преданію присутствовавшаго при нѣкоторыхъ изъ представляемыхъ событій). Другой актеръ, представляющій арабскаго калифа, преважно возсѣдаетъ въ старой французской кавалерійской каскѣ, съ длинною прядью конскихъ волосъ на гребнѣ. Всѣ женскія роли исполняются мужчинами, закутаннными въ платки и шали до самыхъ глазъ, т. е. такъ, какъ это принято у туземокъ. Дворъ, на которомъ дается представленіе, биткомъ наполняется народомъ, верхнія галлереи караванъ-сарая женскими чадрами.

Актеры разстанавливаются и разсаживаются на платформѣ полукругомъ; каждый держитъ въ рукахъ маленькую тетрадку, по которой и читаетъ свою роль, обыкновенно жалобнымъ голосомъ, нараспѣвъ. Помню одного актера изъ Персіи, исполнявшаго роль

убійцы пророка: онъ декламировалъ съ большимъ одушевленіемъ, сильнымъ, звучнымъ голосомъ; присутствовавшіе буквально электризировались его словами. Вообще представленія эти производятъ на толпу сильное дѣйствіе: раздаются со всѣхъ сторонъ плачъ и рыданія, при нѣкоторыхъ сценахъ, особенно трогательныхъ, какъ напримѣръ, когда молодой имамъ, послѣдній родственникъ Гуссейна, оставшійся въ живыхъ, передъ выходомъ на битву, прощается съ матерью и родными, стоны и вопли поднимаются такіе, что заглушаютъ и прерываютъ ходъ дѣйствія. Я видѣлъ около себя сѣдыхъ стариковъ, которые плакали и рыдали, какъ дѣти. О женщинахъ и говорить нечего: онѣ заливаются, мечутся и рвутся во все продолженіе представленія. Можно сомнѣваться въ полной искренности такой необыкновенной горести; вѣроятно, не малую роль играетъ тутъ увѣренность шіитовъ въ томъ, что *каждая слеза, пролитая при этомъ случаѣ, смываетъ цѣлыя горы грѣховъ.*

Въ продолженіе помянутыхъ девяти дней, татары ходятъ процессіями по городу, поютъ разные жалобные гимны и бьютъ себя въ грудь, подъ тактъ общаго напѣва. Съ наступленіемъ вечера, какъ я уже говорилъ выше, съ разныхъ концовъ города начинаютъ сходиться на площадь партіи прыгающихъ, и бѣснуются такимъ образомъ до поздней ночи. Такъ выказываютъ татары свою печаль и въ то-же время готовность стоять за свою вѣру и имамовъ, или, такъ какъ имамы уже перешли въ вѣчность, то пускай, дескать, знаетъ міръ, какъ защищали-бы мы ихъ, если-бы они жили и страдали въ наше время...

До послѣднихъ годовъ эти ночныя собранія были запрещены правительствомъ, потому что они часто вели къ кровопролитіямъ, и вотъ въ чемъ дѣло: въ каждомъ татарскомъ городѣ непремѣнно есть партіи, происхожденіе которыхъ теряется въ далекомъ прошломъ; онѣ сами не разъясняютъ себѣ какъ слѣдуетъ причину недоразумѣній между собою и перемѣшиваютъ неурядицы своей исторіи съ современными житейскими дрязгами и интригами дня. Такъ въ Шушѣ, потомки партій, враждовавшихъ когда-то изъ-за двухъ претендентовъ на персидскій престолъ, Гойдари и Неэмети

(страна принадлежала Персіи), переименовались просто въ губернаторцевъ и противогубернаторцевъ; тѣмъ не менѣе, они и теперь при удобномъ случаѣ не прочь подраться между собою, точно такъ-же, какъ дрались ихъ предки. Эти воинственныя наклонности хорошо извѣстны мѣстной власти, которая обыкновенно почетно выпроваживаетъ съ мѣста сборища одну партію, въ то время, какъ гиканія другой возвѣщаютъ объ ея приближеніи. Мнѣ разсказывали о случаѣ въ одномъ городѣ Закавказья, когда послѣ одного такого ночнаго празднества, кромѣ увѣчныхъ и раненыхъ, осталось на мѣстѣ нѣсколько десятковъ убитыхъ.

Передъ тѣмъ какъ перейдти къ послѣднему, десятому, дню праздниковъ, скажу нѣсколько словъ объ исторической основѣ ихъ.

„Имамъ Гуссейнъ (сынъ Алія, двоюроднаго брата Магомета, женатаго на дочери пророка Ѳатьмѣ), жившій въ Udинѣ и давно уже втайнѣ преслѣдуемый арабскимъ халифомъ Езидомъ за привязанность къ нему народа, наконецъ возсталъ противъ этого халифа; ему удалось поднять жителей преданнаго ему города Кюфа и собрать войско, но возстаніе было скоро подавлено, и самъ Имамъ, оставленный почти всѣми приверженцами, загнанъ въ пустыню на берегъ Евфрата, гдѣ всѣ его дѣти и родственники, за исключеніемъ одного больнаго сына, послѣ подвиговъ высокой храбрости, пали, одинъ за другимъ, въ слишкомъ неравной борьбѣ; тѣла ихъ подверглись поруганію непріятеля, имущество—разграблено, а жены и родственницы Гуссейна, вмѣстѣ съ головами убитыхъ, воткнутыми на пики, доставлены въ Шамъ (Дамаскъ) къ халифу Езиду. Девять дней продолжалась неравная борьба; послѣднимъ — на десятый день — сложилъ свою голову и храбрѣйшій изъ храбрыхъ, самъ Гуссейнъ. Смертные останки его были впослѣдствіи похоронены на мѣстѣ, названномъ Кербелай (кербъ и бела — земля печали и горя), сдѣлавшимся великою святынею, главнымъ мѣстомъ поклоненія шіитовъ“ *).

*) Изъ опасенія слишкомъ удлиннить статью, опускаю поэтическія и не безъинтересныя подробности этого событія.

Память этихъ-то десяти дней и справляется ежегодно молитвою,

Персіянинъ.

постомъ и тѣми церемоніями, о которыхъ идетъ рѣчь. Празднество десятаго дня отличается особенною торжественностью. Огромная

процессія, сопровождаемая всѣмъ населеніемъ, выходитъ за городъ, гдѣ располагается на лугу слушать и смотрѣть представленіе послѣдняго дѣйствія кровавой драмы, когда-то разыгравшейся на берегахъ Евфрата и съ тѣхъ поръ прикрашенной и получившей легендарный характеръ.

Въ толпѣ народа, на городской площади въ Шушѣ, ожидалъ я зрѣлища, подобнаго которому, по фанатизму и дикости, вѣроятно, не сохранилось въ наше время ничего и нигдѣ. Протяжные крики: Гуссейнъ! Гуссейнъ! дали знать о приближеніи процессіи, которая вскорѣ и показалась. Впереди тихо двигаются *рѣжущіеся*: нѣсколько сотъ человѣкъ идутъ въ двѣ шеренги, держась лѣвою рукою одинъ за другаго; въ правой у каждаго по шашкѣ, обращенной остріемъ къ лицу. Кожа на головахъ фанатиковъ изсѣчена этими шашками; кровь льется изъ ранъ буквально ручьями, такъ что лицъ не видно подъ темно-красной корой, запекшейся на солнцѣ, крови; только бѣлки глазъ да ряды бѣлыхъ зубовъ выдѣляются на этихъ сплошныхъ кровяныхъ пятнахъ. Нельзя безъ боли смотрѣть на рѣжущихся такимъ образомъ малолѣтнихъ, идущихъ въ общей шеренгѣ, въ головѣ шествія. У каждаго обвязана кругомъ шеи бѣлая накрахмаленная простыня; накрахмалена она для того, чтобы не пропускала кровь на платье, а крови на простыняхъ довольно: лучше сказать, онѣ залиты ею сверху до низу.

Въ серединѣ между рядами рѣжущихся идутъ главные герои дня, ищущіе чести уподобиться своими страданіями самому Гуссейну — полунагіе фанатики, израненные воткнутыми въ тѣло разными острыми предметами. Передняя сторона головы такого мужа украшена, на подобіе зубцевъ короны, тонкими деревянными палочками, заткнутыми за кожу по лбу и на скулахъ, до ушей; тутъ-же затыкаются небольшіе замочки; эти замочки и еще небольшія-же складныя зеркальца нанизаны по рукамъ, на груди и на животѣ. Зеркальцы затыкаются за кожу небольшими проволочными крючками. На груди и на спинѣ привязаны къ тѣлу, концами на-крестъ, по два кинжала, и привязаны такъ плотно, что одного неловкаго движенія достаточно для того, чтобы лезвіе вошло въ тѣло. Съ боковъ,

поперегъ корпуса, двѣ шашки, также не безопасно расположенныя лезвіемъ по тѣлу; на концы шашекъ накидываются мѣдныя цѣпочки или тяжелыя желѣзныя цѣпи — то или другое, смотря по усердію. Кромѣ того, всюду по тѣлу натыканы желѣзныя и деревянныя, длинныя и короткія палочки, болѣе или менѣе подвязанныя къ

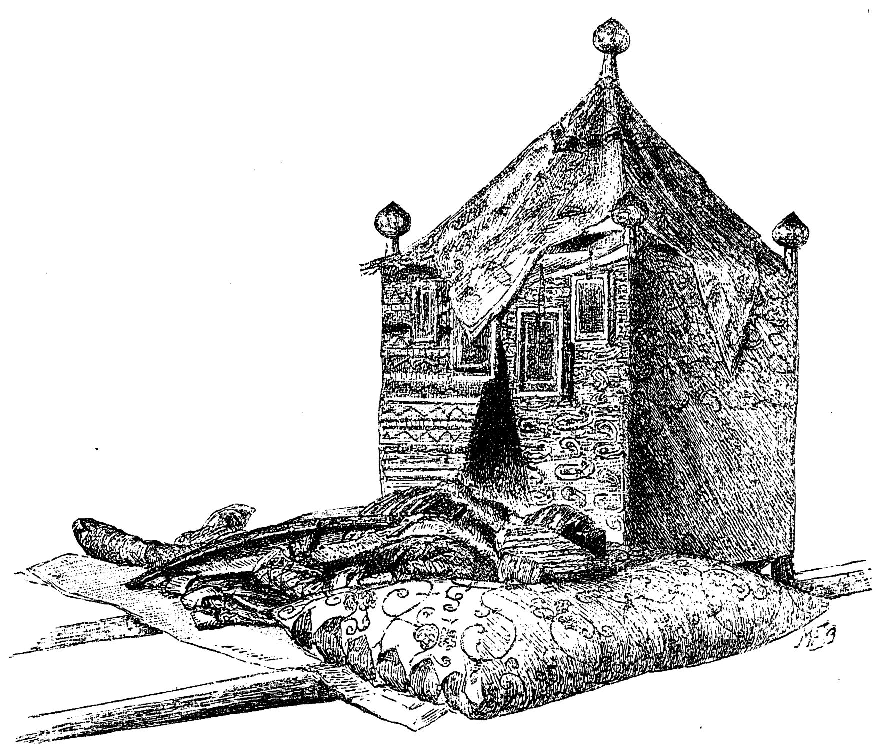

Рѣжущійся.

тѣлу для уменьшенія боли; желающіе попарадировать передъ народомъ, не нанося себѣ большаго вреда, очень легко или и вовсе не затыкаютъ за кожу всѣ эти предметы и такъ ловко подвязываютъ ихъ, что издали они имѣютъ видъ входящихъ въ тѣло. Кающихся этого втораго разряда, т. е. съ утыканною кожею, вообще бываетъ гораздо меньше, нежели рѣжущихся, человѣкъ 5, 6, не болѣе, и

надобно думать, что они страдаютъ менѣе первыхъ, изъ которыхъ многіе на моихъ глазахъ падали безъ чувствъ, или выводились своими родственниками изъ рядовъ, въ состояніи полнаго изнеможенія.

За этими вѣрными идетъ толпа народа, избравшаго себѣ благую часть — отдѣлываться въ общемъ покаяніи однимъ трауромъ. Черные

Молодой Имамъ, убитый.

или фіолетовые траурные архалуки ихъ растегнуты на груди, по которой они бьютъ себя, причемъ вторятъ общему крику. Нѣкоторые ударяютъ себя не просто ладонями, а большими тяжелыми кирпичами: бѣдная грудь дѣлается пунцовою отъ ударовъ, и народъ тѣснится, толпится около этихъ изувѣровъ: „вотъ они, наши праведные, опоры нашего благочестія...“ Одинъ дервишъ, въ абѣ и въ остроконечной

шапкѣ съ священными подписями, навѣсилъ себѣ на шею цѣпей и веревку съ огромнымъ камнемъ, совсѣмъ согнувшимъ его спину; женщины, слѣдующія за процессіею, наперерывъ прорываются къ нему, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на праведника. Впрочемъ, дервиши, по большей части, избираютъ себѣ въ эти дни болѣе спокойное занятіе: они разстилаютъ коврики по дорогѣ, раскладываютъ на нихъ четки, камешки и проч. бездѣлушки изъ Кербелаи и другихъ св. мѣстъ, а сами, разсѣвшись около, вопятъ, размахиваютъ руками и просто требуютъ у проходящихъ милостыни *божьимъ людямъ*. Далѣе въ процессіи несутъ на плечахъ четыреугольный остроконечный ковчежецъ, увѣшанный шалями и зеркалами; поперегъ носилокъ лежитъ человѣкъ въ богатомъ платьѣ — это убитый молодой имамъ. Множество народа поддерживаетъ носилки, каждый считаетъ за счастье хоть прикоснуться къ нимъ. Этотъ молодой имамъ, племянникъ Гуссейна, едва умолилъ своего дядю отпустить его на битву, и тотъ, передъ тѣмъ, какъ отправить его на вѣрную смерть, исполнилъ свое давнишнее желаніе, обручилъ его со своею дочерью — вотъ почему, слѣдомъ за ковчежцемъ, несетъ татаринъ, на бритой головѣ, расписанный лотокъ съ атрибутами свадебнаго обряда.

Далѣе идетъ воинъ, въ шлемѣ и кольчугѣ, перевязанной шалями; онъ несетъ въ правой рукѣ красивый топорикъ — это военачальникъ халифа, совершившій избіеніе имамовъ. За нимъ ведутъ лошадь Гуссейна въ золотой сбруѣ и богато-расшитомъ сѣдлѣ. Сѣдло утыкано стрѣлами, также какъ и вся лошадь, только на послѣдней стрѣлы замѣнены свернутыми бумажками, прилѣпленными краснымъ, изображающимъ кровяныя пятна, воскомъ.

Затѣмъ несутъ съ большою честью и самого Имама — чучелу безъ головы, одѣтую въ богатое платье; на мѣстѣ шеи вставлено между одеждами нѣсколько коровьихъ позвонковъ, съ окровавленнымъ мясомъ. Вся грудь убитаго утыкана стрѣлами, и къ ней привязаны два живыхъ голубя — невинность. На этихъ же носилкахъ стоитъ на колѣняхъ мальчикъ, весь съ головой закутанный въ бѣлый саванъ, испятнанный кровью; для глазъ продѣланы от-

верстія въ одеждѣ, а къ мѣсту рта пришитъ длинный красный языкъ — для означенія жажды, которую претерпѣвалъ имамъ и все его семейство; мальчикъ держится руками за голову и поминутно припадаетъ къ ногамъ убитаго Гуссейна. Новыя толпы народа съ рыданіемъ слѣдуютъ за этою святою ношей. Затѣмъ ѣдутъ муллы и актеры; эти послѣдніе въ полныхъ костюмахъ и вооруженіи. Народъ валитъ за процессіею густою толпою, женщины и мужчины, конные и пѣшіе. Двери, окна и балконы сосѣднихъ домовъ, также и городская стѣна усѣяны народомъ. Наконецъ, процессія выходитъ за городъ, гдѣ на лугу устраивается кругъ для представленія. Рѣжущіеся усаживаются впереди другихъ, по внутренней линіи круга, за ними остальной народъ, позади всѣхъ конные. Начинается представленіе, и съ нимъ плачъ и вопли зрителей. Для большей торжественности, къ представленію этого дня приглашается русская полковая музыка, плохо гармонирующая съ характеромъ всей обстановки. Еще болѣе неэффектную роль играютъ донскіе казаки, пополняющіе, за недостаткомъ актеровъ, число убійцъ имамовъ. Съ этими казаками, которые обыкновенно заканчиваютъ представленіе атакою, вышелъ при мнѣ пресмѣшной случай. Молодой имамъ, вышедши на битву съ своими врагами, обращаетъ всѣхъ ихъ въ бѣгство; казаки, представлявшіе воиновъ Езида, должны были такимъ образомъ отступить передъ 14-ти-лѣтнимъ мальчикомъ. Должно быть, это имъ не понравилось, потому что, вмѣсто отступленія, они такъ поприжали юношу, что тотъ, въ свою очередь, далъ тягу. Ходъ дѣйствія нарушился и весь народъ началъ высказывать свое неудовольствіе; со всѣхъ сторонъ кричатъ казакамъ, что имъ надобно отступить, бѣжать — не тутъ-то было: они вошли въ задоръ и вложили сабли свои въ ножны только тогда, когда схватили лошадей ихъ подъ уздцы и вывели изъ круга.

Съ окончаніемъ представленія оканчиваются и всѣ церемоніи этихъ праздниковъ. Говорятъ, что прежде народъ считалъ своею обязанностью, при шабашѣ, поколотить всѣхъ представлявшихъ убійцъ имамовъ, такъ что даже трудно было находить желающихъ исполнять роли этихъ послѣднихъ. Нынче это вывелось.

II.

Духоборцы.

Съ высокаго хребта открылась предъ нами долина, въ которой расположена духоборческая деревня Славянка. Немного далѣе, за ближними горами, какъ мнѣ объясняли, есть еще нѣсколько деревень этихъ же сектаторовъ, но тѣхъ мнѣ не удалось видѣть. Скоро повстрѣчались и сами духоборцы: большой гурьбой возвращались они съ ближняго сѣнокоса домой, съ косами и граблями на плечахъ. Одѣты въ бѣлыя рубашки, заложенныя въ широкія шаровары — по-солдатски, на головахъ картузы съ большими козырями. Толпа смотрѣла весело, слышны были говоръ и смѣхъ. Проѣзжему всѣ вѣжливо приподняли шапки.

Деревня Славянка лежитъ въ лощинѣ, при быстромъ горномъ ручьѣ, текущемъ въ Куру; до Елисаветполя (Ганжи) отсюда будетъ верстъ 60 съ лишечкомъ. Кругомъ горы, почти лишенныя растительности, но въ самомъ селеніи много зелени и деревьевъ. Въ деревнѣ теперь считается 205 домовъ и до 600 душъ мужескаго пола.

Духоборцы вышли сюда или, лучше сказать, были выселены изъ Таврической губерніи, куда, въ свою очередь, ихъ переселили въ 20-хъ годахъ изъ внутреннихъ губерній. Многіе старики хорошо помнятъ еще родныя мѣста въ старой Россіи, въ Тамбовской, Саратовской и др. губерніяхъ. Первая партія пришла въ 1840 году, другія нѣсколько позже. Сначала было имъ здѣсь довольно тяжело: пришлось, на первое время, селиться у сосѣднихъ армянъ и татаръ, которые обращались съ ними очень немилостиво, безъ церемоній грабили ихъ и даже рѣзали. Строиться было трудно, лѣсу вблизи нѣтъ и провозъ его, по горнымъ тропамъ, очень затруднителенъ; многіе тогда возвратились въ православіе и вернулись въ Россію.

Кое-какъ, впрочемъ, оставшіеся оправлялись понемногу, и теперь, т. е. черезъ 25 лѣтъ, духоборческія поселенія, въ числѣ, если

не ошибаюсь, четырехъ деревень, выстроились и обставились отлично, на зависть всѣмъ окрестнымъ туземцамъ.

Прежде строго преслѣдовали ихъ толкъ, стараясь препятствовать распространенію его; въ этихъ-то видахъ духоборцы были высе-

Духоборецъ.

лены сначала въ Таврію, а потомъ, въ еще болѣе глухое мѣсто, въ горы Закавказскаго края. Императоръ Александръ I посѣщалъ ихъ еще въ Таврической губерніи, присутствовалъ при моленіи и своимъ милостивымъ обращеніемъ не только оставилъ по себѣ

добрую память между сектаторами, но и улучшилъ ихъ, крайне незавидное тогда, гражданское положеніе. „Только со времени его посѣщенія“, говорятъ духоборцы, „стали смотрѣть на насъ, какъ на людей: и скотинку погонишь въ городъ, и что другое продашь или купишь; а то прежде, купецъ или кто другой, первымъ дѣломъ, начнетъ ругаться передъ тобой: нехристи, да такіе, сякіе... просто хоть и не показывайся никуда“. Вообще можно замѣтить, что прежнія гоненія и оскорбленія еще очень памятны имъ, такъ что, несмотря на лучшія времена, охотниковъ на переселеніе назадъ въ Россію между духоборцами найдется, вѣроятно, не много. Основная религіозная идея духоборцевъ можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ. Единый Богъ въ трехъ лицахъ: Отецъ Богъ — память, Сынъ Богъ — разумъ, Духъ св. Богъ — воля, Богъ — троица едина. Никакихъ *писаній* они не имѣютъ; не признаютъ ни евангелія, ни библіи, ни книгъ св. отцевъ православной церкви: все это, говорятъ они, написано человѣками, а все, что отъ человѣка — несовершенно. Понятіе о Христѣ чрезвычайно сбивчивое: вмѣстѣ съ смутнымъ признаніемъ его, какъ Богочеловѣка, полнѣйшее отсутствіе понятія о томъ, какъ онъ жилъ и за что страдалъ. Понятіе о Христѣ ограничивается тѣмъ, что сказано о немъ въ ихъ такъ-называемыхъ *Давыдовыхъ псалмахъ*. Эти псалмы — единственныя молитвы, общеупотребительныя у духоборцевъ; на сколько они Давыдовы, т. е. насколько могутъ быть приписаны пророку Давыду, который пользуется у нихъ большимъ уваженіемъ, можно судить по тѣмъ образцамъ, которые у меня есть. Можетъ быть, въ первое время образованія толка, молитвы эти имѣли болѣе смысла; но такъ какъ онѣ передавались и теперь передаются въ семействахъ отъ отца къ сыну *только устно*, то и неудивительно, что, при совершенной безграмотности этого народа, многія слова и цѣлыя фразы искажены и обезсмыслены до смѣшнаго. Духоборцы же увѣрены, что каждое слово этихъ псалмовъ идетъ по преданію отъ устъ самого псалмопѣвца.

Недовѣріе, или, даже вѣрнѣе будетъ сказать, отвращеніе ко всякимъ *писаніямъ*, доводитъ ихъ иногда до безсмыслицъ въ родѣ

слѣдующей. Вмѣстѣ съ пророкомъ Давыдомъ, три ветхозавѣтныя личности пользуются у нихъ большимъ почетомъ: это — Ананія, Азарія и Мисаилъ, и почему-же? — потому что *они достояли при крестѣ до конца*; „на что ужъ апостолъ Петръ былъ близокъ ко Христу“, толкуютъ духоборцы, „и тотъ отрекся отъ него, а они выдержали“. На замѣчаніе мое, что, живя гораздо ранѣе Христа, они не могли присутствовать при его страданіяхъ — отвѣчаютъ, что „не ихъ дѣло разсуждать объ этомъ, *довольно вѣрить тому, что передано отъ отцевъ*“.

— Не извѣстны-ли вамъ, говорю я нѣсколькимъ старичкамъ, бесѣдовавшимъ со мною: — кромѣ Давыда, и другіе ветхозавѣтные пророки, также много предсказывавшіе о Христѣ, какъ, напримѣръ, Исаія...

— Какой это, батюшка, Исай, перебиваютъ меня: — это что Аврамъ, Исай, Іаковъ-то?.. Гдѣ-же ихъ знать, и много ихъ всѣхъ, да и давно они очень жили.

О святыхъ, почитаемыхъ греческою церковью, отзываются, что это были, можетъ быть, очень добрые люди — и только.

Догматъ почитанія властей, вслѣдствіе практической необходимости, начинаетъ входить у нихъ въ силу и, съ другой стороны, утрачиваетъ значеніе любимый догматъ духоборца:

... Не убоюся
На Бога сположуся.

По поводу этого стиха, припоминаю смѣшной случай. Какъ-то въ воскресенье, справляемое у духоборцевъ съ водкою и гульбою, пьяный отставной солдатъ (которыхъ много между этими сектаторами) крѣпко ругался подъ моимъ окномъ; я послалъ, бывшаго со мною провожатаго, казака, попросить его уйти съ бранью куда нибудь въ другое мѣсто. Смотрю въ окно и вижу, что казакъ принялся усовѣщивать:

— Что ты это вздумалъ тутъ ругаться, развѣ не видишь, здѣсь остановился проѣзжій чиновникъ, вѣдь не хорошо...

Пьянчужка мой презрительно посмотрѣлъ на посланнаго, подбоченился и пропѣлъ ему въ отвѣтъ:

Я тебя не убоюся,
А на Бога сположуся!

Казакъ махнулъ рукой и воротился ко мнѣ огорченный.

— Ничего съ нимъ, ваше благородіе, не сговоришь, грубіянъ, извѣстно — пьяный человѣкъ...

„Царя мы почитаемъ,—говорятъ духоборцы,— это на насъ пустое взвели, что мы власть не чтимъ; Царя нельзя не почитать, только-что отцемъ его, какъ православные, не называемъ.“

Разскажу о богослуженіи духоборцевъ, крайне простомъ и не сложномъ.

Въ воскресенье провели меня въ избу, назначенную для собраній. Очень чистая, обыкновенная крестьянская горница; просторная, но низкая, съ большою русскою печью и увѣшанная красивыми полотенцами, биткомъ набита народомъ. Мужчины съ одной стороны, жинки съ другой; постарше лѣтами сидятъ на лавкахъ, остальные стоятъ. Начинаютъ по-очередно читать молитвы; если кто ошибется, его тотчасъ-же поправляютъ:

— Не такъ ты говоришь!

— Какъ не такъ, какъ-же еще?

— А вотъ какъ... и, въ свою очередь, ошибается — опять со всѣхъ сторонъ раздаются поправки. Я замѣтилъ, что ошибаются больше мужчины, женщины знаютъ молитвы (псалмы тожъ) тверже и поправки идутъ больше съ ихъ стороны. Чтеніе молитвъ продолжается довольно долго, пока не истощится весь запасъ ихъ, или, что бываетъ въ тяжелую рабочую пору, пока не начнетъ сказываться въ присутствующихъ усталость, послышатся съ угловъ и укромныхъ мѣстечекъ всхрапыванія. Тогда кто-нибудь приглашаетъ собраніе перейти къ пѣнію:

— А что, господа, тяжко (душно) что-то, не выдти-ли на дворъ попѣть-то?

Всѣ отправляются на дворъ, гдѣ опять мужчины становятся въ одну сторону, женщины въ другую. Обычай становиться мужчинамъ и женщинамъ однимъ противъ другихъ строго соблюдается. Этимъ исполняется заповѣдь: *имѣть передъ собою, во время молитвы, образъ Божій.*

Поютъ также долго, на одинъ и тотъ-же заунывный и такой грустный напѣвъ, что непривычному тоскливо сдѣлается: вспоминается что-то родное, далекое... Волга и бурлаки съ ихъ пѣсней, подобною стону... Впереди мужчинъ всегда стоитъ запѣвало, который и начинаетъ *выпѣванiе* каждаго псалма.

Въ деревнѣ Славянкѣ исправлялъ эту почетную должность пренаивный старичекъ, часто приходившiй ко мнѣ бесѣдовать и всегда не съ пустыми руками: то съ сотовымъ медомъ, то съ свѣжими огурчиками, за что, впрочемъ, не упускалъ случая упрятывать въ карманъ добрую горсточку папиросъ, которыми послѣ, какъ мнѣ сказывали, похвалялся передъ сосѣдями: „чиновникъ это меня все подчуетъ — уважаетъ".

Мнѣ онъ нѣсколько разъ тонко намекалъ на важность исполняемой имъ обязанности: „Поди ты, вотъ другому, хоть что хошь, не *зачать* псаломчика — это ужъ въ кого что Господь вложитъ... Только запѣвало и, можетъ быть, еще нѣсколько человѣкъ при пѣнiи слѣдятъ за словами, остальные-же просто вторятъ *всемъ*.

Передъ окончанiемъ богослуженiя, становятся полукругомъ и начинаютъ кланяться и цѣловаться другъ съ другомъ; мужчины обходятъ поочередно всѣхъ мужчинъ, женщины — женщинъ. Взявшись за правыя руки и поклонившись одинъ другому два раза, цѣлуются, затѣмъ еще два раза кланяются; послѣднiй поклонъ, особенно низкiй, обращенъ со стороны мужчинъ къ женщинамъ, и къ мужчинамъ — съ женской стороны. Поклоны отвѣшиваются какъ-то очень неуклюже и немного въ сторону. Каждый обойдетъ непремѣнно всю присутствующую братiю, не исключая и подростковъ. Очень маленькихъ дѣтей мнѣ не случалось видѣть на молитвахъ. Во все время церемонiи поклоновъ, пѣнiе не прерывается. По окончанiи ея — шабашъ, шапки на голову и по домамъ.

Я записывалъ ихъ псалмы буквально, со словъ старыхъ и молодыхъ; тѣ и другiе, старики-же въ особенности, плохо понимаютъ, что они говорятъ; зазубривая слова наизустъ, они часто не понимаютъ ихъ смысла и когда я спрашивалъ объясненiя нѣкоторыхъ мѣстъ, старички отвѣчали, большею частью, такъ: „Кто-жъ его знаетъ,

премудрость Божія, не достигнешь всего этого“, или „Богъ его знаетъ, я этого не знаю, такъ родители наши читывали, такъ и мы читаемъ; такъ маленькихъ пріучили, и Господь знаетъ, что тамъ къ чему“. Случалось получать и объясненія, но по большей части очень темныя; видно было, что сходство въ выговорѣ словъ и выраженіи фразъ принималось за сходство въ смыслѣ. Стоитъ читающему забыть одно слово псалма — онъ тотчасъ сбивается и начинаетъ сначала.

Случится, что бравый духоборецъ выпуститъ изъ середины добрую часть молитвы и догадается объ этомъ только тогда, когда окончитъ. Подумаетъ, подумаетъ, да и говоритъ: „должно пропустилъ я чего-нибудь, потому ужь очень скоро конецъ пришелъ“.

Иногда-же спохватится во-время: „нѣтъ, нѣтъ, что-то не такъ; нутка почитайте, что тамъ у васъ записано?“ Я читаю:.. „и причащаемся мы ко святымъ его тайнамъ, божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ“... „Ну, ну, такъ, такъ; еще теперь пиши Христовымъ“ — и потомъ начнетъ припоминать весь запасъ книжныхъ словъ и бормотать про себя: Божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ, Христовымъ... Божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ... Ну, пиши еще безсмертнымъ“...

— Охъ! какъ теперь дальше-то, не забыть-бы чего... Ну-ка, почитай-ка-же еще сначала... и т. д.

При общественныхъ молитвахъ этого, разумѣется, не случается, потому что ошибка сейчасъ поправится нѣсколькими голосами.

Молятся не только по воскресеньямъ, но и по буднямъ, поздно вечеромъ, послѣ работъ, въ особенности по субботамъ.

Нельзя не удивляться, что духоборцы, съ ихъ здравымъ житейскимъ смысломъ, приписываютъ составленіе своихъ псалмовъ пророку Давыду, когда содержаніе большей части ихъ ясно указываетъ на время и обстоятельства, сопровождавшія образованіе и развитіе ихъ толка.

Вотъ, напримѣръ, одна изъ молитвъ, или псалмовъ, представляющая родъ катихизиса духоборскаго вѣроученія; повторяю, что я записывалъ ее слово въ слово:

„Иже духомъ Богу служимъ, хвалимся мы о Христѣ Іисусѣ; духа забрали, отъ духа беремъ, духомъ и бодрствуемъ. Вѣруемъ мы во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца, который намъ сотворилъ небо и землю и бѣлый свѣтъ открылъ, въ Того мы и вѣруемъ. Окрещаемся *) мы во имя Отца и Сына и св. Духа. Молимся мы Богу духомъ, духомъ истиннымъ и Богу истинному; гласомъ моимъ ко Господу воззвахъ, гласомъ моимъ ко Господу помолюся. Исповѣдаемся Бога небеснаго, яко благъ Господь, во вѣкъ милость его, понеже всѣ согрѣшенія оставляемъ и причащаемся мы ко святымъ Его тайнамъ божественнымъ, страшнымъ, животворящимъ, Христовымъ, безсмертнымъ во оставленіе грѣховъ. Ходимъ мы въ церковь въ Божію, во единую святую, соборную, апостольскую, гдѣ есть собраніе истинныхъ христіанъ. Священника мы имѣемъ праведнаго, преподобнаго, не ложнаго, не злобнаго, который отлученъ отъ грѣшника. Богородицу мы именуемъ и почитаемъ, изъ ней-же народился Іисусъ Христосъ на потребленіе грѣховъ Адамовыхъ. Святыхъ угодниковъ почитаемъ и подражаемъ стопамъ ихъ **). Кланяемся мы образу Божію — неоцѣненный образъ Божій, ликъ небесный поетъ и глаголетъ. Иконы истинныя и естественныя, непремѣрныя къ хартерамъ ***) со его-же обчества, показуетъ Сынъ Отца, Св. Духа.

„Царя почитаемъ, спаси Господи Царя, услыши насъ. Имѣемъ мы постъ — воздержаніе въ мысляхъ. Содержи меня отъ всего зла, отъ устъ роптанія, отъ рукъ убіенія, отъ всякаго зла воздержанія, отыми у меня всю неправду. Имѣемъ мы бракъ, дѣло вѣчное блаженство, въ томъ мы себя и утверждаемъ. Въ рукотворенную церкву ходить не желаемъ; написаннымъ образамъ не кланяемся, и мы въ нихъ святости не чаемъ и спасенія не заклю-

---

*) Видимаго крещенія, также какъ и прочихъ таинствъ, у духоборцевъ нѣтъ. Вообще вѣроученіе ихъ лишено всякихъ обрядностей — чѣмъ они отличаются отъ сектаторовъ другихъ толковъ.

**) Тутъ кстати замѣчу, что многое изъ высказываемаго здѣсь противорѣчитъ разговорнымъ рѣчамъ духоборцевъ.

***) Вѣроятно, *непохожія на картины.*

чаемъ: потому мы на себя рукъ не воскладаемъ, а мы прибѣгаемъ къ слову Божіему, кресту животворящему — и Богу нашему слава".

Записавъ каждый изъ приведенныхъ псалмовъ, по словамъ одного духоборца, я перечитывалъ его буква въ букву многимъ другимъ, чтобы узнать: не будетъ-ли съ ихъ стороны поправокъ; за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ измѣненій и добавокъ нѣсколькихъ пропущенныхъ словъ, все остальное признано было вѣрнымъ и согласнымъ съ сохранившимся въ памяти ихъ преданіемъ.

Тѣ-же духоборцы, которые славятъ Бога и свою вѣру по страннымъ и подъ-часъ дикимъ псалмамъ, живутъ честно, разумно и зажиточно. Правда, что эти качества присущи и другимъ загнаннымъ и забитымъ религіознымъ обществамъ, каковы, напримѣръ, секты молоканъ, субботниковъ и скопцевъ, въ Закавказскомъ краѣ.

Но я, познакомившись съ молоканами и духоборцами, ставлю послѣднихъ далеко выше первыхъ, въ нравственномъ отношеніи.

У молоканъ, напримѣръ, запретъ на вино и на табакъ, и, наружно, они не пьютъ, не курятъ, но за то втихомолку не откажутся отъ запретнаго плода. У духоборцевъ этого нѣтъ: они открыто пьютъ и курятъ и даже сами разводятъ махорку. Молоканъ, при случаѣ, не прочь надуть или даже украсть — у духоборцевъ случаи того и другаго такъ рѣдки, что всѣ на перечетъ. Замѣчательно, что духоборцы считаютъ молоканъ отщепенцами своей вѣры, а молокане увѣряютъ, что духоборцы отстали отъ нихъ — и это послѣднее вѣроятнѣе.

Теперь оба толка ненавидятъ одинъ другой: „Безбожники хуже псовъ", отзываются молокане о духоборцахъ. — „Развѣ это люди?" говорятъ, въ свою очередь, духоборцы о молоканахъ.

Относительно моего пріѣзда и занятій, напримѣръ, духоборцы были гораздо менѣе подозрительны, чѣмъ молокане; эти послѣдніе такъ, кажется, и остались увѣрены, что мое пребываніе у нихъ имѣло цѣлью тайные розыски и, въ перспективѣ, ссылку на Амуръ. Правда, и духоборцы не вдругъ разговорились: „Вотъ вы насъ спрашиваете объ томъ, да объ другомъ", говорилъ мнѣ одинъ старикашка, „а мы еще не знаемъ, кто вы такіе".

— Да тебѣ зачѣмъ это знать?

— Какъ зачѣмъ? не знаемъ, что можно вамъ говорить и что нѣтъ.

— Чиновники вы или нѣтъ, благородный или высокоблагородный — будемъ знать, какъ величать васъ.

Я объяснялъ, на сколько могъ вразумительно, что просто, мимоѣздомъ, заѣхалъ посмотрѣть, какъ живутъ русскіе люди между татарами и армянами.

— Вы заперты въ горахъ, у васъ мало кто бываетъ, да и сами вы рѣдко выходите изъ своихъ мѣстъ, такъ объ васъ ходятъ разные слухи, не знаешь, чему и вѣрить; мнѣ захотѣлось узнать, сколько правды въ томъ, что объ васъ разсказываютъ.

Нѣкоторые, повидимому, проникались этими доводами и одобрительно качали головами.

„Такъ, такъ, это точно, что разсказываютъ объ насъ много вздорнаго“.

Нашлись даже такіе политики, что благодарили меня за честь, которую я имъ дѣлаю своими разспросами.

Какъ я уже говорилъ прежде, ни книгъ, ничего писаннаго у духоборцевъ нѣтъ: старики и сами не знаютъ грамоты, и дѣтей своихъ не учатъ — считаютъ это занятіе излишнимъ для мужика. Исключеніе составляютъ только занимающіе должности писцевъ при сельскихъ управленіяхъ — это, по большей части, грамотѣи изъ отставныхъ солдатъ. Только узнавъ о такомъ организованномъ невѣжествѣ, понялъ я, что не шутилъ старичекъ, просившій меня сдѣлать милость сосчитать, сколько ему будетъ лѣтъ теперь, если онъ въ 1822 году шелъ съ отцемъ въ Таврію, изъ Тамбовской губерніи, мальчишкою 14 лѣтъ: „Давно,—говоритъ,—хотѣлъ я объ этомъ узнать, да все не у кого было спросить“. Этотъ же пріятель, узнавъ, что я поѣздилъ по бѣлу-свѣту, добивался узнать, гдѣ именно солнышко садится?

„Такъ-таки и нѣту такого мѣста, гдѣ солнышко садится?“ переспрашивалъ онъ потомъ еще нѣсколько разъ.

Откуда духоборцы взяли свой нарядъ? — говорю о мужчинахъ. Когда я спрашивалъ у нихъ объ этомъ, они отвѣчали, что это

„платье настоящее россейское“, но именно въ настоящей-то Россіи его и нельзя встрѣтить. Еще широкія, длинныя шаровары — туда-сюда, но откуда перенятъ коротенькій, на манеръ солдатскихъ, архалукъ со стоячимъ воротникомъ, застегивающимся на груди

Духоборка.

крючками, внутрь, по-казацки? Всѣ безъ исключенія носятъ этотъ архалукъ. Женщины одѣты въ обыкновенное русское платье и, при этомъ, волосы у нихъ закрыты платкомъ или кускомъ матеріи, свернутымъ на подобіе сахарной головы, со свѣсившимися назадъ концами. Дома у духоборцевъ совершенно тѣ же, что и во всей

южной Россіи: снаружи рѣзьба, полотенца, коньки со всадниками, пѣтушки и т. п. украшенія. Внутри дома чрезвычайно опрятны, стѣны чисто выбѣлены и иногда позавѣшаны чѣмъ Богъ послалъ: полотенцами, узорными бумажками, лубочными картинками и др. въ этомъ родѣ.

Телѣги, напримѣръ, совершенно такія, какія мнѣ случалось видѣть въ восточной Пруссіи: очень большія дроги, обставленныя со всѣхъ сторонъ наклоненными внаружу перилами. Въ такую телѣгу усядутся 20 человѣкъ и еще останется мѣсто для двадцать перваго.

Въ деревнѣ много ульевъ и хорошій хозяинъ продаетъ въ годъ рублей на сто меду; кромѣ того, продаютъ нитки и полотна, и почти всегда, а въ урожайные годы въ особенности, картофель и хлѣбъ.

Почва земли хотя немного и каменистая, но плодородная. Сѣютъ рожь и она даетъ самъ-десять и самъ-пятнадцать; пшеница идетъ похуже ржи, также какъ и ячмень; гречиха родится хорошо, просо опять похуже; сѣютъ полбу и родится хорошо; изъ конопли работаютъ масло и ѣдятъ его, и продаютъ, а картошкой и льномъ не нахвалятся.

На 205 дымовъ у духоборцевъ, въ деревнѣ Славянкѣ, тысячъ до 7-ми разнаго скота. Крупный рогатый скотъ прекрасный — помѣсь туземной породы съ черноморскою. Замѣчательны также бараны, такъ-называемые у нихъ *шпанки*, вѣроятно, дѣйствительно испанской или южно-французской породъ; шерсть отъ этихъ барановъ продается по 8 и 9 руб. за пудъ, тогда какъ окрестные туземцы продаютъ этотъ товаръ, отъ своихъ барановъ, по 3, по 4 и много по 5 рублей за пудъ.

Какъ видно, духоборцамъ жить можно, одно не хорошо — сосѣди. Объ нихъ, т. е. о татарахъ и армянахъ, духоборцы отзываются очень дурно: только та и разница между ними, что татаринъ смотритъ, какъ-бы ограбить да убить, а армянинъ не пропуститъ случая обсчитать да надуть. О грабежахъ и убійствахъ не переслушаешь всѣхъ разсказовъ.

„Только съ пріѣздомъ *новаго*“ (т. е. новаго уѣзднаго начальника),

*

говорятъ они, „стали мы жить какъ слѣдуетъ, а то просто въ раззоръ раззорили татары. Грабили среди бѣлаго дня: схватятъ тебя, завяжутъ руки назадъ, да кинжалъ надъ горломъ и держатъ, а другіе въ то время уводятъ лошадей. Управы и не ищи: таскаютъ тебя къ суду въ самую рабочую пору, когда т. е. день стоитъ рубля серебромъ. Вытребуютъ такъ-то въ городъ, да и то за тѣмъ, что вотъ, молъ, по твоему дѣлу, воры не отысканы — такъ подпишись, братецъ, подъ этой бумагой, что удовлетворенъ,— и дѣлу конецъ. Ѣдешь куда-нибудь, такъ и не знаютъ, ждать тебя назадъ или нѣтъ; а пріѣдешь, хоть не издалечка, такъ и говорятъ: слава тебѣ Господи! Ночь пройдетъ спокойно, воровства на деревнѣ не было — всѣ Бога благодарятъ, ну, авось и завтра какъ-нибудь проживемъ.

III.

Молоканы.

Въ Закавказьѣ очень много молоканъ; живутъ они всѣ хорошо, зажиточно, но только не такъ согласно, какъ духоборцы. Между молоканами много раздоровъ: недовольные почему-либо старыми порядками выдумываютъ новые, отдѣляются и увлекаютъ за собой цѣлыя партіи; отдѣлившееся такимъ образомъ общество начинаетъ собираться подъ руководствомъ новаго наставника и уже въ отдѣльномъ домѣ. Такимъ образомъ, сначала незамѣтно, потомъ все въ большихъ размѣрахъ разростаются несогласія и превращаются, наконецъ, въ открытую злобу. Такъ-то и вышло, что *секта духовъ*, какъ молоканы называютъ себя, раздѣлилась еще на нѣсколько обществъ: во-первыхъ, *чистые* молоканы, — наиболѣе благоразумные въ отправленіи своихъ обрядовъ. Они признаютъ Ветхій и Новый Завѣты, читаютъ и поютъ Давидовы псалмы, которые, какъ и личность самого псалмопѣвца, пользуются большимъ уваженіемъ у мо-

локанъ всѣхъ толковъ. Нѣкоторые ветхозавѣтные праздники справляются наравнѣ съ общеустановленными въ православной церкви.

По поводу почитанія этихъ библейскихъ праздниковъ, не всѣ чистые молоканы согласны между собою; есть общества, желающія

Пророкъ молоканъ.

по примѣру субботниковъ, наблюдать *всѣ*; такъ-что образовалась партія, занимающая среднее положеніе между чистыми молоканами и субботниками, или жидовствующими. Они, впрочемъ, немногочисленны и отдѣльными поселеніями мнѣ не случалось ихъ встрѣчать.

Разногласятъ также и по другимъ второстепеннымъ предметамъ:

такъ нѣкоторые, находятъ соблазнъ въ обычаѣ *общественнаго цѣлованія*, соблюдаемаго молоканами при всѣхъ молитвахъ — новый раздоръ и отдѣленіе. Важнѣе—несогласія *чистыхъ* съ *прыгунами;* эти послѣдніе понимаютъ догматъ ниспосыланія вѣрующимъ Св. Духа, въ самомъ крайнемъ смыслѣ: они учатъ, что это сошествіе Св. Духа проявляется на столько видимо, что въ состояніи заставить молящихся приходить въ восторгъ, т. е. попросту бѣсноваться и даже говорить разными языками. Поэтому, богослуженія прыгуновъ, въ особенности вечернія или, вѣрнѣе сказать, ночныя, такъ-какъ они продолжаются далеко за полночь—чистый соблазнъ, а подчасъ, и смѣхъ для всѣхъ непринадлежащихъ къ ихъ толку. „Народъ, вѣдь, не разбираетъ, да и насъ приплетаетъ къ ихъ содомству", говорятъ чистые, и крѣпко негодуютъ на нововводителей; такъ негодуютъ, что одинъ ни за что не ступитъ ногой въ собраніе другихъ—чтобъ не оскверниться. Не менѣе прыганья послужило поводомъ къ раздору и введеніе прыгунами *новыхъ пѣсенъ*, составляемыхъ ихъ современными пророками и псалмопѣвцами. Пѣсни эти поются на новый ладъ и, обыкновенно, предшествуя прыганью, своимъ веселымъ, все болѣе и болѣе учащающимся напѣвомъ, подготовляютъ и располагаютъ къ бѣснованію.

Въ свою очередь и прыгуны раздѣлились: часть ихъ, опираясь на свидѣтельства ветхозавѣтныхъ писателей и на примѣры многихъ древнихъ патріарховъ и царей — допускаетъ многоженство. Эти нововводители покамѣсть не многочисленны и пропаганда ихъ ведется осторожно.

Подозрѣвая во мнѣ оффиціозное лицо, эти господа или, лучше сказать, вожаки ихъ, просили представить начальству составленную ими добавку къ обыкновенному и извѣстному ученію прыгуновъ. Разумѣется, я долженъ былъ отказать въ этомъ, но, тѣмъ не менѣе, добылъ себѣ копію съ этого *добавленія.*

Сколько я могъ замѣтить, личныя неудовольствія и разныя домогательства наставниковъ и руководителей играютъ главную роль во всѣхъ этихъ несогласіяхъ. Масса, сравнительно далеко менѣе начитанная и развитая, легко поддается на всякое нововведеніе,

льстящее тѣмъ или другимъ страстямъ и прихотямъ: такъ, въ прыгуны и многожены валитъ больше народъ молодой, который не прочь поплясать и попѣть подъ веселый напѣвъ, да и отъ нѣсколькихъ женъ не откажется.

Надобно замѣтить, что многожены, кромѣ своихъ полигамическихъ наклонностей, почти сходятся въ остальномъ съ прыгунами; такъ что, для большей ясности, можно раздѣлить все общество молоканъ собственно на двѣ главныя группы: *чистыхъ* (или общихъ) и *прыгуновъ*.

Скажу прежде нѣсколько словъ о первыхъ.

Позднимъ вечеромъ, въ одну субботу, вхожу я въ избу ихъ собраній. Изба простая, русская, и вся заставлена скамьями: народу не много; моленіе еще не началось: толстый пожилой мужикъ, съ обрюзглой физіономіей (пресвитеръ, какъ я послѣ узналъ), сказалъ мнѣ: „милости просимъ, батюшка, садитесь поближе, побесѣдуемъ“. Пока я перекидывался съ близь сидѣвшими обычными пожеланіями здоровья, началъ собираться народъ, сдѣлалось жарко, душно; извѣстно, народъ рабочій...

Пресвитеръ, т. е. наставникъ или руководитель, сидитъ на почетномъ мѣстѣ, въ переднемъ углу, подъ кіотомъ, задернутымъ занавѣскою. За отсутствіемъ образовъ у молоканъ, въ этихъ кіотахъ хранятся священныя книги и другія вещи, бумаги, чернильница, счеты, подсвѣчники и прочая канцелярско-хозяйственная рухлядь. На время моленій книги выкладываются на небольшой, покрытый чистою бѣлой скатертью, столъ, поставленный, по русскому обыкновенію, въ этомъ-же переднемъ углу. Рядомъ съ пресвитеромъ сидитъ его помощникъ, или и нѣсколько ихъ. Около этихъ руководителей и по скамьямъ, кругомъ стола, садится народъ попочтеннѣе — молодежь подальше, вглубь избы. Женщины также не очень суются впередъ и все больше пристраиваются у дверей и къ уголкамъ.

— Отчего это у васъ женщины сидятъ позади мужчинъ? спрашивалъ я послѣ въ разговорѣ.

— А чиномъ онѣ пониже, батюшка, такъ и сидятъ позади, от-

вѣчало нѣсколько голосовъ, и тотчасъ же привели мнѣ, въ подтвержденіе этихъ словъ, нѣсколько текстовъ...

Пока моленіе не началось, разговоры идутъ о постороннихъ

Молоканка.

предметахъ и, несмотря на страшную жару и духоту въ избѣ, большая часть сидитъ въ полушубкахъ.

Но вотъ пресвитеръ возвышаетъ голосъ: „Ну, чего-бы намъ нынче читать... Не гораздъ я и прежде былъ читать-то, а теперь и глаза плохи стали. Читай, братъ, Иванъ Власьичъ". — „Нѣтъ,

Яковъ Никифорычъ, гдѣ намъ до васъ, читайте ужъ вы". — „Да то-то, вишь, глаза-то плохи стали; ну да, пожалуй... Давай, вотъ. что-ли, изъ апостола Іоанна". Словомъ, послѣ маленькаго жеманства, необходимаго ради скромности передъ заѣзжимъ бариномъ, напялилъ на носъ очки и началъ читать одно изъ посланій Іоанна, останавливаясь на каждой фразѣ, для толкованія. Объясненія были часто очень произвольныя, а иногда нелѣпыя; напротивъ, были и такія, которыя отличались здравымъ смысломъ и практичностью: „Вотъ видишь, братцы, что апостолъ-то приказываетъ, не ссориться. А у насъ, вонъ, третьева дня ребята-то на покосѣ повздорили, да и до засѣдателя дошли; вотъ ужъ этого-то апостолъ и не велитъ. Случаемъ, какъ ежели до спора дошло, и ступай къ старичкамъ, они разсудятъ и помирятъ, и поцѣловаться заставятъ— и дѣлу конецъ; а то, ишь ты, что вздумали, засѣдателя безпокоить, тутъ грѣхъ одинъ; такъ-то вотъ... Ну, давай дальше"... и т. д. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ читающій, видимо, самъ не понималъ смысла фразы, онъ ловко обходилъ толкованіе, въ такомъ родѣ: „Да, ну это тоже апостолъ не приказываетъ", или „и это надо помнить, не забывать".

По поводу словъ апостола о будущемъ царствіи небесномъ пресвитеръ толковалъ, что: „когда наступитъ оно — этого никто не знаетъ, такъ-что, можетъ быть, и внуки наши еще не доживутъ до втораго пришествія Христова".

Окончивъ, такимъ образомъ, главу изъ апостола, пресвитеръ сказалъ народу: „Ну, теперь спойте что-нибудь, ребята". Тутъ собраніе видимо пооживилось. Одинъ изъ помощниковъ пресвитера открылъ псалтырь и, посовѣтовавшись съ сосѣдями насчетъ выбора предмета для пѣнія, громко произнесъ первую фразу котораго-то псалма. Запѣвало, а за нимъ и вся толпа, начала *выпѣвать* ее, подъ общій тонъ нашихъ простонародныхъ пѣсень, только еще болѣе заунывно. Такъ слѣдовала фраза за фразою: одинъ выговариваетъ стихъ, остальные подхватываютъ его и тянутъ однообразно, долго, долго... Поютъ молоканы очень громко, бабы визжатъ такъ, что пѣнье раздается съ одного конца деревни до другаго; бывало,

вечеромъ, въ субботу, когда затянутъ въ нѣсколькихъ собраніяхъ, ничѣмъ нельзя заниматься: и двери, и окна закроешь — нѣтъ, раздается вой, будто подъ самыми окнами. Послѣ пѣнья, постлали на полъ небольшой коврикъ и, ставъ вокругъ него, начали читать молитвы, и стоя, и съ колѣнопреклоненіемъ; пресвитеръ громко, остальные нашептывали вслѣдъ за нимъ. Потомъ опять сѣли по лавкамъ и запѣли; затѣмъ размѣстились кругомъ всей избы — начался обрядъ цѣлованія: кромѣ пресвитера, который никому не кланялся, а только первый принималъ лобызанія другихъ, каждый, Иванъ или Петръ, напримѣръ, обходилъ всѣхъ, каждому три раза кланялся въ ноги и два раза цѣловался съ каждымъ. У духоборцевъ мужчины цѣлуются только съ мужчинами, а женщины — съ однѣми женщинами; у молоканъ не такъ: здѣсь мужики и бабы, всѣ перецѣлуются между собою, съ тѣмъ только правиломъ, что мужчины, вѣроятно, какъ высшіе чиномъ, исполняютъ это первые. Во все время церемоніи поклоновъ и цѣлованія, пѣніе продолжается; по окончаніи ея опять молитва, потомъ опять пѣніе, наконецъ, заключительная молитва и—конецъ. Тутъ пресвитеръ обыкновенно приглашаетъ собраніе приходить тогда-то: „завтра, братцы, около полудня, собирайтесь опять, помолимся Господу Богу“. При разборѣ шапокъ, я слышалъ такія книжныя выраженія: „а гдѣ-то моя *риза ветхая* или *риза свѣтлая*“ — дѣло шло объ отъисканіи своего кафтанишка въ общей грудѣ снятаго верхняго платья. Припоминаю одно обыкновеніе, очень деликатное, о которомъ забылъ упомянуть: во время богослуженія, запоздавшіе входятъ не по одиночкѣ, а группами, собираясь предварительно за дверями; они входятъ въ избу въ одинъ изъ промежутковъ между пѣніемъ или чтеніемъ, останавливаются у дверей и читаютъ про себя молитву; всѣ присутствующіе встаютъ со своихъ мѣстъ и также тихо произносятъ молитву. Затѣмъ обоюдный низкій поклонъ, и богослуженіе продолжается.

Во время чтенія и толкованій писанія пресвитеромъ, помощники его дѣлаютъ добавленія и поясненія, а слушатели, въ случаѣ непониманія чего-либо, свободны переспрашивать.

Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о крещеніи, я спросилъ: почему вы, молокане, не креститесь водою? вѣдь Христосъ показалъ на себѣ примѣръ этому и самъ такъ крестился?

— Христосъ-то точно что такъ крестился, да это только для порядка; а въ писаніи-то, батюшка, что сказано? Іоаннъ Креститель говоритъ: „я крещу васъ водою, а грядетъ по мнѣ, которому я недостоинъ развязать ремня у сапога, — тотъ будетъ крестить водою и огнемъ“; такъ если теперь принять крещеніе водою, надобно принять и крещеніе огнемъ—а это что-же будетъ-то?.. Можно замѣтить изъ выбора псалмовъ и текстовъ для поученій, что молоканы даютъ большую силу тому догмату христіанства, что Господь милосердъ безконечно и что нѣтъ того прегрѣшенія, словомъ, дѣломъ или мыслію содѣланнаго, которое не могло-бы быть заглажено покаяніемъ. Они идутъ даже дальше и говорятъ: „Не согрѣшишь, такъ и не покаешься, а не покаешься — не получишь св. Духа и не спасешься“. Этотъ вожделѣнный св. Духъ только и сходитъ на человѣка въ моментъ покаянія; у чистыхъ молоканъ общеніе съ нимъ человѣка почти не сказывается видимо, развѣ только повздыхаетъ счастливецъ, а то и всплакнетъ, когда почувствуетъ отъ молитвы облегченіе въ земныхъ скорбяхъ.

У прыгуновъ не такъ. У этихъ покаявшійся и чувствующій въ себѣ духа считаетъ долгомъ высказать восторженное состояніе своей души: начинаетъ его сначала подёргивать и шатать, какъ пьянаго; потомъ всѣ топаютъ, скачутъ, вертятся, прыгаютъ на лавки, даже на столъ; а то схватятся за столъ, налягутъ на него, да и таскаютъ по хатѣ — и мужчины и женщины — женки бѣсятся еще больше мужчинъ. Азартъ этотъ, пожалуй, будетъ понятенъ, если принять во вниманіе, что прыгуны, большею частью, народъ молодой, которому тяжелы пуританскія правила секты, запрещающія всякій намекъ на свѣтское веселье: пѣнье, пляску и т. п. Такъ или иначе они наквитываютъ это лишеніе и, какъ видно, съ лихвою; къ тому же, надобно знать, что молятся молоканы очень долго; бдѣнія ихъ продолжаются по четыре, по пяти и болѣе часовъ сряду, и это въ жаркой душной избѣ, въ глухую ночь, послѣ

тяжелаго трудоваго дня — тутъ не трудно, не только временно забыться, но и совсѣмъ сойти съ ума. Прихожу я на *бдѣніе прыгуновъ*; время было уже за полночь. Въ избѣ жара — что въ банѣ, и почти темно: горитъ одна заплывшая свѣча. Весь народъ, тѣсно сжавшись одинъ подлѣ другаго, лежитъ на полу ничкомъ, только пресвитеръ стоитъ, скрестивъ руки и опустивъ голову на грудь, тихо читаетъ молитву. Торжественно и явственно раздаются его слова: „Господи помилуй, Господи помилуй, слава Отцу и Сыну и св. Духу“... За тѣснотою нѣкоторые изъ молящихся стоятъ по лавкамъ, изнеможенно облокотясь на стѣну, съ растянутыми по стѣнѣ руками и поднятою кверху головою... Одинъ, на лавкѣ-же стоя, уткнулъ лице въ уголъ—и плачетъ тихо, горько заливается... Время отъ времени, изъ середины молящихся раздаются громкіе тяжелые вздохи и явственно произносятся слова: „О, Господи! за что наказуешь, Господи! за что они бьютъ-то меня! сами-то не знаютъ... О! о! у! у! у!“... Въ другомъ мѣстѣ кто-то громко зарыдалъ и долго, долго потомъ всхлипывалъ... Вдругъ одинъ изъ лежавшихъ на полу вскакиваетъ, поднимаетъ руки и голову кверху и такъ остается какъ прикованный — это онъ покаялся и объявляетъ о своей готовности *летѣть на Сіонъ* — недостаетъ только крыльевъ. Болѣе часу продолжалось при мнѣ такое бдѣніе; потомъ всѣ какъ-то разомъ поднялись и запѣли *новыя пѣсни*, сначала довольно тихо, но далѣе, съ учащеніемъ напѣва, все съ бо́льшими и бо́льшими движеніями тѣла... Вижу, одинъ парень, до сихъ поръ стоявшій смирно, вдругъ бѣшено топнулъ ногой, встряхнулъ волосами и началъ качаться изъ стороны въ сторону. Я думалъ онъ упадетъ; но дѣтина мой не только не упалъ, но еще началъ выкидывать ногами и всѣмъ тѣломъ разные фокусы. Скоро все собраніе заходило — стонъ пошелъ по хатѣ: скаканье, топанье, взвизгиванья бабъ, руками всѣ размахиваютъ, лица пресвирѣпыя. Я сжался въ уголокъ, просто страшно сдѣлалось, кажется, вотъ, вотъ сейчасъ пришибутъ... Наконецъ, какой-то, расходившійся, какъ говорится, до чортиковъ, сшибъ кулакомъ свѣчку со стола, въ избѣ сдѣлалось темно... впрочемъ, огонь появился тотчасъ-же.

Какъ особенно сильный аргументъ въ защиту *восторговъ* при молитвѣ, приводится молоканами примѣръ пророка Давида, пѣвшаго, плясавшаго и игравшаго на гусляхъ передъ ковчегомъ завѣта... Въ деревнѣ *Новой Саратовкѣ*, гдѣ я также останавливался, желаніе болѣе точнаго подражанія любимому пророку привело прыгуновъ къ мысли раздобыться и гуслями, но такъ-какъ гуслей достать не могли, то замѣнили ихъ барабаномъ, и такимъ образомъ славили Бога „въ пѣсняхъ и тимпанахъ", такъ-какъ послѣднее слово, по выговору, подходитъ къ барабану. Въ бытность мою въ Саратовкѣ, барабанъ этотъ уже не существовалъ; онъ произвелъ такой соблазнъ, что даже сами сторонники этого нововведенія рѣшились его уничтожить, во избѣжаніе раздора и раздѣленія.

Какъ я уже говорилъ выше, у прыгуновъ есть избранники, которые, находясь *подъ духомъ*, говорятъ разными языками. Мнѣ не случалось слышать такихъ вдохновенныхъ рѣчей, но говорили другіе, слышавшіе, что бормочется въ этихъ случаяхъ страшная чепуха,— инаго, разумѣется, и нельзя ожидать отъ людей едва грамотныхъ.

— Да какъ-же, вы можете повѣрять ихъ, спрашиваю я:—вѣдь у васъ, кромѣ какъ по-татарски да по-армянски, не говорятъ ни на какихъ языкахъ; можетъ, они вамъ говорятъ просто какую-нибудь чушь?

— Точно, что мы не говоримъ, но только, если духъ кого умудритъ, такъ тотъ можетъ, потому это сходитъ на него отъ Бога.

Замѣчательно толкованіе, по которому языкознатели эти будутъ нужны имъ со временемъ, когда устроится *сіонское царство* изъ разныхъ народовъ и гдѣ молоканы будутъ первыми избранниками. Что это будетъ за царство—они видимо не понимаютъ и не разъясняютъ себѣ; но идея объ немъ крѣпко вкоренилась въ умы. Одинъ *пророкъ* *) или вождь прыгуновъ (прехитрый мужикъ, знающій на-

---

*) *Пророкъ—вождь* или *чтецъ слова Божія*, главный блюститель «Божіяго стада». Общество прыгуновъ цѣлой деревни имѣетъ обыкновенно одного только пророка. За пророкомъ слѣдуетъ *пресвитеръ* или наставникъ; у пресвитера, какъ сказано выше, есть помощники—кандидаты на это мѣсто послѣ смерти самого наставника.

изусть всѣ главныя мѣста ветхаго и новаго завѣта) объяснилъ мнѣ идею объ этомъ царствѣ слѣдующимъ образомъ:

„Сіонъ гора (Апокалипсисъ, 21 глава) — это вѣчный Сіонъ; но будетъ еще видимый Сіонъ (Апокалипсисъ, глава 20), царство, набранное изъ народа Божія, въ которомъ будетъ царствовать самъ Христосъ; мѣсто этого будущаго царства еще неизвѣстно, но что оно будетъ—это вѣрно; вѣрно также и то, что въ него попадутъ только избранные. Вокругъ этого Сіона будетъ Новый Іерусалимъ— изъ всякаго народа, всѣхъ языковъ и племенъ".

По поводу этого Сіона разсказывали мнѣ такой случай: „Прихожу я, говоритъ разсказывавшій, вечеромъ, во время богослуженія, въ избу къ прыгунамъ и, между прочимъ, вижу, что въ темнотѣ, на печкѣ, что-то шевелится; разглядываю — оказывается, что это ворочается съ боку-на-бокъ мужикъ уже пожилой, весь голый и претолстый. Я, говоритъ, думалъ, что это какой-нибудь юродивый, но мнѣ объяснили, что „онъ *перится*".

— Какъ-такъ перится?

— „Ну, значитъ, ослободился отъ грѣха (покаялся) и проситъ у Бога крыльевъ, на Сіонъ летѣть".

Когда я передалъ этотъ разсказъ нѣсколькимъ, бесѣдовавшимъ со мною, наставникамъ прыгуновъ, они смѣялись и повторяли обычную фразу, что это все по ненависти выдумываютъ на нихъ: „бываетъ, правда, что если кто чувствуетъ духа въ себѣ, такъ поднимаетъ руки кверху, какъ-будто т. е. готовится переселиться отъ міра и грѣха—куда Господь прикажетъ, а что до гола— не раздѣваются". Эти поднятія рукъ я часто видѣлъ и только удивлялся, какъ они не устаютъ держать ихъ въ такомъ положеніи чуть не по цѣлому часу.

Сказываютъ молоканы, что если который-либо изъ членовъ собранія согрѣшитъ и не покается, то Духъ св. непремѣнно открываетъ кому-нибудь изъ присутствующихъ, во время молитвы, грѣхъ ихъ собрата; тотъ сообщаетъ объ этомъ пресвитеру и виновнаго въ такихъ случаяхъ увѣщеваютъ міромъ: примѣровъ этому, говорятъ они, у насъ много. Въ случаѣ какихъ-либо проступковъ по

плоти или другихъ домашнихъ грѣховъ, виновнаго не допускаютъ, смотря по винѣ, или только до общественнаго цѣлованія, или и до самой молитвы въ собраніи.

Всякій, поступающій въ общину прыгуновъ, долженъ прежде всего принести покаяніе передъ пресвитеромъ и обѣщать впредь по возможности воздерживаться отъ грѣха. Затѣмъ, въ слѣдующее-же собраніе пресвитеръ объявляетъ, что „вотъ-дескать, братцы, такой-то покаялся и проситъ у Бога св. Духа". Для испрошенія новопоступающему этой благодати, всѣ прежде покаявшіеся и уже получившіе Духа—такъ-называемый *священный хоръ*—возлагаютъ на него руки, по примѣру апостоловъ, и надѣляютъ его видимымъ знакомъ, напримѣръ, пояскомъ, который тотъ постоянно и носитъ на себѣ.

Обряды молоканскаго вѣроученія очень просты. Крестятъ ребенка такъ: соберутся, прочитаютъ приличныя обстоятельству молитвы, попоютъ, нарекутъ младенцу имя, обыкновенно того святаго, память котораго празднуется въ день рожденія, и затѣмъ—покушаютъ міромъ.

Обрядъ свадебнаго вѣнчанія состоитъ въ чтеніи молитвъ, пѣніи псалмовъ и благословеніи родителей; послѣ этого невѣста вручается жениху, и дѣло съ концемъ.

За свадьбою также, по русскому обыкновенію, слѣдуетъ угощеніе, большее или меньшее—смотря по достатку родителей новобрачныхъ.

Мертвецовъ своихъ молокане сами отпѣваютъ и хоронятъ.

Молоканы не пьютъ вина, не курятъ табаку и называютъ его *чортовымъ ладономъ*. Втихомолку, впрочемъ, и то и другое, водка-же въ особенности, употребляется.

О молоканахъ говорятъ, что они лукавы и къ этому довольно *кляузны*; что они далеко не такъ прямодушны, какъ ихъ сосѣди духоборцы—это видно съ перваго-же знакомства. Мнѣ часто приходилось слышать ихъ жалобы на недостатокъ земли и другія неудобства, хотя живутъ они довольно зажиточно и, кажется, не имѣютъ причинъ быть недовольными льготами.

Многіе молоканы изрядно торгуютъ разнымъ сырьемъ; многіе также занимаются извозничествомъ, возятъ товары между Тифлисомъ и прочими городами Закавказья.

Надобно замѣтить, что между ними очень мало неграмотныхъ.

Въ Закавказскій край молоканы выселены административнымъ порядкомъ, лѣтъ 25 или 30 тому назадъ. Нынче объявлено имъ разрѣшеніе переселяться на старыя мѣста, внутри Россіи; но какъ еще не опредѣлены условія, на которыхъ должно состояться это переселеніе, т. е. неизвѣстно еще, какія земли и угодья будутъ имъ отведены, то покамѣсть они держатъ себя осторожно на этотъ счетъ—не торопятся.

Надобно думать, что если будетъ отведено имъ достаточно земли, то многіе уйдутъ изъ Закавказья, съ которымъ не могутъ помириться. Горъ, повидимому, особенно не жалуютъ: „какъ и сравнить! говорятъ: одно слово, тамъ ровное мѣсто, а здѣсь — вишь какія махины!“...

ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СРЕДНЕЙ АЗІИ.

I.

... Для начала нѣсколько словъ о невольничьихъ караванъ-сараяхъ и торговлѣ рабами. Правда, что ни невольничьихъ караванъ-сараевъ, ни торговли рабами теперь ужь не существуетъ въ Ташкентѣ, тѣмъ не менѣе, сказать кое что, по этому поводу, будетъ, думаю, неизлишне и небезъинтересно. Зданія для этой торговли въ городахъ Средней Азіи устраиваются такъ-же, какъ и всѣ караванъ-сараи; только раздѣляются они на бо̀льшее число маленькихъ клѣтушекъ, съ отдѣльною дверью въ каждую; если дворъ большой, то посрединѣ его навѣсъ для вьючнаго скота; тутъ-же, большею частью, помѣщается и продажный людъ, между которымъ мало-надежные привязываются къ деревяннымъ столбамъ навѣса. Народу всякаго на такихъ дворахъ толкается обыкновенно много: кто покупаетъ, кто просто глазѣетъ.

Покупающій разспроситъ *товаръ*: что онъ умѣетъ дѣлать, какія знаетъ ремесла и т. п. Затѣмъ, поведетъ въ каморку и тамъ при хозяинѣ осмотритъ, нѣтъ-ли какихъ-нибудь тѣлесныхъ недостатковъ или болѣзней. Женщины молодыя, большею частью, на дворѣ не выставляются, а смотрятся въ каморкахъ и осматриваются не самимъ покупателемъ, а опытными пожилыми знахарками.

Цѣны на людей, разумѣется, различны, смотря по времени и большему или меньшему приливу „товара“. Подъ осень, обыкновенно, торгъ этотъ идетъ шибче, и въ городѣ Бухарѣ, напримѣръ, подъ это время, въ каждомъ изъ десятка имѣющихся тамъ неволь-

Торговецъ рабами.

ничьихъ караванъ-сараевъ бываетъ, какъ мнѣ говорили, отъ 100 до 150 человѣкъ, выставленныхъ на продажу. Такъ какъ больше всего доставляютъ рабовъ Средней Азіи несчастныя, смежныя съ туркменскими племенами персидскія границы, то удачи или неудачи охотничьихъ подвиговъ туркменцовъ, въ этихъ мѣстахъ,

главнымъ образомъ, устанавливаютъ цѣну на рабовъ въ Хивѣ, Бухарѣ и въ Коканѣ; но иногда войны и неизбѣжныя при этомъ обращенія въ рабство всѣхъ плѣнныхъ, если они не мусульмане сунитскаго толка (въ противномъ случаѣ, захватъ и перепродажа всѣхъ рабовъ побѣжденной стороны), значительно и разомъ на всѣхъ этихъ рынкахъ измѣняютъ цѣны: въ такихъ случаяхъ человѣкъ идетъ за очень дешовую цѣну — за нѣсколько десятковъ рублей, иногда даже за 10 рублей.

Вообще, мужчинъ въ продажѣ гораздо больше, чѣмъ женщинъ, между прочимъ, потому, что туркмены, продавая охотно мужчинъ, больше удерживаютъ у себя женщинъ. Красивая молодая женщина стоитъ очень дорого, рублей до 1,000 и болѣе.

Въ хорошей цѣнѣ также стоятъ хорошенькіе мальчики: на нихъ огромный спросъ во всю Среднюю Азію. Мнѣ случалось слышать разсказы бывшихъ рабовъ персіянъ о томъ, какъ маленькіе еще они были захвачены туркменами: одни, въ полѣ на работѣ, вмѣстѣ съ отцомъ и братьями, другіе, просто на улицѣ деревни, среди бѣлаго дня, при безсильномъ воѣ и крикѣ трусливаго населенія. Исторіи слѣдующихъ, затѣмъ, странствованій, перехода этихъ несчастныхъ изъ рукъ разбойника туркменца въ руки торговца рабами и отсюда въ дома купившихъ ихъ крайне печальны, и нельзя не порадоваться, что, благодаря вмѣшательству русскихъ, этотъ грязный омутъ сталъ видимо прочищаться.

Вліяніе русское на торговлю рабами сказалось въ трехъ наиболѣе выдающихся фактахъ: вопервыхъ, вообще уменьшилось число рабовъ, потому что во всей присоединенной къ Россіи странѣ они сдѣлались свободными; вовторыхъ, вообще уменьшился спросъ на новыхъ рабовъ, потому что во всѣ эти новопріобрѣтенныя страны нѣтъ болѣе сбыта ихъ, а въ такіе города, какъ Ташкентъ, Ходжентъ и другіе, сбытъ ихъ былъ немалъ; втретьихъ, торговля эта значительно упала, уменьшилась въ размѣрѣ и во всѣхъ сосѣднихъ варварскихъ государствахъ Средней Азіи, по тому простому и нелишонному смысла предположенію, что русскіе, не сегодня-завтра, могутъ пожаловать въ каждый изъ нихъ, и такъ какъ въ каж-

домъ изъ нихъ хорошо знаютъ, что рабовъ русскіе немилосердно освобождаютъ, то и всѣ покупки и сдѣлки этого рода принимаютъ теперь малонадежный, неблагодарный видъ.

Но не одни только, такъ сказать, официальные рабы вздохнули теперь свободнѣе: всякаго рода бѣдность и загнанность начинаютъ смѣло смотрѣть въ глаза капиталу, знати, могуществу, чувствующимъ отъ того немалое смущеніе.

А другой сортъ рабовъ, который не поименованъ такъ обидно ни въ одномъ учебникѣ, но который, тѣмъ не менѣе, представляетъ самый ужасный видъ невольничества — матери, жены, дочери средне-азіатскихъ дикарей, развѣ не испытываютъ медленнаго, но неотразимаго вліянія на ихъ положеніе и судьбу кяфирскихъ („кяфиръ“ — невѣрный) законовъ и всѣхъ кяфирскихъ порядковъ? Безъ сомнѣнія, *да*, и чтобъ не ходить далеко, достаточно послушать осторожныя, но горькія жалобы, которыя изливаетъ въ бесѣдѣ со мною, хозяинъ моего дома, старикъ аксакалъ. „Послѣдніе дни приходятъ!“ говоритъ онъ и машетъ отчаянно рукою. — Что такъ? — „Да какъ-же! чего-же еще ожидать, и жену свою мужъ не поучи: станешь бить — стращаетъ, что къ русскимъ уйдетъ“... Въ самомъ дѣлѣ, какъ не смутиться азіатцу, когда его собственность, его вещь, правильно пріобрѣтенная, законно закабаленная, начинаетъ заявлять о какихъ-то своихъ правахъ и, прежде всего, о правѣ не быть по произволу битою! кàкъ не огорчиться такимъ расколомъ и кàкъ не угадать виновниковъ всей этой ереси!..

О незаслуженно-униженномъ положеніи восточной женщины было уже говорено не мало многимъ множествомъ путешественниковъ, и здѣсь повторять общихъ мѣстъ не буду; скажу только, что судьба женщины въ Средней Азіи, говоря вообще, еще печальнѣе судьбы ея сестры въ болѣе западныхъ странахъ, каковы Персія, Турція и другія. Еще ниже, чѣмъ у послѣднихъ, ея гражданское положеніе, еще сильнѣе замкнутость и отверженность отъ ея властителя-мужчины, еще тѣснѣе ограниченіе дѣятельности одною физическою, животною стороною, если можно такъ выразиться. Съ колыбели запроданная мужчинѣ, неразвитымъ, неразумнымъ

ребенкомъ взятая имъ, она, даже въ половомъ отношеніи, не живетъ полною жизнью, потому что къ эпохѣ сознательнаго зрѣлаго возраста уже успѣваетъ состарѣться, задавленная, нравственно ролью самки и физически, работою вьючной скотины. Все умственное движеніе, все развитіе можетъ сказываться, поэтому, только въ самыхъ низшихъ проявленіяхъ человѣческаго ума — въ интригѣ, сплетнѣ и т. п., за то и удивляться нечего, что онѣ интригуютъ, сплетничаютъ...

Такое крайне униженное положеніе женщинъ составляетъ главную причину, между прочимъ, одного ненормальнаго явленія, какимъ представляется здѣшній „батча". Въ буквальномъ переводѣ „батча" — значитъ мальчикъ; но такъ какъ эти мальчики исполняютъ еще какую-то странную и, какъ я уже сказалъ, не совсѣмъ нормальную роль, то и слово „батча" имѣетъ еще одинъ смыслъ, неудобный для объясненія.

Въ батчи-плясуны поступаютъ обыкновенно хорошенькіе мальчики, начиная лѣтъ съ восьми, а иногда и болѣе. Изъ рукъ неразборчивыхъ на способъ добыванія денегъ родителей, ребенокъ попадаетъ на руки къ одному, къ двумъ, иногда и многимъ поклонникамъ красоты, отчасти немножко и аферистамъ, которые, съ помощью старыхъ, окончившихъ свою карьеру плясуновъ и пѣвцовъ, выучиваютъ этимъ искусствамъ своего питомца и, разъ выученнаго, няньчатъ, одѣваютъ, какъ куколку, нѣжатъ, холятъ, и отдаютъ за деньги на вечера желающимъ, для публичныхъ представленій.

Такія публичныя представленія — „тамаша", мнѣ случалось видѣть много разъ; но особенно осталось въ памяти первое мною видѣнное, бывшее у одного богатаго купца С. А.

„Тамаша" даются почти каждый день въ томъ или въ другомъ домѣ города, а иногда и во многихъ разомъ, передъ постомъ главнаго праздника байрама, когда бываетъ наиболѣе всего свадебъ, сопровождающихся обыкновенно подобными представленіями. Тогда во всѣхъ концахъ города слышны стукъ, бубенъ и барабановъ, крики и мѣрные удары въ ладоши, подъ тактъ пѣнія и пляски батчи. Имѣвъ еще въ городѣ мало знакомыхъ, я просилъ С. А.

нарочно устроить „тамашу“ и разъ, позднимъ вечеромъ, по увѣдомленію его, что представленіе приготовлено и скоро начнется, мы, компаніею въ нѣсколько человѣкъ, отправились къ нему въ домъ.

Въ воротахъ и передъ воротами дома мы нашли много народа; дворъ былъ набитъ биткомъ; только посерединѣ оставался большой кругъ, составленный сидящими на землѣ, чающими представленія зрителями; все остальное пространство двора — сплошная масса головъ; народъ во всѣхъ дверяхъ, по галлереямъ, на крышахъ (на крышахъ больше женщины). Съ одной стороны круга, на возвышеніи, музыканты — нѣсколько большихъ бубенъ и маленькіе барабаны; около этихъ музыкантовъ, на почетное мѣсто усадили насъ, къ несчастью для нашихъ ушей. Дворъ былъ освѣщенъ громаднымъ нефтянымъ факеломъ, свѣтившимъ сильнымъ краснымъ пламенемъ, которое придавало, вмѣстѣ съ темнолазуревымъ звѣзднымъ небомъ, удивительный эффектъ сценѣ.

„Пойдемте-ка сюда“, шепнулъ мнѣ одинъ знакомый сартъ, подмигнувъ глазкомъ, какъ это дѣлается при предложеніи какого-нибудь запретнаго плода. — Что такое, зачѣмъ? — „Посмотримъ, какъ батчу одѣваютъ“. Въ одной изъ комнатъ, двери которой, выходящія на дворъ, были, скромности ради, закрыты, нѣсколько избранныхъ, большею частью изъ почетныхъ туземцевъ, почтительно окружали *батчу*, прехорошенькаго мальчика, одѣвавшагося для представленія; его преображали въ дѣвочку: подвязали длинные волосы, въ нѣсколько мелкозаплетенныхъ косъ, голову покрыли большимъ свѣтлымъ шелковымъ платкомъ и потомъ, выше лба, перевязали еще другимъ узко сложеннымъ, ярко краснымъ. Передъ батчей держали зеркало, въ которое онъ все время кокетливо смотрѣлся. Толстый-претолстый сартъ держалъ свѣчку, другіе благоговѣйно, едва дыша (я не преувеличиваю), смотрѣли на операцію и за честь считали помочь ей, когда нужно что-нибудь подправить, подержать. Въ заключеніе туалета, мальчику подчернили брови и рѣсницы, налѣпили на лицо нѣсколько смушекъ — signes de beauté — и онъ, дѣйствительно преобразовавшійся въ дѣвочку, вышелъ къ зрите-

лямъ, привѣтствовавшимъ его громкимъ, дружнымъ одобрительнымъ крикомъ.

Батча тихо, плавно началъ ходить по кругу; онъ мѣрно, въ тактъ тихо вторившихъ бубенъ и ударовъ въ ладоши зрителей выступалъ граціозно изгибаясь тѣломъ, играя руками и поводя головою. Глаза его, большіе, красивые, черные и хорошенькій ротъ имѣли какое-то вызывающее выраженіе, временами слишкомъ нескромное. Счастливцы изъ зрителей, къ которымъ обращался батча съ такими многозначительными взглядами и улыбками, таяли отъ удовольствія и, въ отплату за лестное вниманіе, принимали возможно униженныя позы, придавали своему лицу подобострастныя, умильныя выраженія. „Радость моя, сердце мое", раздавалось со всѣхъ сторонъ, „возьми жизнь мою", кричали ему, „она ничто передъ одною твоею улыбкою" и т. п. Вотъ музыка заиграла чаще и громче; слѣдуя ей, танецъ сдѣлался оживленнѣе; ноги — батча танцуетъ босикомъ — стали выдѣлывать ловкія, быстрыя движенія; руки змѣями завертѣлись около заходившаго корпуса; бубны застучали еще чаще, еще громче; еще быстрѣе завертѣлся батча, такъ что сотни глазъ едва успѣвали слѣдить за его движеніями; наконецъ, при отчаянномъ трескѣ музыки и неистовомъ возгласѣ зрителей, воспослѣдовала заключительная фигура, послѣ которой танцоръ или танцовщица, какъ угодно, освѣжившись немного поданнымъ ему чаемъ, снова тихо заходилъ по сценѣ, плавно размахивая руками, раздавая улыбки и бросая направо и налѣво свои нѣжные, томные, лукавые взгляды.

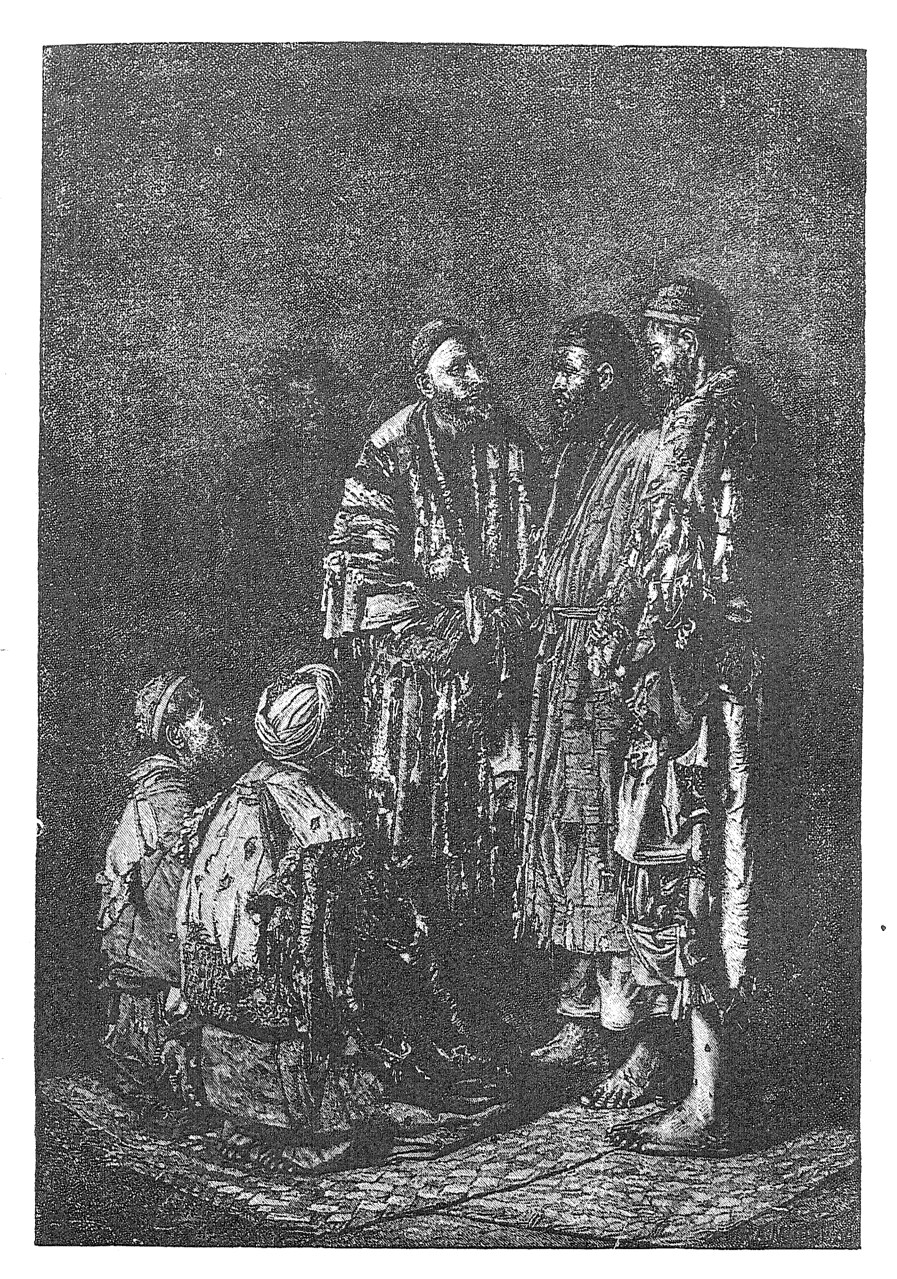
Чрезвычайно интересны музыканты; съ учащеніемъ такта танца, они еще болѣе, чѣмъ зрители, приходятъ въ восторженное состояніе, а въ самыхъ сильныхъ мѣстахъ даже вскакиваютъ съ корточекъ на колѣни и до-нельзя яростно надрываютъ свои и безъ того громкіе инструменты. Батчу-дѣвочку смѣняетъ батча-мальчикъ, общій характеръ танцевъ котораго мало разнится отъ первыхъ. Пляска перемѣняется пѣніемъ оригинальнымъ, но и монотоннымъ, однообразнымъ, большею частью грустнымъ! тоска и грусть по миломъ, неудовлетворенная, подавленная, но восторженная любовь

и очень рѣдко любовь счастливая служатъ обыкновенными тэмами этихъ пѣсень, слушая которыя, туземецъ пригорюнится, а подчасъ и всплакнетъ.

Интереснѣйшая, хотя неофиціальная и не всѣмъ доступная часть представленія начинается тогда, когда офиціальная, т. е. пляска и пѣніе, окончилась. Тутъ начинается угощеніе батчи, продолжающееся довольно долго — угощеніе очень странное для мало знакомаго съ туземными нравами и обычаями. Вхожу я въ комнату во время одной изъ такихъ закулисныхъ сценъ и застаю такую картину: у стѣны важно и гордо возсѣдаетъ маленькій батча; высоко вздернувши свой носикъ и прищуря глаза, онъ смотритъ кругомъ надмѣнно, съ сознаніемъ своего достоинства; отъ него вдоль стѣнъ, по всей комнатѣ, сидятъ, одинъ возлѣ другого, поджавши ноги, на колѣняхъ, сарты разныхъ видовъ, размѣровъ и возрастовъ — молодые и старые, маленькіе и высокіе, тонкіе и толстые — всѣ уткнувшись локтями въ колѣни и возможно согнувшись, умильно смотрятъ на батчу; они слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ, ловятъ его взгляды, прислушиваются къ каждому его слову. Счастливецъ, котораго мальчишка удостоитъ своимъ взглядомъ и еще болѣе словомъ, отвѣчаетъ самымъ почтительнымъ, подобострастнымъ образомъ, скорчивъ предварительно изъ лица своего и всей фигуры видъ полнѣйшаго ничтожества и сдѣлавши *бату* (родъ привѣтствія, состоящаго въ дерганіи себя за бороду), прибавляя постоянно, для большаго уваженія, слово „таксиръ“ (государь). Кому выпадетъ честь подать что-либо батчѣ, чашку-ли чая или что-либо другое, тотъ сдѣлаетъ это не иначе, какъ ползкомъ, на колѣняхъ и непремѣнно сдѣлавши предварительно бату. Мальчикъ принимаетъ все это, какъ нѣчто должное, ему подобающее и никакой благодарности выражать за это не считаетъ себя обязаннымъ.

Я сказалъ выше, что батча часто содержатся нѣсколькими лицами: десятью, пятнадцатью, двадцатью; всѣ они наперерывъ другъ передъ другомъ стараются угодить мальчику; на подарки ему тратятъ послѣднія деньги, забывая часто свои семьи, своихъ женъ, дѣтей, нуждающихся въ необходимомъ, живущихъ впроголодь.

*
* *

Политики въ опіумной лавочкѣ.

Календарханъ — пріютъ для нищихъ; мѣста, въ которыхъ эти пріюты выстроены, всегда полны тѣни и прохлады и принадлежатъ къ лучшимъ уголкамъ города.

По срединѣ двора возвышеніе, мѣсто для молитвы — непремѣнная принадлежность всякаго общественнаго мѣста. Далѣе, другое возвышеніе, болѣе просторное, по срединѣ котораго стоитъ низкое, бѣдное, грязное, убогое зданьице нищихъ, тутъ-же и засѣдающихъ, обыкновенно, вдоль стѣнъ и по платформѣ. Одни изъ нихъ разговариваютъ, другіе курятъ, пьютъ чай, а иной, напившись кукнару, спитъ въ растяжку.

Нищенство здѣсь сильно развито и хорошо организовано. Нищая компанія составляетъ родъ братства съ однимъ главою; глава этотъ потомокъ того святаго, который далъ организацію нищенствующему люду и закрѣпилъ за нимъ полученную отъ общества землю, даровую для всѣхъ желающихъ пристроиться на ней, сдѣлаться диваномъ. Домъ этого главы очень порядочный, непохожій на грязный домишко его подчиненныхъ, стоитъ тутъ-же близь дороги, близь спуска съ городской улицы на площадку календархана. Я нѣсколько разъ хотѣлъ повидаться съ этимъ *тюрою* нищихъ (тюра — господинъ), поразспросить его хорошенько объ исторіи и времени основанія его *нищенствующаго ордена*, но его постоянно не было дома: одинъ разъ говорили, что тюра въ Чемкентѣ, другой разъ въ Ходжентѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ; дѣло въ томъ, что, будучи главою нищаго братства, онъ живетъ то въ томъ, то въ другомъ изъ нихъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ году: собираетъ съ своихъ подчиненныхъ доходы, судитъ и рядитъ ихъ, если нужно. Доходовъ собираетъ онъ, надобно думать, немало, потому что каждый диванъ обязанъ ежедневно внести ему все полученное имъ впродолженіи дня, исключая того, что нужно себѣ на пищу и необходимую одежду.

Въ офиціальные нищіе, диваны, можетъ поступить всякій желающій, всякій предпочитающій бродяжество работѣ; холостые, большею частью, живутъ вмѣстѣ въ календарханахъ, женатые отдѣльными

домами; мнѣ указывали семейства, въ которыхъ дѣдъ, отецъ и внукъ — диваны.

Поступающій въ общество календàрей получаетъ нѣкотораго рода форму: ему выдается особаго вида шапка краснаго цвѣта, расшитая шерстью, снизу опушенная бараньимъ мѣхомъ, широкій поясъ, чашка изъ тыквы, въ которую собираются куски говядины и жирнаго риса, безцеремонно опускаются и мѣдныя чехи (чеха 1/3 копейки); остальная одежда дивана хотя принадлежитъ ему самому, но дѣлается по извѣстному, принятому образцу: халатъ долженъ непремѣнно имѣть видъ одежды, покрытый заплатами, и есть мастера творить удивительно пестрыя, бросающіяся въ глаза, отъ разнообразія заплатокъ, одѣянія.

У дивана есть всегда старое будничное платье, въ которомъ онъ ежедневно ходитъ: это сплошная масса лохмотьевъ, въ которыхъ, что называется, *живого мѣста нѣтъ;* другое праздничное, надѣваемое въ торжественные дни, все составленное изъ расположенныхъ въ живописномъ безпорядкѣ, одна возлѣ другой, пестрыхъ, разноцвѣтныхъ, новенькихъ, недавно выпрошенныхъ на базарѣ лоскуточковъ: когда видѣнъ и кусочекъ шелковой матеріи или сукна, а больше ситца, которыхъ образчики русскаго и туземнаго производства не на шутку конкуррируютъ на плечахъ дивана прочностью и цвѣтомъ.

— Зачѣмъ это у тебя палочка? спрашивалъ я одного; у него былъ въ рукахъ тоненькій зеленый прутъ, шкурка котораго была узоромъ вырѣзана.

— А когда я у кого-нибудь прошу милостыню, отвѣчалъ онъ:— да онъ меня не слушаетъ, такъ я этой палочкой тихонько и трону...

Каждый день утромъ нищая компанія расходится на промыселъ и вечеромъ опять всѣ собираются, сводятъ счоты, приходы, разсказываютъ видѣнное, слышанное, городскія новости и сплетни. По улицамъ и базарамъ постоянно встрѣчаются диваны, то въ одиночку, то цѣлою группой; первые вытягиваютъ *соло* своего лазаря, вторые ревутъ хоромъ; человѣкъ десять, пятнадцать, а иногда и

болѣе, всѣ, въ высокихъ мохнатыхъ шапкахъ, съ желтыми обрюзглыми физіономіями, апатично вытягиваютъ знакомыя слова, подхватываютъ ихъ за впереди стоящимъ запѣвалой, разбитнымъ вожакомъ всей компаніи; запѣвало этотъ выпѣваетъ такія штуки и такъ уморительно, что непривычному нельзя не разсмѣяться: заткнувши уши пальцами, нагнувшись корпусомъ впередъ, онъ весь надувается и какъ бы грозитъ лопнуть, если не дадутъ подаянія.

Вечеромъ диванъ возвращается въ свою грязную хату; форма, т. е. шапка и проч., снята; чашка, за вынутіемъ изъ нея собраннаго, отправляется въ уголъ или на гвоздикъ, и святый мужъ садится къ огоньку, разсказываетъ, сплетничаетъ, слушаетъ другихъ, причомъ куритъ крѣпкій *наша*, попиваетъ чаекъ или и кукнаръ; отъ кукнара, сильно опьяняющаго, спитъ онъ крѣпко до утра, до новыхъ бродяжническихъ подвиговъ.

Почти всѣ диваны записные пьяницы, почти всѣ опіумоѣды. Кукнаръ и опіумъ принимаютъ дозами, раза по три, по четыре въ день—первый большими чашками, второй кусками; многіе, впрочемъ, готовы глотать тотъ и другой, сколько войдетъ, во всякую данную минуту.

Я скормилъ разъ одному цѣлую палку продажнаго на базарѣ опіума и не забуду, съ какою жадностью онъ глоталъ, не забуду и всей фигуры, всего вида опіумоѣда: высокій, до-нѣльзя блѣдный, желтый, онъ походилъ скорѣй на скелетъ, чѣмъ на живого человѣка; почти не слышалъ, что кругомъ его дѣлалось и говорилось, день и ночь мечталъ только объ опіумѣ.

Сначала онъ не обращалъ вниманія на то, что я говорилъ ему, не отвѣчалъ и, вѣроятно, не слышалъ; но вотъ онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ опіумъ—вдругъ лицо его прояснилось, до тѣхъ поръ безсмысленное, получило выраженіе: глаза широко раскрылись, ноздри раздулись, онъ протянулъ руку и сталъ шептать: дай, дай... Я не далъ сначала, спряталъ опіумъ — тогда скелетъ этотъ весь заходилъ, началъ ломаться, кривляться, какъ ребенокъ, и все умолялъ меня: дай бенгъ, дай бенгъ!.. (бенгъ—опіумъ). Когда я, наконецъ, подалъ ему кусокъ, онъ схватилъ его въ обѣ руки и, скор-

чившись у своей стѣнки, началъ грызть его потихоньку, съ наслажденіемъ, зажмуривая глаза, какъ собака гложетъ вкусную кость. Скоро онъ началъ какъ-то странно улыбаться, нашептывать безсвязныя слова; временемъ-же судорога передергивала и искривляла его лицо...

Онъ сгрызъ уже половину, когда близь него сидѣвшій опіумоѣдъ, давно уже съ завистью смотрѣвшій на предпочтеніе, оказанное мною скелету, вдругъ вырвалъ у него остальное и въ одну секунду положилъ себѣ въ ротъ. Что сдѣлалось съ бѣднымъ скелетомъ? Онъ бросился на своего товарища, повалилъ его и началъ всячески теребить, бѣшено приговаривая: „Отдай, отдай, говорю!“ Я думалъ, что онъ ему выворотитъ скулу...

Календарханы не только пріюты нищихъ — это также нѣчто среднее между нашимъ кафе-рестораномъ и клубомъ: желающій покурить *наша*, или, еще болѣе, запретнаго опіума и стыдящійся или неимѣющій возможности заводить эти вещи дома — идетъ въ календарханъ; пьяница отводитъ свою душу кукнаромъ также въ календарханѣ; разныхъ новостей, какъ это можно себѣ представить, между бродягами-диванами, не переслушаешь; поэтому, народа всякаго, болтающаго, курящаго, пьющаго и спящаго всегда немало. Мнѣ случалось встрѣчать тамъ лицъ довольно почтенныхъ, которыя, впрочемъ, какъ бы стыдились того, что я русскій тюра, заставалъ ихъ въ компаніи опіумоѣдовъ и кукнарчей.

Между опіумоѣдами есть личности поразительныя; физіономія каждаго изъ нихъ уже прямо говоритъ: *я опіумоѣдъ;* но тѣ, которые ѣдятъ его много и съ давнихъ поръ, особенно отличаются вялостью, неподвижностью всей фигуры, какою-то пугливостью всѣхъ движеній, мутнымъ, апатичнымъ взглядомъ, желтымъ цвѣтомъ лица и до-нѣльзя обрюзглымъ видомъ всей физіономіи. Мнѣ говорили (и я имѣлъ случай провѣрить это на дѣлѣ), что опіумоѣдъ оказывается непремѣнно трусомъ.

Лѣтомъ жизнь этихъ людей далеко не горька: птицы божьи, они не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы — впрочемъ, вѣрнѣе сказать, только не сѣютъ и не собираютъ въ житницы;

жать-же, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, но жнутъ и жнутъ изрядно; отъ плодовъ этой жатвы, бравый диванъ исправно напитается, напьется и, если время свободное, валяется, пока душа проситъ, въ тѣни деревьевъ.

Зимою бѣднякамъ приходится туже: какъ ни кутаются они въ свои дырявые халатишки, но, всетаки, мерзнутъ и коченѣютъ, потому что зимы здѣсь бываютъ, сравнительно съ жарами лѣта, довольно холодны.

Пришедши разъ, довольно холоднымъ днемъ, въ календархан, я засталъ картину, которая врѣзалась въ моей памяти: цѣлая компанія нищихъ сидѣла тѣсно сжавшись вдоль стѣнъ; недавно, вѣроятно, приняла дозу опіума; на лицахъ тупое выраженіе; полуоткрытые рты нѣкоторыхъ шевелятся, какъ будто шепчутъ что-то; многіе, уткнувши голову въ колѣни, тяжело дышатъ, изрѣдка передергиваются судорогами...

Близь базара есть множество конуръ, въ которыхъ живутъ диваны, опіумоѣды: это маленькія, темненькія, грязныя, полныя разнаго сору и насѣкомыхъ каморки. Въ нѣкоторыхъ стряпается кукнаръ, и тогда каморка получаетъ видъ распивочной лавочки, постоянно имѣющей посѣтителей; одни, выпившіе въ мѣру, благополучно уходятъ, другіе, менѣе умѣренные, сваливаются съ ногъ и спятъ въ повалку по темнымъ угламъ.

Кукнаръ—очень одуряющій напитокъ, приготовляемый изъ шелухи обыкновеннаго мака: шелуху эту разбиваютъ на мелкіе кусочки и кладутъ въ горшокъ съ водою, которую нагрѣваютъ; когда шелуха поразмокнетъ, ее выжимаютъ руками въ водѣ, дѣлающейся отъ этого красноватою, мутною и горькою; горечь кукнара такъ непріятна, что я не могъ никогда проглотить его, хотя не разъ былъ угощаемъ привѣтливыми диванами.

Въ подобныхъ-же конурахъ устраиваются лавочки и для куренія опіума; каморка такая вся устлана и обита циновками—и полъ, и стѣны, и потолокъ; курильщикъ ложится и тянетъ изъ кальяна дымъ отъ горящаго шарика опіума, который маленькими щипчиками придерживается другимъ, у отверстія кальяна. Оду-

реніе отъ куренія опіума едва-ли еще не сильнѣе, чѣмъ отъ пріема его внутрь; дѣйствіе его можно сравнить съ дѣйствіемъ табака, но только въ гораздо сильнѣйшей степени; подобно табаку, онъ отнимаетъ сонъ, сонъ натуральный, укрѣпляющій; за то, говорятъ, онъ даетъ сны на яву, сны безпокойные, скоропроходящіе, галлюцинаціи, смѣняющіеся слабостью и разстройствомъ, но пріятные.

Едва-ли можно сомнѣваться, что въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени опіумъ войдетъ въ употребленіе и въ Европѣ; за табакомъ, за тѣми пріемами наркотика, которые поглощаются теперь въ табакѣ, опіумъ естественно и неизбѣжно стоитъ на очереди.

II.

Чиназъ очень небольшое селеніе, неизвѣстно почему называющееся городомъ. Онъ расположенъ на возвышенномъ берегу бывшаго русла Чирчика, теперь почти пересохшаго, болотистаго и только мѣстами покрытаго камышомъ. Крѣпость чиназскую мы оставили влѣво и черезъ маленькій базарчикъ, тихій, не многолюдный, проѣхали въ указанный намъ единственный, кажется, постоялый дворъ нѣкоего Мулля-Фазиль, мѣстнаго торговца...

Прежде Чиназъ былъ многолюднѣе, теперь часть жителей его, особенно торгующихъ, переселилась въ новый Чиназъ, основанный русскими, нѣсколько верстъ впереди, при сліяніи Чирчика съ Сыр-Дарьею, гдѣ построена и новая крѣпость, а здѣшняя оставлена. Крѣпость эта была занята русскими безъ боя, потому что гарнизонъ разсудилъ заблаговременно уйти. Мнѣ казалось, однако, что она въ другихъ рукахъ могла бы постоять за себя: стѣны, еще довольно крѣпкія, стоятъ на высокомъ валу, окруженномъ очень глубокимъ рвомъ; края стѣнъ, по обыкновенію зубчатыя, кое-гдѣ съ пробитыми бойницами. Въ срединѣ только груды развалинъ, между которыми бродила, чтото отыскивая, цѣлая ватага мальчишекъ, какъ брызги разсыпавшаяся въ стороны при нашемъ приближеніи. Кирпичъ

и весь годный строительный матеріалъ выломаны и употреблены на постройку крѣпости и домовъ новаго Чиназа...

Сильный ураганъ, разразившійся въ этотъ день, 14-го (26-го) марта, задержалъ насъ въ этомъ мало интересномъ мѣстечкѣ до слѣдующаго утра: около 3-хъ часовъ послѣ полудня поднялся такой вихрь, что впродолженіи нѣкотораго времени страшныя массы пыли скрывали отъ глазъ предметы даже въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія, затѣмъ, пошелъ сильнѣйшій дождь, лившій всю ночь.

Я познакомился здѣсь, между прочимъ, съ способомъ выдѣлки масла изъ сѣмянъ хлопчатой бумаги, масла, которымъ Чиназъ, кажется, изобилуетъ: въ маленькой темной клѣтушкѣ стоитъ высокій срубъ съ углубленіемъ наверху, въ которое вставлено наклонно бревно; кверху бревна, съ помощью рычага, привѣшена значительная тяжесть которую вмѣстѣ съ ними ворочаетъ кругомъ ходящая лошадь; нагнетаемое тяжестью бревно давитъ сѣмена, и масло льется въ отверстіе сруба. Вся эта машина страшно громоздка и въ темной каморкѣ, вмѣстѣ съ скелетомъ кружащейся лошади, съ засаленнымъ работникомъ и производимымъ ею шумомъ, скрипомъ, дѣлаетъ впечатлѣніе чего-то крайне первобытнаго.

На другой день дорога оказалась размытою такъ, что лошади ступали съ трудомъ, а въ мѣстахъ, гдѣ она проходила чрезъ камыши, топка и небезопасна; вода, накопившаяся отъ сильнаго дождя въ этихъ камышахъ, сильными потоками лилась въ Чирчикъ.

Мѣстность около дороги, оживленная дождемъ, была ярко зелена отъ прекрасной травы. Киргизы пахали и боронили; пашутъ все тѣми-же незатѣйливыми сохами и передъ бороненьемъ разбиваютъ заступомъ большіе комья земли; борона — доска, двухъ аршинъ длины, при полуаршинѣ ширины, съ нѣсколькими желѣзными тычинками, привязанная цѣпью къ деревинѣ, идущей къ воловьему ярму; на доскѣ, для пригнетенія ея, стоитъ погонщикъ...

Новый Чиназъ смотритъ очень печально: крѣпостца маленькая, постройки малы, бѣдны и почти нѣтъ деревьевъ, что довольно странно видѣть вблизи двухъ рѣкъ; правда, при нѣкоторой возвышенности мѣста, относительно уровня воды, проводъ арыковъ, а съ

тѣмъ вмѣстѣ и разведеніе садовъ должны быть нѣсколько затруднительны, но породы ивовыя могли бы быть легко и скоро разведены. Здѣшняя ива при всякой водѣ принимается еще быстрѣе, чѣмъ наша, такъ что ее прозвали даже *безсовѣстною*; но при такомъ климатѣ, какъ здѣшній, нельзя гнушаться никакимъ, даже и безсовѣстнымъ деревомъ.

Поселеніе Чиназа стоитъ на самомъ берегу Сыр-Дарьи: въ немъ довольно большой базаръ съ торговцами, преимущественно изъ туземцевъ, такъ падкими на всякій барышъ, какъ бы онъ мелокъ ни былъ, и потому всегда во множествѣ прилѣпляющимися къ мѣсту, заселенному русскими...

Въ Сыр-Дарьѣ ловятся отлично осетры, сомы и другая рыба; но рыболововъ мало.

Я нашелъ въ Чиназѣ ташкентскаго знакомаго Ф., жившаго здѣсь по разбору какого-то весьма кляузнаго дѣла. Между прочимъ, онъ жаловался мнѣ на трудность что-либо дознавать, что-либо разбирать между туземцами.

По этому поводу приведу одинъ случай, разсказанный мнѣ здѣшнимъ комендантомъ Г** — случай вздорный, но довольно характерный. Приходитъ къ нему разъ киргизъ и жалуется, что такой-то укусилъ ему палецъ; обжалованный и спрошенный по этому поводу положительно объявляетъ, что онъ пальца не кусалъ: какъ тутъ быть? „Покажи рану“; рана оказывается продольная, какъ отъ разрѣза ножа, и призванный докторъ рѣшаетъ, что она сдѣлана никакъ не зубами, а именно чѣмъ-нибудь въ родѣ ножа. Дѣло объяснилось такъ: жаловавшійся служитъ вмѣстѣ съ своимъ мнимымъ обидчикомъ въ Ташкентѣ, былъ разъ уличенъ имъ въ какомъ-то воровствѣ, за это наказанъ, и съ тѣхъ поръ питалъ къ нему такую злобу, что, по словамъ послѣдняго, въ состояніи былъ не только поранить палецъ, но и совсѣмъ отрѣзать одинъ, два, три или сколько нужно, чтобъ только взвести на него клевету и напакостить, отмстить...

Раннимъ утромъ мы переправились чрезъ неширокій Чирчикъ на небольшомъ желѣзномъ баркасѣ; въ крутомъ берегу рѣчки я

видѣлъ какія-то отверстія и послѣ, отъ одного изъ сопровождавшихъ меня казаковъ, узналъ, что это ихъ зимовки; бѣдные воины не вѣроятно, покамѣсть лучшаго жилья. „Да вѣдь, поди-ка, тамъ худо жить вамъ?“ спрашиваю я его. — „Совсѣмъ худо“. — „А теперь и лѣтомъ, гдѣ же вы живете?—въ палаткахъ?“—„Нѣтъ, такъ на вольномъ воздухѣ“.—„Какъ такъ? а вѣтеръ, дождикъ вѣдь мочитъ?“—„Дождикъ помочитъ, а солнышко высушитъ“...

Мы ѣхали довольно низкимъ мѣстомъ; кое-гдѣ виднѣлись пашни, травы почти нѣтъ, а много камыша, отъ котораго видна была только одна, окружающая обыкновенно камышъ трава; отъ самаго камыша торчатъ только обгорѣлые остатки стебельковъ: камышъ ежегодно срѣзывается жителями и идетъ или на домашнее употребленіе, или на продажу: остатки же, для лучшаго роста, сжигаются.

Много посѣвовъ клевера, который родится здѣсь превосходно и снимается до пяти разъ въ годъ, а три раза соберетъ и лѣнивый, какъ говорятъ.

Мы видѣли нѣсколько вспорхнувшихъ перепелокъ, и Б. разсказывалъ, что здѣсь ихъ очень много и что сарты и киргизы ловятъ ихъ и выкармливаютъ для дракъ, причемъ, разумѣется, держатся заклады. Не мало гордится владѣтель перепела, когда говорятъ, что питомецъ его побѣдилъ столько-то соперниковъ. Туземцы страстно любятъ эту забаву и въ состояніи цѣлые дни проводить за нею. Хорошо выдрессированная птица стоитъ очень дорого. „Я знаю—говорилъ Б.—нѣкоторыхъ хозяевъ перепеловъ, которые не возьмутъ и пятидесяти тиллей за штуку“ (тилля—четыре руб.).

Горныя куропатки ловятся и выкармливаются для той-же цѣли.

Сѣютъ здѣсь пшеницу, ячмень, просо, горохъ, ленъ; изъ сѣмянъ льна жмутъ масло, волокно-же варвары употребляютъ на подтопку. Есть сарачинское пшено, но мало, потому что оно требуетъ большой и частой поливки; его много въ долинѣ Ангрена и далѣе къ Тляу и къ Ходженту. Сѣютъ макъ, который идетъ въ пищу; изъ него дѣлаютъ родъ похлебки, а изъ скорлупы жмутъ *кукнаръ*, хотя сильно хмѣльной и потому противный мусульманскому богу напитокъ, но неоговоренный кораномъ и потому веселящій сердца

правовѣрныхъ туземцевъ безъ удрученія ихъ совѣсти. Впрочемъ, жители не брезгаютъ и виноградным виномъ, когда можно раздобыться имъ, и только болѣе совѣстливые изъ нихъ успокаиваютъ себя тѣмъ, что разбавляютъ вино своею *бузою* или, вѣрнѣе, въ водку и вино, дѣлаемое изъ винограда, подбавляютъ бузы: выходитъ и людямъ пріятно, и корану необидно. Одинъ изъ провожавшихъ меня казаковъ, бывшій при взятіи крѣпости Джузакъ, говорилъ мнѣ, что они нашли тамъ много вина и водки...

Въ одной большой деревнѣ *Ходжагентъ* мы остановились. Мужчины, большею частью, были на работѣ, женщины-же цѣлыми семьями выскакивали посмотрѣть на *урусовъ*; нѣкоторыя боязливо выглядывали, спрятавшись за что-нибудь; другія, видя, что никого изъ своихъ мужчинъ нѣтъ, показывались смѣлѣе, улыбались, кивали головами и даже покрикивали: *аманъ* (аманъ—будь здоровъ)...

Лишь только мы помѣстились въ отведенномъ намъ домишкѣ, какъ на новоселье собралось къ намъ множество народа, стараго и малаго. Стали допытывать: кто я, куда и съ какою цѣлью ѣду?

Объяснять туземцу возможность существованія не прямо практической, а отвлеченной, научной или художественной цѣли — потерянное время: онъ не пойметъ этого, и потому, какъ я ни старался объяснить, что ѣду просто для того, чтобъ познакомиться съ краемъ, еще мало извѣстнымъ намъ, русскимъ, познакомиться съ жителями, съ ихъ житьемъ бытьемъ и потомъ, въ свою очередь, познакомить съ этимъ другихъ, живущихъ далеко отсюда — они не могли взять этого въ толкъ, и такъ, кажется, и остались въ убѣжденіи, что дѣло не совсѣмъ ладно, что ѣду я для какихъ-нибудь розысковъ.

Я разспрашивалъ, между прочимъ, объ окрестностяхъ и о дорогахъ отсюда къ Ходженту и къ Джузаку, причемъ вынулъ карту, по которой смотрѣлъ называемыя ими деревни на пути. Карта эта возбудила всеобщее любопытство, а когда я по ней назвалъ окрестныя селенія и сказалъ, что могу по ней перечислить всѣ деревни и города, рѣки, горы и степи, нетолько Туркестанской Области, но и Кокана и Бухары, то удивленію не было границъ.

Случилось, въ разговорѣ о разныхъ разностяхъ, спросить, отъ

какихъ болѣзней терпитъ здѣсь всего болѣе народъ — говорятъ, что особенно отъ горячекъ и лихорадокъ; лихорадки бываютъ особенно часты въ пору поспѣванія плодовъ; противъ нихъ не знаютъ никакихъ средствъ; онѣ, говорятъ, рѣдко излечиваются совершенно и всегда, года чрезъ два или три, если не раньше, возвращаются и сказываются, хотя безъ прежней силы, безъ пароксизмовъ тряски, сильнымъ изнеможеніемъ и утратою бодрости на долгое время.

— Есть вотъ еще одинъ больной, говоритъ хозяинъ дома: — не знаемъ, какъ его лечить.

— Гдѣ, который?

— Да вотъ мой сынъ, и указываетъ на малаго лѣтъ пятнадцати, здороваго на видъ, краснощокаго.

Разспросивши, я понялъ, что это довольно обыкновенная болѣзнь, противъ которой кстати между нѣсколькими запасными въ дорогу лекарствами было у меня отличное средство. „Хорошо — говорю — я дамъ тебѣ лекарство, черезъ два или три дня ты будешь здоровъ“. Меня поблагодарили за это обѣщаніе, хотя не безъ видимаго недовѣрія, потому что болѣзнь была довольно упорная, продолжавшаяся уже около четырехъ мѣсяцевъ и туземному лекарству не поддавалась. Но вотъ на другой-же день больному моему, которому я предписалъ всѣ должныя предосторожности и діету; дѣлается лучше; на слѣдующій день болѣзнь совсѣмъ исчезаетъ. Молва объ этомъ немедленно же обходитъ всю деревню, а затѣмъ и всѣ сосѣднія; отовсюду начинаютъ являться за совѣтами и помощью. На мое несчастье, слѣдующій паціентъ также если не совсѣмъ выздоровѣлъ, то почувствовалъ облегченіе — это былъ мальчикъ изъ той-же деревни, на котораго жалко было смотрѣть; восемнадцати лѣтъ, очень миловидный, онъ года три уже, какъ не росъ болѣе и какъ-то сгорбился, покривился всѣмъ туловищемъ жаловался на стѣсненіе въ груди и сильное, давнее, періодически повторяющееся разстройство желудка.

Такъ далеко, чтобъ понять эту болѣзнь и, тѣмъ болѣе, помочь ей мои свѣдѣнія не простирались, и я откровенно сказалъ это отцу мальчика, предложивъ, впрочемъ, отъ разстройства желудка извѣст-

ныя, весьма безвредныя капли. Каково-же было мое удивленіе, когда, чрезъ нѣсколько дней пріема ихъ, малый мой объявляетъ, что и разстройство желудка прекратилось, и стѣсненіе въ груди уменьшилось. Разумѣется, результатъ былъ достигнутъ, благодаря воображенію паціента, а я въ немъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ; тѣмъ не менѣе, репутація моя, какъ человѣка опытнаго въ леченіи разныхъ болѣзней, упрочилась, и, къ немалому моему огорченію, ежедневно стало стекаться множество больныхъ. „Говорю къ немалому огорченію", такъ какъ въ самомъ дѣлѣ положеніе непріятное: отказать въ совѣтѣ нельзя, во-первыхъ, потому, что къ русскому доктору не пойдутъ, отчасти по недовѣрію, отчасти-же — и это главное — потому, что онъ не подъ рукою и леченіе его сопровождается издержками; во-вторыхъ, потому, что, по тѣмъ или другимъ резонамъ, обойдя науку, въ лицѣ ея посильнаго представителя ближайшаго русскаго поселенія, туземецъ необходимо обратится къ шарлатану, къ своему доморощенному уста, рѣдко совѣстливому, а большею частью только берущему деньги и подарки, пользы-же неприносящему. Когда я совѣтовалъ, напримѣръ, больному обратиться къ чиназскому доктору, говоря, что самъ помочь не могу, онъ уходилъ всегда, почесывая затылокъ, съ намѣреніемъ подождать немножко: „можетъ, и такъ пройдетъ". Ужаснѣе всего то, что говоришь бывало: не знаю, не понимаю болѣзни, не имѣю лекарства, не могу помочь — не вѣрятъ: „мы слышали, говорятъ, что *твое лекарство* многихъ вылечило".

Такъ или иначе, приводилось давать посильные совѣты, состоявшіе, главнымъ образомъ, въ объясненіи пользованія водою, тренія, закутыванія въ мокрыя простыни и т. п., что для ревматическихъ болѣзней, удручавшихъ большую часть моихъ паціентовъ, было, разумѣется, далеко небезполезно.

Каждый день, бывало, раннимъ утромъ А. Н. уже зоветъ меня. „Да выйдите, пожалуйста. Страхъ, сколько ихъ пришло: всѣ просятъ *усту* повидать" (уста — мастеръ, докторъ). Нѣкоторыхъ приносили на носилкахъ; другіе приходили звать въ свою деревню, къ больнымъ, которые не могутъ двигаться. Были и такіе, которые

просили заочно дать лекарство — это случалось большею частью, когда дѣло касалось женщинъ; говоритъ, объясняетъ, что болитъ то-то и то-то и проситъ какого-нибудь такого лекарства, чтобъ принять и выздоровѣть сейчасъ.

Въ одной сосѣдней деревнѣ показывали мнѣ разъ мальчика, лѣтъ двѣнадцати, тринадцати, котораго никогда не забуду. Его вынесли ко мнѣ на рукахъ, обложеннаго ватою, закутаннаго въ цѣлую массу тряпья; лицо его до нельзя пухлое и обезображенное, было блѣдно, какъ чистѣйшій бѣлый воскъ; вмѣсто глазъ какія-то гнойныя ранки; носъ провалившійся; вмѣсто рта, щелка, болѣе не закрывающаяся и неоткрывающаяся, сквозь которую видны мягкіе крошащіеся зубы страшная гнойная болѣзнь на головѣ и на тѣлѣ. Мальчикъ, разумѣется, не двигался, почти ничего не ѣлъ и едва-едва говорилъ.— „Сколько ужь нашихъ докторовъ лечило его — не могли вылечить“.— „Кàкъ-же они его лечили?“ — „Больше ртутью“. — „И много ее давали ему?“ — „Кто-жь его знаетъ, мы этого не знаемъ; кажется, *копъ* (копъ — много)“. — „Зачѣмъ-же вы позволяете глупымъ людямъ распоряжаться такъ вашими дѣтьми?“ говорю я отцу ребенка. — „Не знаю я — отвѣчаетъ онъ — мы люди темные; кто что посовѣтуетъ, то и дѣлаемъ; сами видимъ, что насъ обманываютъ, только чтобъ сорвать *селяу* (селяу — подарокъ); да что-же дѣлать-то? Вѣдь жаль ребенка, ну и слушаешь, что̀ скажутъ“... Бѣдный мальчикъ этотъ черезъ нѣсколько дней умеръ.

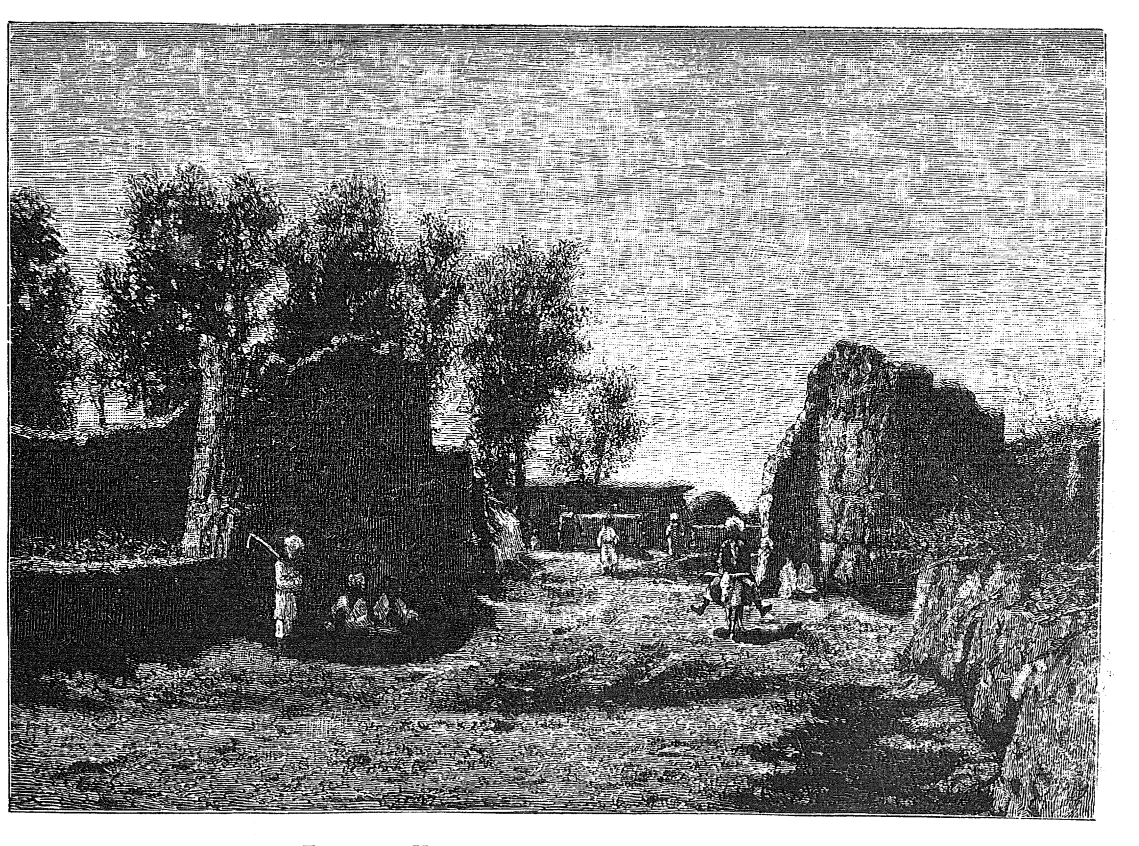
Очень многіе изъ жителей, чуть не половина, изрыты оспою; у многихъ на лицѣ и головѣ слѣды лишаевъ и другихъ накожныхъ болѣзней. Чтобъ не дать лишаю распространяться, намазываютъ поражонную ею часть сажею, и смѣшно видѣть, какъ иной мальчикъ бѣгаетъ съ физіономіею на половину бѣлою, на половину черною.

Уморительная старуха явилась разъ ко мнѣ изъ одного сосѣдняго аула; хриплымъ голосомъ разсказала она: „что черви съѣли у нея маленькій язычокъ и теперь ужь начали ѣсть печонку“, такъ, по крайней мѣрѣ, объяснилъ ей *уста*, и что, поэтому, кричать и громко говорить она не можетъ; при этомъ чувствуетъ давленіе въ груди и боль въ горлѣ. Я хотѣлъ посмотрѣть на этотъ бѣдный маленькій

язычокъ, но она завопила, взмолилась: „Не тронь, не тронь, Бога ради!“ — „Да отчего-же? я хочу только посмотрѣть, что у тебя тамъ“...—„Нѣтъ, нѣтъ, лучше подожди; я приведу сына; ты ужь при немъ сдѣлай что надо; тогда, если я умру, такъ при немъ: онъ будетъ знать, что̀ со мною дѣлать“...

Деревня Ходжагентъ расположена близь Сыръ-Дарьи, въ сотнѣ шаговъ отъ нея; домъ, въ которомъ я живу, стоитъ на берегу арыка (арыкъ — канава), широкаго съ высокими берегами, ведущаго воду съ полей къ мельницамъ и потомъ въ Сыръ-Дарью. Набережная этого арыка, осаженная кое-гдѣ деревьями, составляетъ лучшую во всемъ селеніи улицу; на ней помѣщается, между прочимъ, одна изъ двухъ имѣющихся въ деревнѣ лавочекъ, около которой ежедневно, по вечерамъ, послѣ работъ, собирается народъ: кто просто посидѣть въ компаніи, кто поболтать, перекинуться словечкомъ, узнать новости, которыя, если только имѣются, непремѣнно будутъ туда снесены, а кто поиграть въ игру, сходную съ нашею шашечною: прутикомъ расчерчиваются на землѣ фигуры, по которымъ ходятъ красненькими и сѣренькими камышками; я подсаживался иногда къ игрокамъ и, разумѣется, постоянно проигрывалъ, къ большому удовольствію и смѣху всей публики.

Въ тѣ дни, когда въ Чиназѣ базаръ, собраніе въ лавочкѣ бываетъ многолюднѣе и оживленнѣе; ѣздившіе на базаръ сообщаютъ собранныя тамъ новости и сплетни, а такъ какъ новостей и сплѐтень на всякомъ базарѣ больше, чѣмъ товару, то и матеріала для разговоровъ ходжагенцевъ, собиравшихся у лавочки, бывало не мало, притомъ, разговоровъ самаго разнообразнаго сорта, начиная отъ крупнаго, мѣстнаго политическаго событія до мелкой дневной новости. Одинъ разъ аксакалъ, т. е. старшина (буквально аксакалъ значитъ бѣлая борода, *акъ* — бѣлая, *сакалъ* — борода), пресерьезно сообщилъ мнѣ, что продавали-де ныньче на базарѣ рыжую кобылу, продавали не просто, а съ барабаннымъ боемъ. Такъ какъ народу на базарѣ при этой продажѣ, вѣроятно, было не мало, то, безъ сомнѣнія, о продажѣ рыжей кобылы съ барабаннымъ боемъ, о ея цѣнѣ, лѣтахъ

Деревня Ходжагентъ, близъ Ташкента.

порокахъ, достоинствахъ и проч. узнали и толковали далеко по окрестности...

Кромѣ городовъ, базары еще бываютъ въ большихъ деревняхъ. и одинъ разъ въ назначенный день недѣли: по понедѣльникамъ, напримѣръ, базаръ бываетъ въ *этой* деревнѣ, по вторникамъ въ *той*, по средамъ въ *третьей* и т. д., такъ что каждый день можетъ крестьянинъ купить, что̀ ему нужно, посплетничать, сколько душа его проситъ, не ѣздя для этого въ далеко отстоящій городъ. Въ Ходжагентѣ базаровъ не было потому именно, что онъ надалеко отъ Чиназа.

Садовъ въ Ходжагентѣ мало; улицы, кромѣ большой, о которой я упоминалъ, грязны, узки, и во время дождей просто непроходимы; дома, за исключеніемъ немногихъ зажиточныхъ, весьма жалкаго вида; они, какъ и всѣ, построены изъ земляныхъ комьевъ и грязи. Недалеко отъ моего дома была мечеть — небольшое, простое снаружи и внутри зданьице, каждое утро и вечеръ наполнявшееся крестьянами, совершавшими положенный намазъ. Я замѣчалъ, впрочемъ, что посѣщали мечеть далеко не всѣ жители, а больше только люди пожилые, старики.

Управленіе деревни сосредоточивается въ рукахъ старшины и казы (каза — духовное лицо, родъ судьи); должности эти не выборныя, а по назначенію, и въ большинствѣ случаевъ, даже наслѣдственныя — такъ, мой пріятель, Ташъ, аксакалъ Ходжагента, наслѣдовалъ должность отъ отца, который, въ свою очередь, получилъ ее отъ своего родителя, и т. д. При такомъ порядкѣ, управленіе, разумѣется, чисто патріархальное въ самомъ многозначительномъ смыслѣ этого слова: аксакалъ и казы, на условіи взаимнаго дѣлежа, грабятъ народъ, и, сколько мнѣ ни случалось слышать, людей честныхъ въ томъ смыслѣ, ка̀къ мы это слово понимаемъ, нелицепріятно, безъ взятокъ и поборовъ судящихъ и управляющихъ, между ними нѣтъ. Новое положеніе, введенное русскими, дѣлающее почти всѣ должности избирательными, безъ сомнѣнія, не по вкусу будетъ деревенскимъ аристократамъ, зато байгуши (бѣдняки) вздохнутъ свободнѣе...

Работаетъ здѣшній крестьянинъ всякую работу допотопнѣйшими пріемами и орудіями. Вотъ, напримѣръ, недалеко отъ меня на арыкѣ мéленка для очистки риса: два толстые куска дерева, окованные желѣзомъ, съ остріями, попеременно опускаясь и поднимаясь, бьютъ по зернамъ, насыпаннымъ въ углубленія, сдѣланныя въ землѣ и прикрытыя шалашемъ изъ камыша. Эти куски дерева приводятся въ движеніе какимъ-то подобіемъ колеса, съ шумомъ и скрипомъ медленно повертывающимся и попеременно то поднимающимъ, то опускающимъ деревины, бьющія по зернамъ.

Три раза послѣдовательно очищаютъ и просѣваютъ крупу, прежде чѣмъ она освободится отъ шелухи, и, благодаря способу очистки, изъ четырехъ батмановъ неочищеннаго риса получается только два очищеннаго. Это, впрочемъ, зависитъ и отъ сравнительно малаго орошенія здѣшнихъ рисовыхъ полей: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ орошеніе сильнѣе, зерно крупнѣе и въ очисткѣ получается его болѣе. За цѣлый день работы очищается совершенно едва два батмана зерна; но какъ и такихъ мéленокъ немного въ окрестностяхъ, то крупу привозятъ для очистки въ ходжагентскую мельницу довольно издалека и платятъ за это одну шестнадцатую часть...

Случалось мнѣ видѣть, кàкъ гнутъ ободъ колеса; хотя у здѣшнихъ арбъ колеса и большія, а потому и деревянные обручи, для нихъ служащіе, довольно плотны, тѣмъ не менѣе, жалко видѣть, кàкъ десять человѣкъ, буквально въ потѣ лица, цѣлый день возятся около одного такого обруча.

* * *

Я поѣхалъ далѣе и пріѣхалъ въ мѣста поселенія киргизовъ таминскаго рода. По ихъ словамъ, когда-то, очень давно, предки ихъ пришли сюда войною съ запада, по окончаніи которой часть воротилась назадъ, а другая, неимѣвшая средствъ, осталась здѣсь. Теперь почти всѣ таминцы живутъ въ пространствѣ между Ташкентомъ, Чиназомъ и Ходжентомъ, занимаются хлѣбопашествомъ, и большая часть живетъ осѣдло круглый годъ. Типъ лица ихъ не киргизскій, или, если несправедливо называютъ здѣсь обыкновенно

осѣдлыхъ таминцовъ сартами, то и за кровныхъ киргизовъ принять ихъ трудно...

По обыкновенію, множество народа тотчасъ-же явилось къ намъ въ гости „пожелать здоровья“, и по мѣрѣ того, какъ раскладывались мои вещи и развьючивалась моя собственная особа, любопытство моихъ собесѣдниковъ усиливалось: непремѣнно все имъ покажи, разскажи, въ чемъ я, разумѣется, не отказывалъ, и вотъ поднимаются выраженія удивленія на разные лады: одинъ щелкаетъ языкомъ и совершаетъ это очень долго, сначала быстро, потомъ все медленнѣе и медленнѣе, какъ бы замирая; другой вытаращитъ глаза и твердитъ протяжно „па! па! па! па! па!..“; третій весь какъ-то раскачивается; четвертый, наконецъ, просто нѣмѣетъ отъ удивленія и только повременамъ отряхивается, какъ отъ чертовщины.

Да ка́къ въ самомъ дѣлѣ и не удивляться! Еще складной ножикъ съ нѣсколькими клинками, складной зонтикъ, складной стулъ, положимъ, не такъ чудны; но вотъ, напримѣръ, складной карманный револьверъ *кичкине-милтыкъ*, т. е. маленькое ружье — это такая удивительная вещь, которая даетъ бравому туземцу тэму для разсужденій на всѣ лады, на многіе и многіе часы досуга...

Ангренъ протекаетъ подъ самою деревнею, и переправить насъ черезъ него обѣщали на слѣдующее утро на *салъ*, плотикѣ изъ камыша.

Ангренъ — небольшая рѣчка, впадающая въ Сыръ-Дарью; эти горныя рѣчонки, ничтожныя въ сухое время до того, что, какъ говорится, курицѣ въ пору перейти въ бродъ, осенью, отъ дождей, и особенно весною, отъ таянія снѣговъ, такъ разбушевываются, что переправы черезъ нихъ дѣлаются если не невозможными, то крайне опасными. Именно черезъ одну изъ такихъ рѣчонокъ намъ предстояло теперь переправиться.

„Салъ у насъ хорошій; переправимъ живо“, говорятъ мнѣ; но на другое утро, когда я отправился посмотрѣть этотъ хваленый салъ, онъ оказался преутлою штукою: нѣсколько сноповъ камыша, плохо связанныхъ — все вмѣстѣ два квадратные аршина. Я далъ денегъ на камышъ, всѣ веревки отъ своего багажа и велѣлъ сдѣлать что-нибудь понадежнѣе.

Черезъ часъ посудина была готова, увеличилась и площадью, и толщиною.

Вода неслась съ чрезвычайною быстротой; переправа предстояла не безъ-опасная и вся деревня высыпала смотрѣть на нее. Сначала пустили двухъ лошадей понадежнѣе, попробовать, какъ онѣ терпятъ воду; два киргиза въ однихъ только коротенькихъ штанишкахъ сидѣли на нихъ верхомъ. Когда лошади всплыли, ихъ страшно понесло теченіемъ: но киргизы соскочили съ нихъ тогда и, держась одною рукою за гриву, другою за узду, ловко направляли на перерѣзъ воды; саженяхъ въ тридцати ниже, они вышли на тотъ берегъ, потомъ, зайдя вверхъ, переправились обратно. Бѣдныя лошади дрожали все еще, отфыркивались и пугливо смотрѣли на воду; но имъ не дали опомниться, привязали къ хвостамъ нагруженный плотъ и снова пустили въ воду. Два человѣка плыли при лошадяхъ, пять или шесть кругомъ плота: шума не было — всѣ напряженно слѣдили за переправою; слышалось только сопѣнье и фырканье выбивавшихся изъ силъ лошадей.

„Плакали чемоданы мои“ думалъ я, глядя вслѣдъ понесшемуся, какъ щепочка, салу — едва, едва не пронесло его мимо единственнаго отлогаго мѣста того берега, къ которому можно было пристать: еслибъ это случилось, безъ сомнѣнія, погибли-бы и вещи, и лошади. Однако, выбрались на берегъ, затащили плотъ повыше противъ теченія, переправили на нашу сторону и на свѣжихъ лошадяхъ перетащили и насъ съ остальнымъ добромъ.

Бѣдные киргизы страшно передрогли и запросили араку (водки): но такъ какъ его не оказалось, то мы напоили ихъ чаемъ и сами отправились дальше къ деревнѣ Букѣ, до которой отсюда два таша, т. е. шестнадцать верстъ.

Кстати замѣчу, что употребленіе *таша*, какъ мѣры разстоянія, вошло здѣсь въ обыкновеніе со времени послѣдняго завоеванія Кокана Бухарою: *ташъ*—бухарская мѣра; прежде измѣряли пути днями и часами ѣзды: теперь начинаетъ входить въ употребленіе *чахрымъ* — русская верста.

Путь нашъ лежалъ пашнями и лугами: не было ни дороги, ни

тропинки. На горизонтѣ было видно много кургановъ; Б. сталъ называть мнѣ ихъ всѣхъ по именамъ: „вотъ это Ак-Тубе (акъ—бѣлый, тубе—гора, сопка), вотъ тотъ Кок-Тубе (кокъ—синій, зеленый), а этотъ, самый высокій, Ханка"...

Ханка, о которомъ я еще прежде слышалъ, рисовался вдали громаднымъ силуэтомъ, и я, не долго думая, направился къ нему...

Долго-ли, коротко-ли ѣхали мы, но наѣхали на кочевку киргизовъ, въ которой остановились не надолго, отдохнули и подкрѣпились *гатыхомъ* (гатыхъ — кислое молоко). Кочевка принадлежала таминскимъ-же киргизамъ и смотрѣла очень бѣдно.

Я побродилъ по палаткамъ и въ нѣкоторыхъ былъ такъ нескроменъ, что развернулъ и раскрылъ всѣ мѣшечки, узелки, тряпочки, лежавшія по угламъ и висѣвшія по стѣнкамъ кибитки: тутъ просо, немножко риса или конопли; тамъ шерсть, лоскутки и разная хурда-мурда незатѣйливаго, неприхотливаго быта; стоитъ станокъ для пряжи хлопчатой бумаги, скатанной для этого въ трубочки. Я нарочно сказалъ, что не знаю употребленія этой машинки; хозяйка, пожилая киргизка, любезно сѣла и допряла начатый моточекъ; я выразилъ удивленіе, улыбнулся—улыбнулись и киргизы, вѣроятно, моей простотѣ.

На прощанье я отдарилъ бабусю за ея вкусный гатыхъ платкомъ ярко-краснаго цвѣта, предметомъ, можетъ быть, давнишнихъ желаній ея дочери, которая, мимоходомъ сказать, во все время моего пребыванія въ юртѣ, сидѣла, забившись подъ одѣяла и разную рухлядь и только испуганнымъ, неровнымъ дыханіемъ давала знать о своемъ существованіи. Впрочемъ, фигура матери, становившейся въ позу курицы, защищающей своего цыпленка, передъ тѣмъ мѣстомъ, куда запряталась дочь, каждый разъ, какъ я приближался къ нему, давала понимать, что тутъ находится вещь, которую она съ меньшей готовностью допустить открыть и посмотрѣть, чѣмъ мѣшечекъ съ просомъ или коноплею.

Около высокаго кургана Ханки, который мы видѣли издалека, разсыпано множество меньшихъ насыпей, заросшихъ травою, но безъ остатковъ какихъ-либо построекъ; только на одномъ виднѣется

одинокая могила какого-то ауліе (святой), небольшая ограда недавней постройки, и надъ нею шестъ съ лоскуткомъ матеріи.

Можно полагать, что тутъ былъ городъ, и городъ большой; высокій курганъ составляетъ сѣверовосточный уголъ насыпи, служившей, вѣроятно, мѣстомъ расположенія крѣпости; совершенно ровные, круто и глубоко опускающіеся края этой почти квадратной насыпи были, надобно думать, валы, на которыхъ стояли стѣны. Въ другомъ мѣстѣ мнѣ казалось возможнымъ распознать слѣды глубокаго пруда. По курганамъ валялось много обломковъ крупной и мелкой глиняной посуды, отчасти, можетъ быть, послѣ недавно бывшихъ здѣсь киргизскихъ зимовокъ; показались также мелкіе обломки костей, но не видно было никакихъ слѣдовъ древнихъ построекъ.

*
* *

Бій (бій — почетное лицо) деревни Бука, у котораго мы остановились, за отсутствіемъ старшины, сообщилъ кое-что о Ханкѣ: „Отъ нашихъ стариковъ слыхали мы, что тутъ жилъ когда-то *пади-шахъ* (государь) здѣшнихъ земель, по имени: *Ка-га-ха* (вѣроятно, отсюда сокращенное Ханка), но когда именно онъ жилъ — неизвѣстно, можетъ быть, тысячу, можетъ быть, двѣ тысячи лѣтъ назадъ“.— „А какой государь это былъ: мусульманъ *пади-шахъ* или кяфиръ *пади-шахъ*, т. е. мусульманскій государь или государь невѣрныхъ?“— „Кяфиръ *пади-шахъ* урусъ, т. е. *пади-шахъ невѣрныхъ, русскій*“ (!) Я объяснилъ, что русскіе никогда прежде не владѣли этими мѣстами и теперь пришли сюда въ первый разъ и что, поэтому, или преданіе невѣрно, или истолковано не такъ — онъ повторялъ настойчиво, что преданіе именно таково; въ подтвержденіе вѣроятности этого, сказалъ, что сами русскіе, когда они, нѣсколько лѣтъ назадъ занимали *Той-Тюбе* и окрестныя мѣста, объявляли, будто-бы, что „*пришли снова занять свои давнишнія владѣнія*“. Откуда они взяли, что русскіе говорили подобную нелѣпость, и когда-то въ далекомъ прошломъ владѣли здѣсь — знаетъ Аллахъ.

Старикъ аксакалъ, когда пріѣхалъ, подтвердилъ слова бія: разсказалъ, что здѣсь жилъ кяфиръ-пади-шахъ и *именно урусъ*. Когда

я опять возразилъ, что русскаго владѣтеля здѣсь не могло быть. онъ отвѣчалъ, что, можетъ быть, это неправда, но что преданіе именно таково. „Лѣтъ пятьдесятъ назадъ — говорилъ онъ (старику теперь подъ семьдесятъ) — я пасъ на тѣхъ мѣстахъ скотину и случаемъ отъ многихъ доводилось слышать это. Городъ былъ большой, съ семью рядами стѣнъ (?). Лѣтъ тридцать назадъ, тамъ были еще кое-какія развалины глиняныхъ стѣнъ, не изъ хорошаго кирпича, а просто изъ комьевъ — должно быть, остатки могилъ и зимовокъ: слѣдовъ-же построекъ изъ хорошаго-то кирпича никто и не помнитъ. На моей памяти тутъ бывали скачки и разныя игры. На высокомъ курганѣ помѣщались почетныя лица — оттуда они могли удобно слѣдить за ходомъ игръ и отличать побѣдителей.

Старикъ говорилъ еще, что за Ара-Тюбе, въ горахъ, есть мѣсто, которое также называется Ка-ка-га, и тамъ, по преданію, были большія постройки и тамъ, будто-бы, владѣли когда-то *урусы* (!).

Деревня Бука окружена рисовыми полями, въ это время года затопленными водою; тамъ и сямъ бродитъ народъ чуть не по поясъ, разбивая заступомъ большіе комья земли. Чтобъ на покатыхъ и неровныхъ мѣстахъ вода могла ровно напоить каждый уголокъ, все пространство, засѣянное рисомъ, раздѣлено на небольшіе, саженъ въ пять или немного болѣе, квадратики; каждый такой квадратикъ обнесенъ узкимъ, въ двѣ или въ три четверти вышины, валикомъ, съ воротцами въ одномъ углу, такими маленькими, что кома земли достаточно, чтобъ завалить ихъ, когда понадобится запереть напущенную туда воду. Вода берется изъ большихъ арыковъ, проведенныхъ отъ Ангрена. Въ арыкахъ этихъ немало рыбы, довольно крупныхъ окуней, язей и др.

Разъ позвали меня посмотрѣть, какъ ловятъ рыбу. Кромѣ нѣсколькихъ взрослыхъ крестьянъ, пошла волонтерами огромная толпа ребятишекъ. Орудіемъ для ловли была простая сѣтка на палкѣ.

Старшіе рыболовы раздѣлись и въ однихъ кратчайшихъ штанишкахъ спустились въ арыкъ: одинъ сталъ держать сѣтку, другіе, зайдя немного выше, загонять въ нее рыбу — нѣчто въ родѣ нашей ловли *въ верши*, съ тою только разницею, что здѣсь операція по-

хитрѣе: ставятъ сѣтку и начинаютъ загонять въ нее рыбу только тогда, когда увидятъ ее. „Эй, сюда, сюда!“ кричитъ увидѣвшій какого-нибудь злополучнаго окуня. „Здѣсь, вотъ онъ стоитъ въ травѣ; вотъ, вотъ сейчасъ сюда ускочилъ!..“

При этомъ увидѣвшій и вся ватага бросаются за ускочившею рыбою, и, двигаясь по направленію къ сѣткѣ, шарятъ руками и ногами по всѣмъ ямамъ и зажорамъ. Другая рыба, ушедши отъ всего этого шума и гама, преспокойно прошла-бы между сѣткою и берегомъ, потому что тамъ всегда остается доброе пространство, но здѣшняя, которая или очень глупа, или черезчуръ ужь добродушна, часто попадается въ разставленную ей сѣть.

Въ одномъ мѣстѣ, двигаясь по арыку, набрели мы на запруду, поднявшую воду въ верхнихъ частяхъ и спустившую въ низшихъ, проходившихъ нашею деревнею; хозяева прилегающихъ къ этимъ мѣстамъ рисовыхъ полей устроили эту маленькую шалость, въ невинномъ желаніи сытнѣе напоить свои поля, въ ущербъ своимъ сосѣдямъ, букинцамъ. „Такъ вотъ отчего у насъ такъ мало воды! Разваливай, ребята, запруду!“ Большой и малый на „ура“ бросились вынимать колья, вытаскивать укрѣпленные между ними комья глины и дерна, и высоко скопившаяся вода съ шумомъ двинулась внизъ...

Въ одинъ хорошій, ясный день въ Букѣ былъ базаръ, на который съ утра отправилось все населеніе дома моего хозяина. Я пошелъ одинъ, не закупать что-либо, а такъ побродить, посмотрѣть.

Я говорилъ уже, что каждый день недѣли бываетъ базаръ въ которой-нибудь изъ окрестныхъ деревень: въ *Букѣ*, напримѣръ, базаръ по понедѣльникамъ, въ *Ак-Курганѣ* — по пятницамъ, въ *Псхентѣ* — по средамъ и т. д.

На базарной площади, около лавченокъ, въ которыхъ обыкновенно не видно было ни души, теперь толпилось множество народа и коннаго, и пѣшаго, съѣхавшагося со всѣхъ окрестностей нестолько, разумѣется, для закупокъ, сколько для свиданія съ родными, знакомыми, для собиранія новостей и сплетень; иной изъ-за двадцати верстъ торопится, спѣшитъ, боится опоздать — для чего? чтобъ поглазѣть на толпу, цѣлый день проболтаться между гуторящимъ

народомъ, сунуть носъ во всѣ сдѣлки, продажи, мѣны, во всѣ споры, ссоры, если такія случатся, подставить свой ротъ подъ угощеніе, если оно предложится, и съ запасомъ свѣдѣній и спокойною совѣстью возвратиться во-свояси.

Еврей въ Бука.

Вотъ, вытянувшись въ нѣсколько шереногъ, сидятъ работающіе веретенья, кто подъ шалашикомъ изъ цыновокъ, кто просто на солнцѣ. Они работаютъ безустанно на своихъ простенькихъ станочкахъ и едва успѣваютъ удовлетворять спросу туземныхъ дамъ, около нихъ толкущихся.

Евреи торгуютъ немного чаемъ и вообще всѣмъ, чѣмъ случится, но преимущественно сырымъ шелкомъ; они и торговцы краснымъ товаромъ, развѣсившіе свои яркія богатства по обѣимъ сторонамъ цѣлой линіи лавокъ, занимаютъ самую фешенебельную часть базара.

Тутъ-же безъ лавокъ, просто на землѣ, разложены *бязи* (бумажная матерія), разныя крашеныя ткани, множество халатовъ и многія принадлежности костюма. Тутъ-же лавочки съ зеркальцами, ножичками, огнивами, кожаными кошельками и разными разностями, разными мелочами. Невдалекѣ лавочки, въ которыхъ стряпаютъ и пекутъ превкусные пирожки *самуса* и варятъ въ пару пельмени.

Мясники, торговцы конопляннымъ масломъ и выжимками и другими, менѣе деликатными предметами держатся больше по краямъ базара; съ краевъ-же идетъ продажа лошадей, барановъ, коровъ, верблюдовъ и т. д.; здѣсь почти всѣ, и покупатели и продавцы, и мужчины и женщины, верхами.

Бродя тамъ и сямъ, я понакупилъ кое-какихъ мелочей, но больше прицѣнивался, присматривался и къ товарамъ, и къ физіономіямъ самихъ продающихъ; съ другой стороны, и меня, въ моемъ европейскомъ пальто, осматривали съ немалымъ вниманіемъ и изумленіемъ и закидывали вопросами: „Кто ты? ногай (татаринъ)? откуда ты?“—„Ты купецъ?“—„Купецъ“, отвѣчаю.—„Чѣмъ торгуешь?“—„Всѣмъ понемногу“.—„Значитъ, разнымъ товаромъ?“.—„Да, разнымъ товаромъ“.—„Гдѣ твоя лавка? Въ Ташкентѣ есть у тебя лавка?“—„Есть“.—„А въ Чиназѣ есть?“—„Въ Чиназѣ нѣтъ“.—„А зачѣмъ ты эту чалму купилъ? веретенья эти тебѣ зачѣмъ?“...

Съ базара я зашелъ въ календарханъ, грязную избушку, стоящую въ прелестнѣйшемъ мѣстѣ, въ чащѣ деревьевъ на берегу широкаго арыка. Народа засталъ тамъ немного и то не постоянныхъ обитатетей, а постороннихъ, захожихъ bonvivants; часть ихъ курила крѣпкій *наша*, другая спала въ растяжку, должно быть, послѣ лишняго пріема кукнара. Постоянные обитатели календархана, диваны, отсутствовали; всѣ они на базарѣ, гдѣ ихъ остроконечныя шапки и отборныя лохмотья всюду виднѣются между народомъ.

Одинъ, я видѣлъ, таскаетъ въ чемъ-то, въ родѣ стараго шлема,

съ продѣтыми въ края веревочками, тлѣющую пахучую траву; онъ съ серьезнымъ видомъ, заботливо, какъ-бы дѣлая важное дѣло, обходитъ всѣхъ по очереди, всѣмъ подставляетъ это благовоніе, и потому-ли, что трава эта хорошо пахнетъ, или потому, что она изъ какого-нибудь священнаго мѣста — никто не отказывается опустить въ дымъ свои руки, а потомъ провести ими по лицу и по бородѣ; но обычную чеху за это подаетъ не всякій.

Передъ какимъ-то тучнымъ человѣкомъ, разсчитывавшимся мелкими деньгами и необращавшимъ на него вниманія, дивана мой остановился и немилосердо обкуривалъ его, въ ожиданіи подачи. Я хотѣлъ посмотрѣть, кто изъ нихъ, отказывающій или просящій, лучше выдержитъ характеръ, но такъ и не дождался; когда я отошелъ, простоявши на мѣстѣ добрый десятокъ минутъ, первый все еще возился съ деньгами и дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ нищаго; второй продолжалъ надѣлять его благоуханіями, въ чаяніи — Богъ не безъ милости — одной чехи...

Изъ новостей, ходившихъ на базарѣ, была одна крупная: именно разсказывали, что эмиръ бухарскій въ Самаркандѣ и готовится воевать съ Россіею. Я посмѣялся тогда вздору, какимъ показалось мнѣ это извѣстіе, но оно оказалось вскорѣ, если не совсѣмъ справедливымъ, то близкимъ къ тому.

ДУНАЙ.

1877.

Добрый генералъ Галлъ представилъ меня гг. Непокойчицкому, Левицкому и др., а также, къ большому моему удивленію, молодому генералу Скобелеву. — „Я зналъ въ Туркестанѣ Скобелева", говорю ему...—„Это я и есть!"—„Вы! можетъ-ли быть, какъ вы постарѣли; мы вѣдь старые знакомые". Скобелевъ порядочно измѣнился, возмужалъ, принялъ генеральскую осанку и отчасти генеральскую рѣчь, которую, впрочемъ, скоро перемѣнилъ, въ разговорѣ со мною, на искренній дружескій тонъ.

Онъ только-что пріѣхалъ. Надъ его двумя георгіевскими крестами, полученными въ Туркестанѣ, подсмѣивались и говорили, что „онъ еще долженъ заслужить ихъ". Я хорошо помню, что эта послѣдняя фраза понравилась и повторялась, также какъ и высказанная однимъ молодцемъ увѣренность, что „этому мальчишкѣ нельзя довѣрить и роты солдатъ".

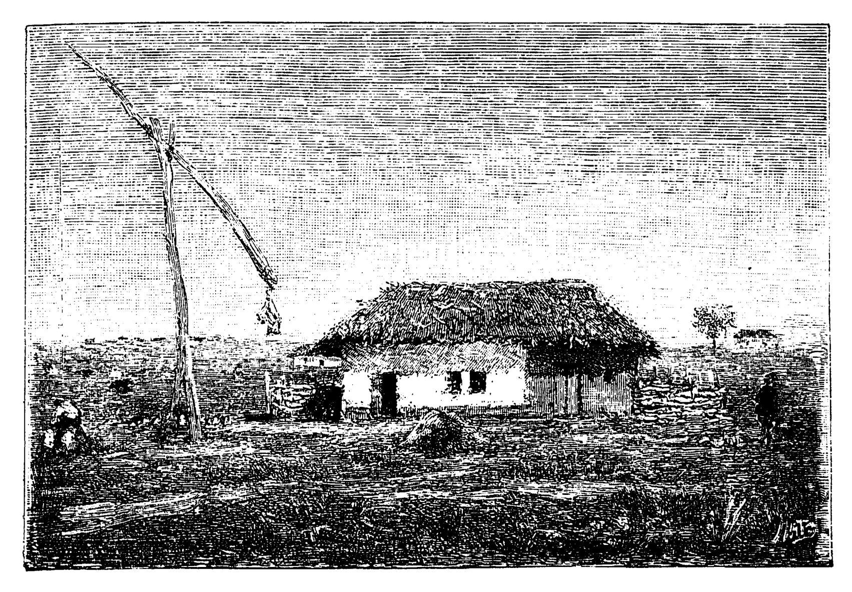
Узнавши, что я пойду впередъ вмѣстѣ съ отцемъ его, М. Д. просилъ ему передать о скоромъ своемъ пріѣздѣ,—онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба къ отцу своему, Дмитрію Ивановичу Скобелеву, командовавшему передовою казачьею дивизіею.

* * *

Отрядъ Скобелева отца состоялъ изъ полка донцевъ и полка кубанцевъ въ одной бригадѣ, полка владикавказцевъ и осетинъ съ ингушами въ другой. Первою бригадою командовалъ пол-

ковникъ Тутолминъ, неглупый, добрый человѣкъ, большой говорунъ; второю полковникъ Вульфертъ, георгіевскій кавалеръ за Ташкентъ, куда онъ первый вступилъ при штурмѣ. Насколько Т. любилъ говорить рѣчи, настолько В. любилъ молчать.

Полковыми командирами были: у донцевъ Денисъ Орловъ, живой и симпатичный, хорошій товарищъ; у кубанцевъ Кухаренко, сынъ извѣстнаго на Кавказѣ генерала, самъ имѣвшій видъ браваго

Румынская хата.

кавказца, оказавшійся впослѣдствіи болѣзненнымъ. Владикавказцами командовалъ полковникъ Левисъ, полу-русскій, полу-шведъ, толстый, красный, добродушный и бравый, словомъ, претипичный воинъ. Полковой командиръ ингушей и осетинъ — русскій фигурою и фамиліею, кажется, Панкратьевъ.

Я помѣщался обыкновенно въ хатѣ со старикомъ Скобелевымъ. У него была таратайка и пара лошадей, на которой мы выѣзжали утромъ по выступленіи войскъ. Догнавши отрядъ, Скобелевъ надѣвалъ огромную форменную папаху, садился на лошадь, объѣзжалъ

полки, здоровался съ офицерами и казаками и затѣмъ опять садился въ таратайку, причемъ папаха отправлялась подъ сидѣнье, а на смѣну ея вытаскивалась красная конвойная фуражка. Д. И. командовалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, конвоемъ Его Величества и носилъ конвойную форму. Когда мы подъѣзжали къ деревнямъ, онъ не забывалъ откидывать борты пальто и открывать свою нарядную черкеску, обшитую широкими серебряными галунами. Румыны вездѣ дивовались на статнаго, характернаго генерала. Я помню, что, во время осмотра казаковъ главнокомандующимъ въ Галацѣ, Скобелевъ-отецъ поразилъ меня своею фигурою: красивый, съ большими голубыми глазами, окладистою рыжею бородою, онъ сидѣлъ на маленькомъ казацкомъ конѣ, къ которому казался приросшимъ.

*
* *

Дорогою мы обыкновенно или разсказывали что-либо другъ другу, или Д. И. разсуждалъ съ кучеромъ Мишкою о худо подкованной пристяжной, о ненадежной возжѣ или шинѣ у колеса и т. п.; чаще-же всего спорилъ съ нимъ, бранился, угрожалъ отправить его домой, а съ переходомъ черезъ границу даже и выпороть, такъ какъ „законы теперь уже другіе“, но угрозы эти такъ и оставались угрозами, что̀ кучеръ Мишка очень хорошо зналъ. Послѣ, когда въ отрядъ прибылъ Михаилъ Скобелевъ, часто трудно было различить, о комъ говоритъ, кого Д. И. зоветъ: Мишу сына, или Мишку кучера.

Мы ѣхали часто довольно далеко впереди войскъ; на полъ-пути, выбравши хорошее мѣсто для роздыха войскъ, останавливались, добывали прѣснаго или кислаго молока, если по близости было какое жилье или поселеніе, и затѣмъ, съ подходомъ офицеровъ, завтракали чѣмъ-нибудь холоднымъ.

Я забылъ упомянуть еще о трехъ постоянныхъ членахъ нашего общества: капитанѣ генеральнаго штаба Сахаровѣ, исправлявшемъ при отрядѣ должность начальника штаба, очень остроумномъ человѣкѣ; штабъ-ротмистрѣ Дерфельденѣ, состоявшемъ при отрядѣ,

славной русской натурѣ, не смотря на нѣмецкую фамилію; наконецъ, штабъ-ротмистрѣ гатчинскихъ кирасиръ Лукашевѣ, исправлявшемъ должность адъютанта штаба, если не ошибаюсь.

При отрядѣ была и артиллерія Донскаго войска, но командиръ батареи держался болѣе отдѣльно, между своими офицерами. Командиры полковъ второй бригады также, какъ и самъ Вульфертъ, рѣдко бывали съ нами, потому что они шли сзади, на одинъ переходъ, и являлись къ Скобелеву только когда догоняли насъ на дневкахъ.

Нечего и говорить, что завтраки наши на лугу, подъ деревьями или подъ навѣсомъ румынской хаты, были очень оживленны и веселы; послѣ отдыха сигналъ выступленія, и затѣмъ снова наша таратайка, а за нею и отрядъ двигались впередъ.

Мы останавливались иногда по дорогѣ поразспросить и поболтать со встрѣчнымъ крестьяниномъ или крестьянкою, при чемъ сами не мало смѣялись нашимъ усиліямъ дать себя понять. „Вы не умѣете“, говорилъ мнѣ иногда Д. И., „дайте я объясню“—и вправду, иногда добивался отвѣта. Разъ мы свернули съ дороги къ румыну, пасшему стадо барановъ, сначала обезумѣвшему отъ страха при видѣ генерала, но потомъ увѣрившемуся въ нашихъ мирныхъ намѣреніяхъ. Скобелевъ хотѣлъ купить барашка, *на племя*, какъ онъ выражался; отставивши руки недалеко одна отъ другой, онъ началъ блеять тоненькимъ голоскомъ, бя! бяя! Крестьянинъ понялъ, продалъ барашка и долго улыбался намъ вслѣдъ. Мы возили этого барашка въ тарантасѣ, но онъ велъ себѣ такъ дурно и такъ запакостилъ насъ, что былъ сданъ въ обозъ.

* *
*

Съ приходомъ отряда въ назначенное по маршруту мѣсто, въ хатѣ, занимаемой Скобелевымъ, готовился обѣдъ. Условіе было такое, что самъ Д. И. поставляетъ провизію и повара, Тутолминъ вино, Сахаровъ, если не ошибаюсь, чай и сахаръ, а мнѣ предложено было заботиться о сладкомъ, т. н. изюмѣ, миндалѣ, орѣхахъ и т. п. Скобелевъ всегда самъ приготовлялъ салатъ, при чемъ, отъ безпрерывнаго пробованія, вся борода его покрывалась салатными листьями.

Для супа онъ посылалъ часто повара тихонько утащить молодыхъ виноградныхъ листочковъ изъ ближняго виноградника.

Случалось, однако, что обѣдъ почему-либо заставлялъ себя ждать, тогда мы старались убить время всякимъ вздоромъ и шутками. Сочинялись стихи: „къ повару", „къ обѣду", а за тѣмъ и вообще приноровленные къ обстоятельствамъ: къ походу, къ погодѣ и т. п. Вотъ, наприм., стихи, сочиненные на артельномъ началѣ; въ нихъ грѣхи четверыхъ: самого генерала Скобелева, полковника Тутолмина, капитана Сахарова и штабъ-ротмистра Дерфельдена:

Скобелевъ — Не стая вороновъ слетается,
Тутолминъ — Чуя солнышка восходъ,
Сахаровъ — Генералъ въ походъ сбирается
Дерфельденъ — И кричитъ: Давыдъ Орловъ!

А вотъ мои вирши неоконченныя, потому что Д. И. попросилъ прибавить что-нибудь о порядкѣ и стройности въ отрядѣ, чѣмъ убилъ мое вдохновеніе, разумѣется, къ лучшему:

Шутки въ воздухѣ несутся,
Пѣсни громко раздаются,
Все кругомъ живетъ,
Все кругомъ живетъ.

Старый Скобелевъ, съ полками,
Со Донскими казаками,
Въ Турцію идетъ,
Въ Турцію идетъ.

Тутъ же тянутся Кубанцы,
Осетины оборванцы;
Бравый все народъ,
Бравый все народъ.

Артиллерія тащится,
Можетъ въ дѣлѣ пригодиться,
Какъ знать напередъ,
Какъ знать напередъ.

А въ тылу у всѣхъ Драбанты,
Писаря и медиканты,
Словомъ, всякій сбродъ,
Словомъ, всякій сбродъ!

Предположеніе продолжать, какъ сказано, не состоялось. Послѣ обѣда, передъ чаемъ опять разговоры и шутки, а часто и пѣсни, которымъ не брезговалъ подпѣвать басомъ и самъ генералъ. Пѣсни очень любилъ Тутолминъ; онъ такъ старательно вытягивалъ нотки, что иногда закрывалъ глаза отъ удовольствія, особенно когда пѣлась одна его любимая, солдатская, съ припѣвомъ:

Будемъ жить, не тужить
И Царя благодарить!

или:

Будемъ жить, не тужить
И я буду васъ любить!

Спать ложились рано, такъ какъ вставать приходилось очень рано.

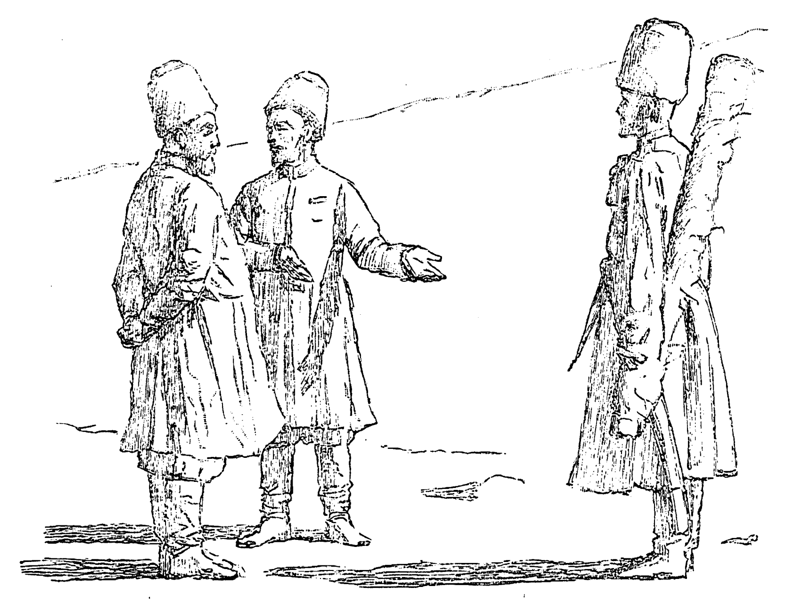
*
* *

На одной стоянкѣ только-что мы легли-было спать, какъ раздались выстрѣлы и за ними общая тревога. Наскоро одѣваясь, спрашиваю у Скобелева, что̀-бы это могло быть? — „Турки“, отвѣчаетъ онъ.—Въ нѣсколько минутъ отрядъ былъ на ногахъ. Какъ на зло, казакъ затерялъ уздечку моей лошади и я поспѣлъ выѣхать позже всѣхъ. Темнота была хоть глазъ выколи! Проѣхавши черезъ какія-то канавы и буераки и едва не свалясь съ лошади, я добрался до построившагося уже отряда. Раздаются негромкіе голоса: „гдѣ артиллерія, артиллерія сюда! Кубанцы вправо!“ Слышу, зоветъ генералъ: „Василій Васильевичъ! гдѣ В. В.?“ Я присоединился къ штабу.

Послали разъѣздъ, и что̀-же оказалось: какому-то жиду маркитанту, остановившемуся здѣсь ночевать и въ темнотѣ порядочно струсившему, вздумалось придать себѣ бодрости нѣсколькими выстрѣлами изъ револьвера. Казаки, особенно Орловъ, просили позволенія хорошенько отодрать плетками этого героя, не давшаго всему отряду выспаться, но я заступился и предложилъ дать ему только по нагайкѣ за каждый выстрѣлъ; это было принято, и жидъ получилъ только 3 нагайки, но, кажется, здоровыя!

*
* *

По большимъ деревнямъ казаки располагались въ домахъ, а въ сторонѣ отъ селеній въ палаткахъ. Вообще войско держало себя прилично, хотя и не обходилось безъ жалобъ: тамъ казакъ стянулъ гуся, тамъ зарѣзали и съѣли барана такъ ловко, что ни шкуры, ни костей нельзя было доискаться; бывали даже жалобы, хотя и рѣдко, на то, что казакъ „бабу тронулъ".

Бабу тронулъ.

Шли мы съ большими предосторожностями, какъ-бы въ непріятельской странѣ, съ разъѣздами по сторонамъ, которые назывались „глазами". Хотя нѣкоторые изъ офицеровъ и подтрунивали надъ этими предосторожностями, но такъ какъ нельзя было поручиться, что какая-нибудь шальная партія черкесовъ, переправясь темною ночью черезъ Дунай, не набѣдокуритъ, не напугаетъ всю окрестность, то, можетъ быть, предосторожности эти были не лишнія. Хоть мы еще были далеко отъ Дуная, но жители кругомъ, въ виду постоянныхъ слуховъ о переправѣ непріятеля, то тамъ, то сямъ черезъ Дунай, были въ сильнѣйшей тревогѣ.

И офицеры, и казаки, въ отрядѣ вели жизнь скромную: ни кутежей, ни сильной игры не было. Помнится мнѣ только одна пирушка у Кухаренко, командира Кубанскаго полка, что-то такое праздновавшаго, не помню, что̀ именно. Орловъ явился съ полудюжиною добраго донскаго, послѣднею, какъ онъ увѣрялъ; потомъ, однако, явилась еще полудюжина, уже окончательно послѣдняя, и едва-ли не отыскалась еще третья, уже совсѣмъ, совсѣмъ послѣдняя.

Главнымъ интересомъ празднества была давно возвѣщенная жеребятина, которою К. собирался насъ угостить. Мнѣ случалось въ Туркестанѣ ѣсть лошадь, но жеребенка не ѣдалъ.

Подали. „Гооосподa! — протянулъ К., порядочно заикавшійся, — п-о-ожалуйте ж-ж-жеребенка!“ На блюдѣ какія-то громадныя котлеты, ребра съ нѣсколько синеватымъ мясомъ. Всѣ попробовали; мнѣ мясо понравилось, но большинству нѣтъ, кто ѣлъ мало, а кто и совсѣмъ отставилъ тарелку.

Подали второе блюдо. „Го-о-спода, кто н-не желаетъ ж-жеребятины, в-вотъ п-о-ожалуйте б-а-аранинки!“ Принялись за баранину, послышались голоса С. и другихъ: „Вотъ это другое дѣло, это мясо“... Когда всѣ наѣлись, К. опять затянулъ: „Не в-в-в-зыщите, гггоспода, о-о-оба блюда ббыли жжжеребятина!..

*
* *

У меня не было ни лошади, ни повозки, и всѣмъ этимъ надобно было завестись. Рѣшено было, что достанетъ мнѣ это сотникъ В., командиръ одной изъ Кубанскихъ сотень, умѣющій добывать все, всегда и вездѣ. Генералъ познакомилъ меня съ нимъ. — „Это можно“ отвѣчалъ тотъ, и на другой-же день я получилъ рыжаго коня хотя съ бѣльмомъ на одномъ глазу, но добраго, хорошо видѣвшаго и однимъ глазомъ, а главное, недорогаго, за 70 рублей, что̀ по тогдашнимъ цѣнамъ на лошадей было не много.

Позже, въ Букарестѣ, В. добылъ мнѣ и повозку съ лошадью, за 400 франковъ, отъ русскаго поселенца, скопца. Для повозки Скобелевъ далъ мнѣ пѣшаго Донскаго казака, Ивана, а для моихъ поѣздокъ молодаго Осетина Каитова.

*
* *

Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ молодой Скобелевъ. Передъ нимъ прибыли его лошади. Одна, подаренная ему отцомъ, кровная англійская выводная кобыла, уже довольно старая, была разбита на ноги: другая, бѣлый жеребецъ персидской породы, была, при нѣкоторыхъ хорошихъ статьяхъ, чуть-ли не уродомъ въ общемъ. Третій конь— хивинскій, золотистый туркменъ, повидимому, не изъ лучшихъ туркменскихъ лошадей.

О молодомъ генералѣ въ отрядѣ уже слышали и меня, какъ его знакомаго, часто спрашивали, что онъ за человѣкъ. Я всѣмъ отвѣчалъ, что онъ храбрый, хорошій офицеръ.

Отношенія отца и сына Скобелевыхъ были дружественныя, но мнѣ казалось, что Д. И—чу не совсѣмъ пріятенъ былъ Георгій 3-й степени М. Д—ча, въ то время, какъ у самого у него былъ только 4-й. При этомъ отецъ, отчасти какъ бывшій кавказецъ, относился иронически къ военнымъ заслугамъ Михаила Дмитріевича въ Туркестанѣ, войны котораго онъ называлъ *бараньими*. Помню, что разъ, за столомъ, мнѣ пришлось крѣпко заступиться за молодаго генерала, такъ что старый даже надулся. Вообще М. Д. своими военными разсказами, также какъ планами и предположеніями для предстоявшей кампаніи, нѣсколько нарушилъ ровный, патріархальный строй нашей походной жизни.

Помнится, молодой Скобелевъ строилъ такое множество плановъ перехода черезъ Дунай и всѣхъ войскъ, и отдѣльныхъ частей, предпріятій для нападенія врасплохъ на турецкіе пикеты, батареи и проч. — плановъ и предпріятій, которые онъ постоянно, по секрету, сообщалъ то тому, то другому изъ старшихъ офицеровъ отряда, что многихъ привелъ въ совершенное недоумѣніе.—„Онъ какой-то шальной, говорилъ мнѣ С., чуть не каждый часъ новый планъ; возьметъ подъ руку—„знаете, что я вамъ скажу“—и начнетъ, и начнетъ, да такую чушь!“

Какъ искренно любившій Скобелева, я посовѣтывалъ ему быть воздержнымъ и осторожнымъ. Онъ очень интересовался знать, какое произвелъ впечатлѣніе въ отрядѣ, на что я и сказалъ ему, что его молодость, фигура, георгіевскіе кресты и проч. безспорно

произвели извѣстное обаяніе, но онъ долженъ остерегаться разрушить его надоѣданіемъ всѣмъ со своими проектами, какъ-бы они ни казались лично ему практичными и удобоисполнимыми. Михаилъ Дмитріевичъ горячо поблагодарилъ за это: „это совѣтъ истиннаго друга“, сказалъ онъ мнѣ.

***

Подойдя къ Букарешту, мы не вошли въ самый городъ, согласно конвенціи; къ отряду выѣхалъ полковникъ Бобриковъ, бывшій нашъ военный агентъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими румынскими офицерами, и обвели насъ кругомъ, предмѣстьями, въ одномъ изъ которыхъ, къ сторонѣ Дуная, мы размѣстились. Въ отрядѣ очень недовольны были этимъ и находили условіе не проходить городомъ унизительнымъ, съ чѣмъ, пожалуй, можно было и не согласиться.

Лишь только части расположились, какъ старику Скобелеву дали знать, что главнокомандующій проѣздомъ въ Букарештѣ и остановился въ домѣ консула Стюарта. Почтенный Д. И. такъ обрадовался этому, что какъ сидѣлъ на кровати, такъ и вскинулъ ноги кверху, совсѣмъ вертикально. Онъ поѣхалъ верхомъ со своимъ значкомъ изъ голубаго шелка съ большимъ бѣлымъ крестомъ, который шелъ по Румыніи впереди отряда.

Я ѣздилъ по городу съ М. Д. Скобелевымъ и, признаюсь, немного совѣстился его товарищества: встрѣчнымъ барынямъ, особенно хорошенькимъ, онъ показывалъ языкъ!

Скобелевъ скучалъ бездѣйствіемъ; видно было, что ему не хотѣли довѣрить отдѣльнаго командованія, и онъ сильно горевалъ о томъ, что не остался въ Туркестанѣ, гдѣ теперь, по слухамъ, готовилась демонстрація противъ Англіи; мысль о походѣ въ Индію не давала ему покоя. — „Дураки мы съ вами вышли, что сюда пріѣхали“, говорилъ онъ оставившему вмѣстѣ съ нимъ службу въ Туркестанѣ капитану Маслову, тоже крѣпко порывавшемуся назадъ. Я совѣтывалъ М. Д. не торопиться сѣтованіями.—„Будемъ ждать, В. В.—говорилъ онъ—*я умѣю ждать и свое возьму*“. Маслову

я совѣтывалъ связать свою судьбу съ судьбою С., который, какъ и можно было быть увѣреннымъ, дѣйствительно съумѣетъ занять свое мѣсто. Жаль только, что это случилось поздно, что его молодость такъ долго служила ему помѣхою и такому рысаку не было хода—исходъ кампаніи былъ-бы другой.

Скобелевъ-отецъ угостилъ насъ всѣхъ обѣдомъ въ гостинницѣ Гюкъ, гдѣ и я остановился на время нашего роздыха въ Букарештѣ. Гостинница порядочная, не дорогая, какъ говорится, дѣлавшая дѣла за это время; впрочемъ, не было, вѣроятно, человѣка въ Букарештѣ, который такъ или иначе не пользовался-бы отъ русскихъ; трактирщики-же и содержатели гостинницъ просто, должно быть, наживали состоянія въ это бойкое время.

Въ Букарештѣ я познакомился съ полковникомъ Паренцовымъ, настоящимъ начальникомъ штаба нашего отряда, должность котораго исполнялъ С. Теперь онъ состоялъ при какомъ-то другомъ дѣлѣ и не намѣревался, повидимому, присоединиться къ намъ.

*
* *

Будучи обязанъ поставлять для нашей столовой артели сладости, я обѣгалъ всѣ лавки въ городѣ, но, кромѣ дряннаго изюма и твердаго чернослива, ничего не могъ найдти — все было раскуплено. Какъ ни стыдно это было, а пришлось угощать добрыхъ товарищей по походу этою гадостью.

Кажется, послѣ 2-хъ дней роздыха, мы выступили далѣе, въ старомъ порядкѣ. Одинъ день шли впереди донцы, другой—кубанцы, большею частью съ пѣснями и казацкою музыкою, хотя не всегда гармоничною, но громкою и залихватскою. Такъ и представляется мнѣ, при воспоминаніи объ этой музыкѣ, офицеръ, заправлявшій ею въ Кубанскомъ полку (забылъ его имя): статный, красивый, огромнаго роста, онъ собственноручно дирижировалъ, ударами въ турецкій барабанъ и какими ударами!—нельзя было слышать ихъ иначе, какъ на почтительномъ разстояніи.

Войска, какъ и прежде, останавливались, гдѣ было мѣсто, по хатамъ, а гдѣ нѣтъ—въ палаткахъ, только-бы была по близости вода

Мы всегда добывали себѣ домишко, когда крестьянскій, когда помѣщичій. Иногда заходили съ Д. И. погулять въ расположенныя по сосѣдству усадьбы, гдѣ, въ отсутствіи хозяевъ, охотно все показывали и угощали насъ дульчесами, т. е. вареньемъ съ неизмѣннымъ стаканомъ воды. Разъ остановились въ большомъ помѣщичьемъ домѣ, очень просторномъ и удобномъ; но отряду въ эту ночь было не

М. Д. Скобелевъ.

сладко; сколько ни розыскивали, не нашли подходящаго сухаго мѣста, и казаки принуждены были поставить палатки на топкомъ грунтѣ; на бѣду еще погода была сырая, моросилъ все время дождикъ; помнится, здѣсь обвиняли начальника отряда въ томъ, что онъ слишкомъ пригоняетъ мѣсто лагеря войскъ къ мѣсту собственной остановки.

Отсюда Д. И. Скобелевъ былъ временно вызванъ по начальству. За время отсутствія отца, Скобелевъ сынъ командовалъ отрядомъ. Какъ-же и радъ онъ былъ объѣхать казаковъ и сказать имъ: „здорово, братцы!“ Онъ уже жаловался мнѣ, когда я сдерживалъ его новыя поползновенія проситься назадъ въ Туркестанъ: „думаете вы, В. В., мнѣ легко не имѣть права поздороваться съ людьми послѣ того, что я водилъ полки въ битву и командовалъ областью...“

Казаки увидѣли разницу между сыномъ и отцомъ; слышно было, какъ говорили: „вотъ-бы намъ какого командира надо“. Старикъ Скобелевъ это узналъ потомъ и разсердился. — „Онъ не можетъ быть на этомъ мѣстѣ, потому что я на немъ“, говорилъ онъ мнѣ. Не знаю почему, стараго Скобелева называли всѣ пашею; С. даже называлъ его Рыгунъ-пашею за то, что онъ часто и громко рыгалъ.

Казаки пѣвали часто пародію на извѣстную солдатскую пѣсню „Было дѣло подъ Полтавой“, начинавшуюся стихомъ: „Было дѣло подъ Джунисомъ“, сложенную на тотъ-же голосъ нашими добровольцами въ Сербіи. Между прочимъ, стихъ:

Нашъ великій Императоръ,
Память вѣчная ему и т. д...

былъ пародированъ такъ:

Нашъ великій М........е,
Чтобы чортъ его побралъ,
Цѣлый день сидѣлъ въ резервѣ,
Телеграмы отправлялъ!

Старый Скобелевъ часто слышалъ эту пѣсню и никогда не обращалъ вниманія на нее; молодой, въ первый-же день своего короткаго командованія, сказалъ казакамъ: „братцы, прошу васъ не пѣть эту пѣсню; въ ней осмѣиваются наши братья, храбро дравшіеся за славянское дѣло“!

Онъ успѣлъ освѣдомиться о пищѣ людей и нѣкоторыхъ другихъ порядкахъ въ отрядѣ, что̀ тотчасъ-же сдѣлалось извѣстнымъ нижнимъ чинамъ и дало молодому генералу популярность.

* * *

Скоро мы пришли къ Фратешти, близъ станціи желѣзной дороги этого-же имени, откуда открылся Дунай далекою серебристою, сверкающею на солнцѣ, полосою. Такъ какъ отрядъ долженъ былъ расположиться вдоль рѣки и о переходѣ его еще не было и рѣчи, то я надумалъ съѣздить ненадолго въ Парижъ, если разрѣшатъ. Въ пути испортились нѣкоторыя изъ моихъ художественныхъ принадлежностей; однажды, при паденіи вещей, помялись краски и полотна; приходилось или поскорѣе выписать, или съѣздить самому; я предпочелъ послѣднее и, сказавшись Скобелеву, въ тотъ-же день уѣхалъ на станцію, откуда черезъ Букарештъ въ Плоэшти, гдѣ въ это время была главная квартира.

* * *

Ровно черезъ 20 дней я вернулся назадъ. Главная квартира въ это время была очень людна и шумна, такъ какъ Государь Императоръ уже прибылъ къ арміи. Вечеромъ въ тотъ-же день я переѣхалъ въ Журжево, гдѣ стоялъ Скобелевъ со своею дивизіею, и на слѣдующее утро былъ разбуженъ пушечною пальбою; прибѣжалъ казакъ отъ начальника дивизіи звать меня: турки-де бомбардируютъ Журжево—пожалуйте!

Пріѣзжаю на берегъ Дуная; день прекрасный, ясный; Рущукъ какъ на ладони со своими фортами, бѣлыми минаретами и дальнимъ лагеремъ. Д. И. Скобелевъ со штабомъ сидитъ подъ плетнемъ дома, выходящаго на рѣку. Турки бомбардируютъ, какъ оказывается, не городъ, а купеческія суда, собранныя передъ городомъ, между берегомъ и маленькимъ островкомъ, на которыхъ, по ихъ предположеніямъ, должны были переправиться наши войска; это были прекурьезныя барки, конструкціи прошлаго столѣтія, и надобно было имѣть очень дурное мнѣніе о переправочныхъ средствахъ русскихъ войскъ, чтобы предположить себѣ ихъ плывущими къ турецкимъ берегамъ на этихъ галерахъ.

Пока непріятель еще не пристрѣлялся, нѣсколько гранатъ упало въ крайніе городскіе дома, и какой-же тамъ поднялся переполохъ! все бросилось съ самыми необходимыми вещами въ рукахъ на другой конецъ города. Я пошелъ на суда и помѣстился на сред-

немъ изъ нихъ, наблюдать, съ одной стороны, кутерьму въ домахъ, съ другой—паденіе снарядовъ въ воду. Вонъ ударила граната, за нею другая, въ длинное казенное зданіе, что-то въ родѣ складочнаго магазина, служившее теперь жильемъ полусотнѣ кубанскихъ казаковъ; по первой гранатѣ, ударившей въ стѣну, они стали собирать вещи, но по второй, пробившей крышу, повысыпали, какъ тараканы, и, нагнувши головы, придерживая одною рукою кинжалъ, другою шапку, бѣгомъ, бѣгомъ, вдоль стѣнъ, въ улицу.

Нѣкоторыя гранаты ударяли въ песокъ берега и поднимали цѣлые земляные не то букеты, не то кочни цвѣтной капусты, въ серединѣ которыхъ летѣли вверхъ воронкою твердые комья и камни, а по сторонамъ земля; верхъ букета составляли густые клубы бѣлаго пороховаго дыма.

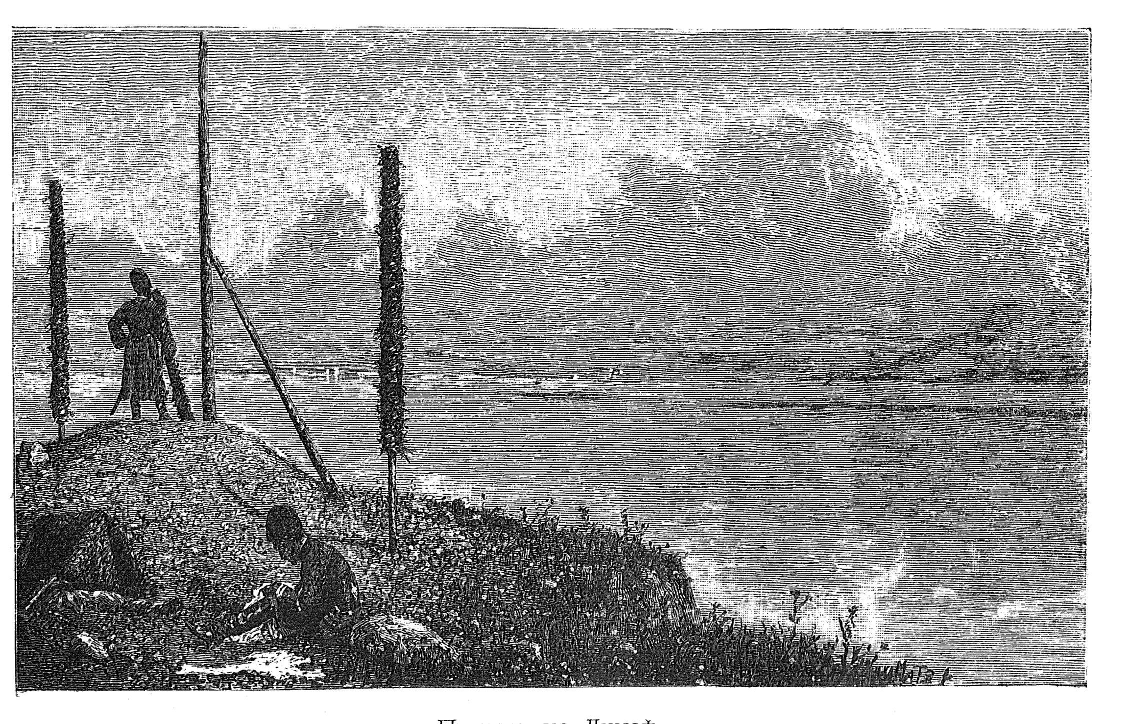
Гранаты падали совсѣмъ около меня; когда турки пристрѣлялись, лишь немногіе снаряды попадали на берегъ, большинство ложилось или на суда, или въ воду, между ними и передъ ними. Два раза ударило въ барку, на которой я стоялъ, однимъ снарядомъ сбило носъ, другимъ, черезъ бортъ, все разворотило между палубами, при чемъ взрывъ произвелъ такой шумъ и грохотъ, что я затрудняюсь передать его иначе, какъ словомъ *адскій*, хотя въ аду еще не былъ и, какъ тамъ шумятъ, не знаю. Грохотъ этотъ, помню, выгналъ на верхнюю палубу двухъ щенятъ, исправно принявшихся играть и только при разрывахъ останавливавшихся, навастривавшихъ уши, и—снова давай возиться.

Интереснѣе всего было наблюдать паденіе снарядовъ въ воду, что подымало настоящіе фонтаны, превысокіе.

Когда показывался дымокъ, дѣлалось немного жутко, думалось: „вотъ ударитъ въ то мѣсто, гдѣ ты стоишь, расшибетъ, снесетъ тебя въ воду, и не будутъ знать, куда дѣвался человѣкъ."

Турки выпустили пятьдесятъ гранатъ, потомъ замолчали; результатъ этой бомбардировки былъ самый ничтожный.

— „Гдѣ это вы были, спрашиваютъ меня,—какъ-же вы не видѣли такого интереснаго дароваго представленія?"—„Я его видѣлъ лучше, чѣмъ вы, потому что былъ все время на судахъ".—„Не можетъ быть!"

Пикетъ на Дунаѣ.

отвѣтили всѣ въ голосъ.—„Пойдемте туда, посмотримъ аварiи“, говоритъ Скобелевъ; мы обошли суда, осмотрѣли поломки, но собачекъ не нашли уже: спрятались-ли, испугавшись, или ихъ сбило въ воду?

Порядочно-таки досталось мнѣ за мои наблюденiя; нѣкоторые просто не вѣрили, что я былъ въ центрѣ мишени, другiе называли это безполезнымъ браверствомъ, а никому въ голову не пришло, что эти-то наблюденiя и составляли цѣль моей поѣздки на мѣсто военныхъ дѣйствiй; будь со мною ящикъ съ красками, я набросилъ-бы нѣсколько взрывовъ.

*
* *

Отрядъ держалъ пикеты по Дунаю на большомъ пространствѣ. На лѣвомъ флангѣ, въ Малорошѣ Донскiе казаки Орлова; въ центрѣ до деревни Малы Дижосъ — Кубанцы, далѣе до дер. Петрошанъ Осетины.

Сначала я съѣздилъ къ Донцамъ, въ Малорошъ: они выстроили себѣ образцовую вышку для наблюденiй, очень разсердившую турокъ, которые начали обстрѣливать казаковъ, что̀, въ свою очередь. Орлову очень не понравилось—гранаты попадали въ коновязь и такъ пугали и разгоняли лошадей, что ихъ не скоро разъискивали. Пробовали отвѣчать изъ нашихъ Донскихъ пущенокъ, но онѣ не доносили и, чтобы не срамиться, перестали стрѣлять. За бытность мою въ лагерѣ казаки, подъ руководствомъ саперъ, рубили фашины для закрытiя.—Я повидалъ Грекова и другихъ знакомыхъ офицеровъ.

*
* *

Близъ самаго Журжева возводились батареи. Мы ходили вмѣстѣ съ обоими Скобелевыми смотрѣть ихъ постройку, и старикъ замѣтилъ саперному офицеру, что настилку надъ землянками онъ дѣлаетъ слишкомъ легкую. Молоденькiй офицерикъ щеголевато приложилъ руку къ козырьку и отвѣтилъ: „Для турокъ довольно, ваше превосходительство.“

Немного далѣе отъ города, у первой деревни Слободзеи возводилась еще батарея, кажется, осадныхъ орудiй, долженствовавшихъ хватать на 9 верстъ; тутъ работалъ дѣльный полковникъ Плющинскiй.

*
* *

Городишко Журжево продолжалъ жить обычною жизнью, мѣстами еще болѣе обыкновеннаго дѣятельною; правда, очень многіе повыѣхали, въ ожиданіи бомбардировки, и особенно прибрежные дома были пусты, но далѣе, въ глубь города, на площадяхъ и по улицамъ, толпилось всегда много народа, торговля шла бойко; гостинницы и трактиры были просто переполнены офицерствомъ, кутившимъ на всѣ лады—и въ одиночку, и толпами, съ прекраснымъ поломъ и безъ онаго. Разгулъ доходилъ до безобразія, до забвенія приличій. Помню, зайдя разъ, вечеромъ, съ С. и другими офицерами въ трактиръ поужинать, мы застали тамъ пьяную компанію, снявшую съ себя сабли, фуражки, а нѣкоторые даже и сюртуки, и одѣвшую въ нихъ гулявшихъ съ ними дѣвчонокъ—это въ общей-то залѣ!

Наша молодежь, помянутый С., Л. и другіе часто ходили въ какой-то садъ слушать арфистокъ и до того наразсказывали Скобелеву о пріятностяхъ времяпрепровожденія тамъ, что старикъ, не желавшій компрометировать важность начальника дивизіи прямымъ посѣщеніемъ этого рая, рѣшился заглянуть туда обинякомъ—видѣли, какъ онъ подлѣзалъ и высматривалъ черезъ заборъ, и смѣялись-же потомъ надъ нимъ!

⁂

Еще въ Букарештѣ я познакомился у М. Д. Скобелева съ извѣстнымъ корреспондентомъ „Daily News“, Макъ-Гахаиомъ, а позже въ Журжевѣ видѣлся съ Форбсомъ, пріѣзжавшимъ въ штабъ отряда, не помню, съ какимъ-то сообщеніемъ. Я одинъ говорилъ по-англійски и, переводя, старался, помню, смягчить убійственно холодный пріемъ и отвѣты, встрѣченные имъ у насъ. Самъ я, чтобы не навлечь на себя нареканія въ потворствѣ „коварнымъ англичанамъ“, избѣгалъ при встрѣчахъ на улицѣ вступать съ нимъ въ разговоры, что́, признаться, было очень совѣстно; видно было, что Форбсъ чувствовалъ общую къ нему подозрительность и старался заискивать, быть любезнымъ.

⁂

Самъ начальникъ дивизіи помѣщался въ небольшомъ домикѣ на набережной, куда мы собирались ежедневно въ обѣду. Здѣсь

присоединился къ намъ кн. Цертелевъ, бывшій секретарь посольства въ Константинополѣ, теперь поступившій урядникомъ въ Кубанскій полкъ и состоявшій при Д. И. Михаилъ Скобелевъ, хотя уже былъ теперь начальникомъ штаба отряда, рѣдко жилъ съ нами, а больше пребывалъ въ Букарештѣ, куда его привлекали преимущественно женщины, всевозможныхъ національностей, со всей Европы, собравшіяся на жатву. И что за пиры, что за разгулъ стоялъ теперь въ этомъ городѣ! Отъ прапорщика, въ первый разъ имѣвшаго при себѣ 300 рублей, до интенданта, бросавшаго десятками тысячъ—все развернуло, все распахнуло славянскую натуру, кутило, ѣло, пило, пило по преимуществу!

У М. Д. въ это время сплошь и рядомъ не было ни гроша, такъ что онъ перехватывалъ гдѣ что можно и въ особенности, разумѣется, пробовалъ теребить отца, тугаго и неподатливаго на деньгу̀. Одинъ разъ, когда молодой послалъ къ старому попросить денегъ, тотъ далъ ему 4 золотыхъ, что̀ вывело М. Д. изъ себя. „Вѣдь я лакеямъ на водку больше даю“, говорилъ онъ съ сердцемъ; по правдѣ сказать, въ такое бойкое время ему не хватило-бы никакихъ денегъ.

***

Я часто гулялъ со старымъ С. по аллеямъ бульвара. Разъ онъ мнѣ говоритъ: „пойдемте смотрѣть, какъ поведутъ шпіона“. Мы сѣли на лавочку противъ дома, въ который вошли полковникъ Паренцовъ и адъютантъ главнокомандующаго; передъ крыльцомъ поставили спереди и съ боковъ по 2 солдата. Мы сидѣли, ждали довольно долго и я-было хотѣлъ войдти посмотрѣть процедуру обыска и допроса, но С. удержалъ.

Вотъ, однако, они вышли на крыльцо: впереди шпіонъ, руки въ карманы пиджака, мнѣ дескать наплевать, я не виноватъ; однако, когда онъ увидѣлъ солдатъ, то очевидно понялъ, что дѣло серьезно, на нѣсколько секундъ пріостановился, глубоко вдохнулъ воздухъ и... началъ спускаться съ лѣстницы.

Это былъ баронъ К., австрійскій подданный; дѣйствительно-ли онъ былъ шпіонъ—не знаю, но, вѣроятно, нашли у него что-либо

компрометирующее, такъ какъ малаго отправили въ Сибирь, только черезъ 2 мѣсяца воротили.

* *
*

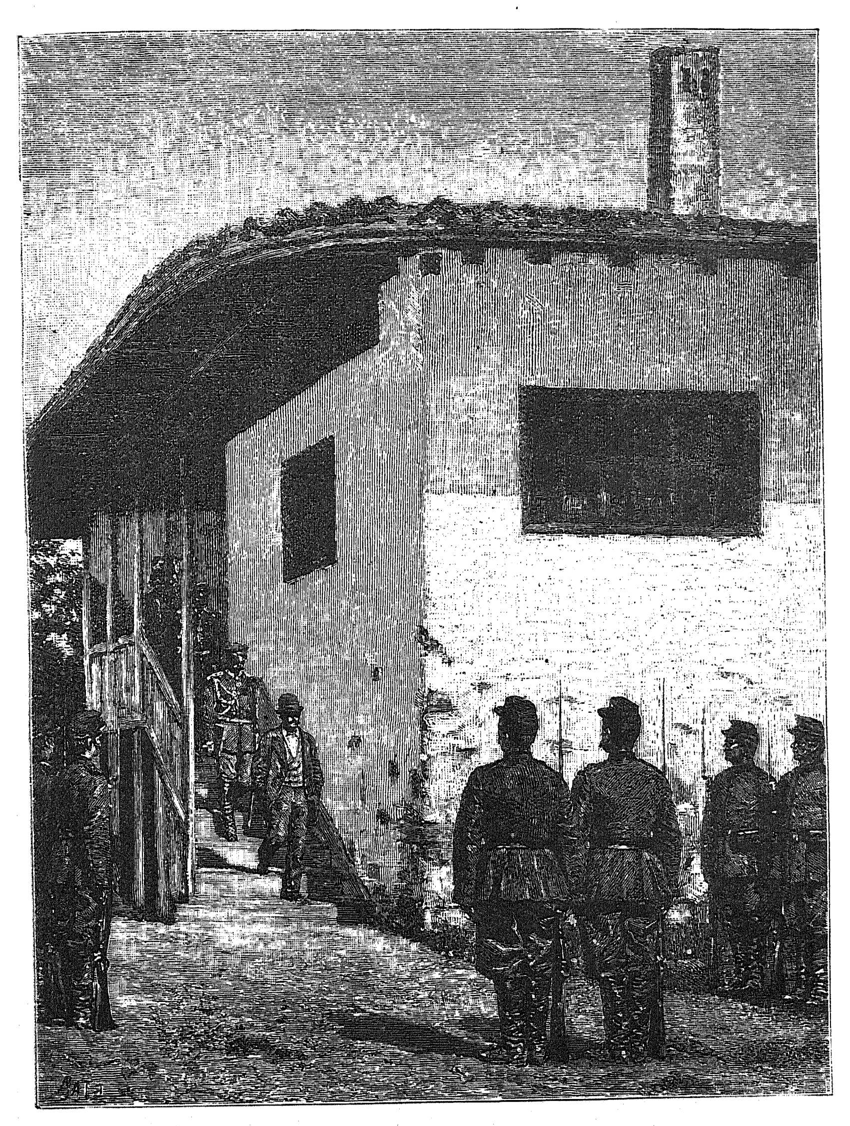
Еще въ главной квартирѣ, передъ поѣздкою въ Парижъ, я встрѣтился съ лейтенантомъ гвардейскаго экипажа, Скрыдловымъ. Онъ отправлялся тогда на рекогносцировку Дуная и звалъ меня въ Мало-Дижосъ, мѣсто расположенія Дунайскаго отряда гвардейскаго экипажа. Сообщилъ онъ мнѣ также, что готовится атаковать, на своей миноноскѣ, одинъ изъ турецкихъ мониторовъ, и звалъ идти подъ турку вмѣстѣ; я принялъ приглашеніе на томъ условіи, что онъ далъ честное слово показать мнѣ картину взрыва. Случай былъ единственный, упускать его не слѣдовало.

Вскорѣ по возвращеніи въ Журжево, я поѣхалъ въ гости къ морякамъ, жившимъ въ части деревни, наиболѣе удаленной отъ берега, такъ какъ динамитъ и пироксилинъ, которыми они начиняли свои пироги, должны были содержаться въ возможной безопасности отъ турецкихъ выстрѣловъ.

Скрыдловъ былъ вмѣстѣ со мною въ Морскомъ корпусѣ, на 2 года младше по классу; мы вмѣстѣ плавали одну кампанію на фрегатѣ Свѣтлана. Когда я былъ фельдфебелемъ въ гардемаринской ротѣ, онъ состоялъ у меня подъ командою; и распекалъ-же я, помню, его, бѣднягу, въ особенности за постоянные разговоры и перешептыванья во фронтѣ.

Я помѣстился съ нимъ и его товарищемъ, Подъяпольскимъ, въ домикѣ ихъ на краю большой, грязной площади. Обѣдали мы иногда въ общей офицерской столовой, а чаще варили что-нибудь у себя; прислуживалъ матросъ-деньщикъ, добрый дѣтина. Спали мы на крыльцѣ домика, подъ пологами, такъ какъ комары въ это время года (конецъ мая) были презлые.

Съ перваго-же дня я посвященъ былъ словомъ и дѣломъ въ великій секретъ обоихъ товарищей. Дѣло въ томъ, что, когда гвардейскій экипажъ уходилъ изъ Петербурга, владѣлецъ извѣстнаго англійскаго магазина, бывшій ихъ поставщикъ, предложилъ отряду въ напутствіе ящикъ хересу, который С. взялся доставить на Дунай. Доставить-то онъ

Шпіонъ.

доставилъ, но кромѣ П. никому покамѣсть объ этомъ ящикѣ не заикнулся, и пріятели потягивали себѣ хересокъ, оказавшійся не дурнымъ, да угощали своихъ гостей, до поры до времени, конечно, пока *всѣ* не узнали о продѣлкѣ и не отняли ящикъ, значительно, впрочемъ, облегченный.

На той-же площади жилъ начальникъ всего миннаго отряда, капитанъ I ранга Новиковъ, очень бравый офицеръ, украшенный еще въ Севастопольскую кампанію маленькимъ георгіемъ. Первый разъ я видѣлъ его на обѣдѣ у одного важнаго въ арміи лица, который спросилъ его, за что онъ получилъ крестъ?— „Пороховой погребъ взорвалъ," отвѣчалъ Н. такимъ густымъ басомъ, что всѣ просто изумились. Тотъ-же басъ, хотя и не столь высокой пробы, раздавался и въ занимаемомъ имъ домишкѣ. Мы ходили къ нему пить чай и съ интересомъ прислушивались и присматривались къ его словамъ и распоряженіямъ, стараясь по нимъ угадать, скоро-ли начнется давно ожидаемая закладка минъ въ Дунай, для защиты переправы, которая должна была начаться немедленно за тѣмъ.

Новиковъ былъ неутомимъ; храбрый и толковый, онъ имѣлъ только два замѣтные недостатка: во-первыхъ, всѣхъ, безъ разбора, оглушалъ своимъ пушко-образнымъ голосомъ, во вторыхъ, мины называлъ бомбами; и то и другое, впрочемъ, охотно всѣми прощалось ему за его доброту и простоту обращенія.

Нѣсколько разъ ѣздили мы со Скрыдловымъ по исполненію разныхъ, возложенныхъ на него порученій. По Дунаю ѣздили, разумѣется, ночью, ставить вѣхи для обозначенія пути, по которому должны были слѣдовать миноноски при закладкѣ минъ. Дунай былъ сильно разлитъ еще, и по затопленному низкому берегу не вездѣ миноноски могли проходить, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли довольно глубоко. Надобно было прослѣдить и указать вѣхами фарватеръ рѣченки, впадавшей въ Дунай; по ней-то и предполагалось слѣдовать съ минами.

Такъ какъ приказано было никакъ не безпокоить турокъ, не возбуждать ихъ вниманія никакими работами и, по возможности, усыплять ихъ бдительность, то мы выѣхали, когда уже почти стемнѣло, и къ утру вѣхи были поставлены, но съ разчисткою фарватера рѣченки, загороженнаго при устьѣ солидными сваями, долго провозились и такъ и не кончили въ этотъ разъ. Пробивши покамѣсть небольшой проходъ для шлюпки, мы проѣхали въ самый Дунай отчасти для того, чтобы побравировать, а отчасти для провѣрки, есть турки на островкѣ при стоявшей тамъ караулкѣ, или нѣтъ. Тихо, едва опуская весла въ воду, пробрались мы мимо густыхъ ивовыхъ деревьевъ; всякій внезапный шумъ, всплескъ рыбы, крикъ ночной птицы, заставлялъ насъ вздрагивать; мы пристали къ островку, погуляли и увѣрились, что турокъ на немъ нѣтъ, хотя они видно были тамъ недавно, косили траву. Мы проѣхались Дунаемъ, турецкій берегъ былъ совсѣмъ близко. Теченіе такъ сильно, что трудно было подаваться впередъ, и скоро, чтобы не мучить людей и не привлечь вниманія турокъ, С. поворотилъ назадъ; къ утру мы были дома, и мичманъ Ниловъ, помощникъ Скрыдлова, бывшій съ нами этотъ разъ, поѣхалъ еще на слѣдующую ночь и, окончательно разваливши запруду, прочистилъ путь.

Другой разъ ѣздили мы по берегу съ секретнымъ порученіемъ ко всѣмъ частямъ войскъ, содержавшихъ посты на Дунаѣ. Мимо нашихъ кубанцевъ, владикавказцевъ, осетинъ, проѣхали до Зимницы, гдѣ держали посты гусары, не помню, какіе именно.

Въ Парапанѣ познакомился я съ генераломъ Драгомировымъ, проѣзжавшимъ по занятію приготовленіями къ переправѣ; освѣдомившись о томъ, не корреспондентъ-ли я, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ началъ говорить о ходѣ дѣлъ такъ свободно, разумно и логично, что удивилъ насъ, т. е. меня, Скрыдлова и Вульферта, у котораго мы останавливались. Драгомировъ пользовался и пользуется большою популярностью, и теперь со смертью Скобелева, если не лучшій, то навѣрное изъ лучшихъ боевыхъ генераловъ нашей арміи.

Офицеры, въ обществѣ которыхъ мы останавливались и обѣдали,

были чрезвычайно любезны съ нами, хорошо кормили и исправно снабжали перемѣнными лошадьми; впрочемъ, Скрыдловъ, можетъ быть, не прочь былъ-бы, чтобы къ послѣдней исправности прибавилось немного и выбора; какъ нарочно, ему доставались такіе россинанты, что на послѣднемъ переѣздѣ отъ гусаръ къ казакамъ, онъ всю дорогу долженъ былъ бить своего долговязаго, гнѣдаго коня, а еще непріятнѣе то, что, не смотря на стараніе ѣхать по-англійски, т. е. подпрыгивать на стременахъ, онъ стеръ себѣ до крови тѣло.

* * *

Я написалъ этюдъ Дуная и одного изъ казацкихъ пикетовъ на немъ, но вообще работалъ красками не много; ѣздилъ въ Журжево, ходилъ къ казакамъ и иногда бродилъ смотрѣть работы минеровъ или ѣздилъ со Скрыдловымъ пробовать машину и ходъ его миноноски „Шутка“. Чтобы опять-таки не обращать на себя вниманія турокъ, надобно было ѣздить или съ заходомъ солнца, или въ дурную погоду и не дымить, не давать искръ, для чего брался только лучшій уголь,—турки не знали и не должны были знать о существованіи у насъ цѣлой паровой флотиліи.

Одинъ разъ довольно поздно мы вышли въ очень бурную погоду. Вѣтеръ такъ усилился, что при возвращеніи, противъ теченія, „Шутка“ не могла выгребать. Мутный Дунай страшно разбушевался, причемъ, благодаря сильному дождю, въ нѣсколькихъ шагахъ ничего не было видно, и это навело Скрыдлова на мысль привести въ исполненіе давно задуманное дѣло атаки одного изъ турецкихъ мониторовъ, стоявшихъ передъ Рущукомъ. Мы знали, что одинъ стоитъ передъ фортами, а другой — правѣе, за островкомъ, и такъ какъ по стуку въ продолженіе нѣсколькихъ дней можно было догадаться, что около послѣдняго выстроенъ *кринолинъ* или какая-нибудь подобная защита, то должно было разсчитывать на возможность подойти только къ первому. Въ такую погоду, конечно, была возможность подойти почти незамѣченнымъ, почти вплоть.—„Пойдемъ, хочешь?“ спрашивалъ С.—Пойдемъ, я готовъ... Вышло, однако, то, что мы не пошли. — „Дѣло не

въ томъ“, говорилъ въ концѣ концовъ Скрыдловъ, „чтобы уничтожить у турокъ одинъ лишній мониторъ, а чтобы заложить мины и дать возможность переправиться арміи; въ виду такой важной цѣли неблагоразумно, пожалуй, преступно рисковать одною изъ лучшихъ миноносокъ, которыхъ у насъ мало.—„Какъ ты думаешь?“—И то дѣло, отвѣчалъ я.

Мы рѣшили пристать къ берегу, но такъ какъ непогода все застилала передъ глазами, то ошиблись, приткнулись не туда, очень далеко отъ нашей деревни, и только къ ночи добрались до дому. Интересно, что на томъ мысу, къ которому мы пристали, стоялъ пикетъ изъ 3-хъ казаковъ—такъ глубоко спавшихъ, завернувшись въ бурки, что мы насилу растолкали ихъ, и будь тутъ вмѣсто насъ партія черкесовъ, они, какъ бараны, были-бы перерѣзаны. Я сказалъ объ этомъ сотенному начальнику, взявши, однако, съ него предварительно слово не взыскивать на первый разъ.

* *
*

Этотъ сотенный командиръ, стоявшій въ Мало-Дижосѣ, былъ К. П. В, тотъ самый всезнающій и вездѣсущій офицеръ, которому Скобелевъ поручилъ купить мнѣ лошадь и повозку. Я довольно познакомился съ этою своеобразною личностью и частенько бывалъ у него.

Когда я приходилъ, онъ прежде всего спрашивалъ:—„не хочу ли я борщу?“—„А ну, такъ чаю?“ и, уже не дожидаясь отвѣта на второй вопросъ, приказывалъ *заварить*. Какой у него былъ чай, съ какихъ плантацій—неизвѣстно; достаточно того, что онъ нѣсколько окрашивалъ воду и что К. П. считалъ его *хорошимъ*. Ложечки, однако, не водилось, и хотя хозяинъ всегда приказывалъ Щаблыкину (деньщику) „подать ложечку, помѣшать“, но тотъ, зная уже какъ понимать это, отправлялся къ плетню, вынималъ кинжалъ и вырѣзалъ акуратный прутикъ. К. П. самъ пилъ всегда въ прикуску, экономно, и оставшійся кусочикъ попадалъ всегда назадъ въ сахарницу.

Разговоръ мой, да вѣроятно и всякаго другаго посѣтителя съ К. П. начинался обыкновенно вопросомъ его:—„Что, не слыхать,

скоро-ли переправа?“ затѣмъ переходилъ къ слухамъ о мирѣ, неизвѣстно откуда, до начала еще военныхъ дѣйствій, къ нему доходившимъ, причемъ каждый разъ также не забывалъ, болѣе или менѣе конфиденціально, разузнавать о томъ, какъ лучше, вѣрнѣе и выгоднѣе пересылать домой деньги и можно-ли посылать золото?

Домъ свой Кузьма Петровичъ, очевидно, очень любилъ, и чѣмъ дольше затягивался походъ, тѣмъ чаще и настойчивѣе доходили до него все тѣмъ-же невѣдомымъ путемъ слухи о близкомъ мирѣ. Онъ много разсказывалъ о своемъ хуторѣ близъ Ставрополя, о старшемъ сынѣ Кузьмичѣ, его раннемъ умѣ и развитіи. Разсказывалъ объ охотѣ на зайцевъ и лисицъ по первому снѣгу, для чего раздобылъ гончую „Милку“, которую, впрочемъ, предлагалъ мнѣ въ подарокъ каждый разъ, что я бывалъ у него.

Разсказывалъ также В. о дѣлахъ противъ горцевъ, въ которыхъ онъ участвовалъ на Кубани, причемъ не рисовался, никакихъ геройскихъ подвиговъ не выдумывалъ, а прямо сознавался, что въ такомъ-то дѣлѣ онъ, спасая свою жизнь, утекалъ, что совсѣмъ не считается постыднымъ у казаковъ, въ силу правила, что коли ты сильнѣе непріятеля, тогда души, крупи его, но если онъ тебя сильнѣе, тогда спасайся, и чѣмъ быстрѣе, тѣмъ лучше.

К. П. В. оказался и музыкантъ; одинъ разъ, позванные къ нему со Скрыдловымъ и еще двумя морскими офицерами, мы застали его въ мѣховомъ бешметѣ, заправляющимъ хоромъ пѣсенниковъ, со скрипкою въ рукахъ. Хотя и видно было, что рука, управлявшая смычкомъ, брала больше смѣлостью, чѣмъ умѣньемъ, но вѣдь — на нѣтъ и суда нѣтъ, говоритъ пословица. Рѣчь К. П. была всегда ровная, покойная, также какъ и его взглядъ, куда-то, какъ-будто разсѣянно, направленный. И обращеніе съ казаками тоже больше ровное, безъ брани, которая приберегалась лишь для самыхъ экстренныхъ случаевъ.

К. П. просто боготворилъ свою лошадь, небольшаго воронаго кабардинца; ѣздилъ всегда на другомъ конѣ, а этого только кормилъ и холилъ до того, что онъ былъ совсѣмъ круглый, какъ наливное яблочко; онъ говорилъ, что *такихъ* лошадей не сыщешь

теперь и въ Кабардѣ, и увѣрялъ, что не отдастъ ее ни за какія деньги, что не помѣшало ему впослѣдствіи продать мнѣ ее за 300 слишкомъ рублей, хотя больше 100—150 она не стоила. Словомъ, это-типъ выслужившагося изъ урядниковъ казацкаго офицера, не особенно храбраго, но и не труса—и та и другая крайность между казаками рѣдкость, — безъ всякаго образованія, но очень смышленаго, съумѣющаго найтись во всякомъ положеніи, раздобыться провіантомъ и фуражемъ тамъ, гдѣ его повидимому вовсе нѣтъ, лихо порубить отступающаго врага и не безъ чести отступить передъ наступающимъ......

*
* *

Скрыдловъ сообщилъ мнѣ подъ секретомъ, что видѣлъ у Новикова бумагу, изъ главной квартиры, въ которой высказывалось неудовольствіе главнокомандующаго на медленность приготовленій, которою задерживается наведеніе понтоновъ (уже совсѣмъ готовыхъ) и переправа всей арміи. Значитъ, на этихъ дняхъ должны пойдти, хотя нѣтъ еще угля, нѣтъ того и другаго... Сообщилъ также, что онъ и X. назначены атаковать непріятельскіе мониторы, въ случаѣ, если-бы тѣ вздумали мѣшать работать.

Далѣе онъ сообщилъ, что Новиковъ не хочетъ брать съ собою никого изъ постороннихъ, къ составу отряда не принадлежащихъ, что, слѣдовательно, мнѣ нужно будетъ переговорить съ отцомъ командиромъ теперь-же.

Модестъ Петровичъ сначала казался непреклоннымъ и все совѣтовалъ мнѣ смотрѣть съ берега—это за три-то версты,—однако сдался-таки наконецъ, и мы занялись приготовленіями къ походу подъ турку: сварили нѣсколько курицъ, взяли бутылку хересу (*всѣ* уже провѣдали про него и отняли ящикъ), взяли хлѣба и проч. чуть не на недѣлю; я взялъ бумаги и мой маленькій ящикъ съ красками, которымъ, однако, суждено было не выглядывать на свѣтъ.

* *
*

Наканунѣ нашей экспедиціи я получилъ телеграмму черезъ Скобелева: „Художнику Верещагину немедленно слѣдовать со стрѣлковою бригадою. Скалонъ.“

Сначала я ничего не понялъ, но потомъ, съѣздивши въ Журжево, разобралъ, въ чемъ дѣло: давно уже просилъ я Скалона дать мнѣ возможность видѣть переправу и для этого во время прицѣпить меня къ самой передовой части; теперь стрѣлковая бригада выступала къ Зимницѣ, значитъ, гдѣ-нибудь тамъ готовилась переправа... Такъ какъ движеніе бригады по ночамъ (днемъ войска не двигались, чтобы не будоражить турокъ) потребовало бы не менѣе двухъ сутокъ, то я разсчиталъ, что успѣю побывать съ моряками при закладкѣ минъ, а потомъ и догнать генерала Цвѣцинскаго съ его бригадою.

Я зашелъ въ домишко, въ которомъ были сложены мои вещи, чтобы захватить наиболѣе нужныя, и, перебирая ихъ, почувствовалъ маленькую неловкость: было немного жутко при мысли, что турки не останутся хладнокровны къ тому, какъ Скрыдловъ будетъ взрывать ихъ, а я смотрѣть на этотъ взрывъ, и что, по всей вѣроятности, мины наши насъ же самихъ первыми и поднимутъ на воздухъ. Простившись съ моею квартиркою, осмотрѣвши лошадей, между которыми былъ новый, бѣленькій иноходецъ, купленный недавно за 25 золотыхъ, я пошелъ повидать нѣкоторыхъ офицеровъ и затѣмъ, въ ту же ночь, воротился въ Мало-Дижость.

Младшій братъ мой, поступившій изъ отставки на службу, во Владикавказскій полкъ, пріѣхалъ въ этотъ день ко мнѣ, прямо съ дороги: я направилъ его по начальству, а самъ съ моею дорожною сумкою пошелъ къ морякамъ.

* *
*

Послѣ обѣда, во дворѣ дома, гдѣ помѣщался общій столъ, Т., старшій офицеръ морскаго отряда, завѣдывавшій имъ, раздавалъ людямъ водку и дѣлалъ это такъ торжественно и методично, что задержалъ наше выступленіе. Уже было почти темно, когда всѣ собрались у берега маленькаго залива, въ которомъ пріютились миноноски, начавшія разводить пары.

Неожиданно пріѣхалъ молодой Скобелевъ и, отведя въ сторону Новикова, съ жаромъ что-то сталъ говорить ему: онъ высказывалъ

ему желаніе быть полезнымъ отряду и предлагалъ взять его на одну изъ миноносокъ, но Н. на-отрѣзъ отказалъ въ этомъ.

Священникъ Минскаго полка, молодой, весьма развитый человѣкъ, сталъ служить напутственный молебенъ. Помню, что, стоя на колѣняхъ, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на интересную кар-

Матросъ.

тину, бывшую передо мною: на-право, послѣдніе лучи закатившагося солнца и на свѣтло-красномъ фонѣ неба и воды чернымъ силуэтомъ выдѣляющіяся миноноски, дымящія, разводящія пары; на берегу—матросы полукругомъ, а въ серединѣ офицеры,—всѣ на колѣняхъ, всѣ усердно молящіеся; тихо кругомъ, слышенъ только голосъ священника, читающаго молитвы.

Я не успѣлъ сдѣлать тогда этюды миноносокъ, что̀ и помѣшало написать картину этой сцены, врѣзавшейся въ моей памяти.

Когда кончился молебенъ, отходящіе разцѣловались съ остающимися, въ числѣ которыхъ былъ и Подъяпольскій, нашъ пріятель и сожитель. Я обнялся со Скобелевымъ.—„Вы идете, этакій счастливецъ! какъ я вамъ завидую“, шепнулъ онъ мнѣ.

* * *

Скрыдловъ не торопился разводить пары и я попенялъ ему за это, такъ какъ намъ приходилось выступать на веслахъ.—„Будь увѣренъ“,—отвѣчалъ онъ,—„что мы всѣхъ обгонимъ и выйдемъ въ Дунай первыми; они не знаютъ фарватера и всѣ будутъ на мели“. Такъ и случилось. Было такъ темно, что вѣхъ нельзя было различить, и, хотя на передней шлюпкѣ шелъ лоцманъ, но, когда пары у насъ поспѣли и мы стали подвигаться пошибче, то вправо и влѣво стали различать какія-то неподвижныя черныя массы; мы ихъ окликали, они насъ окликали: все это оказывались миноноски, сидящія на пескѣ; „Шутка“ стаскивала многихъ, но, должно, быть, онѣ снова притыкались, потому что движеніе впередъ шло медленно.

Предположено было еще до разсвѣта войдти въ русло Дуная и съ зарею начать класть мины, вышло-же, что уже разсвѣло, а еще никто даже не выбрался на фарватеръ. Было утро, когда прошли мѣстомъ, гдѣ мы выворачивали сваи. Случилось, какъ говорилъ С., что мы вошли въ фарватеръ Дуная почти первыми, впереди шелъ только X., т. е. вторая миноноска, назначенная къ атакѣ, самая легкая и ходкая изъ всѣхъ,—вторая по быстротѣ была наша „Шутка“.

Мы долго стояли на одномъ мѣстѣ, чтобы дать время подтянуться остальнымъ, и потомъ пошли вдоль островка, густыя деревья котораго скрывали еще насъ отъ турокъ. Очевидно, что сдѣлать, какъ предполагалось, т. е. тайкомъ подойдти и положить мины къ турецкому берегу было немыслимо; въ добавокъ, кромѣ нашей и еще одной, двухъ, всѣ остальныя миноноски страшно дымили и пыхтѣли, такъ что одно это должно было выдать отрядъ.

Только-что стали мы выходить изъ-за перваго островка, какъ изъ караулки противоположнаго берега показался дымокъ, раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, и пошло, и пошло, чѣмъ дальше—тѣмъ больше. Берегъ былъ недалеко и мы ясно видѣли суетившихся, перебѣгавшихъ солдатъ; скоро стало подходить много новыхъ стрѣлковъ, особенно черкесовъ, и насъ начали обсыпать пулями, то и дѣло булькавшими кругомъ.

Насъ обогналъ и пошелъ впереди Новиковъ; онъ стоялъ на кормѣ, облокотясь на желѣзную покрышку миноноски, не обращая никакого вниманія на выстрѣлы, для которыхъ его тучная фигура, облеченная въ шинель, представляла хорошую мишень.

Сдѣлалось вскорѣ очень жарко отъ массы падавшаго свинца: весь берегъ буквально покрылся стрѣлками и выстрѣлы уже представляли одну непрерывную барабанную дробь.

Грузно, тихо двигались миноноски; уже первыя остановились у берега и начали работу, когда послѣднія только еще входили въ русло рѣки. Солнце давно взошло; было свѣтлое, лѣтнее утро, легкій вѣтерокъ рябилъ воду. Мины клались подъ выстрѣлами. Отрядъ, начавши погружать ихъ, сдѣлалъ большую ошибку тѣмъ, что сейчасъ-же прямо не пошелъ къ турецкому, т. е. правому берегу, а началъ съ этого, лѣваго; вышло то, что первыя мины уложили порядочно; даже около середины, мичманъ Ниловъ бросилъ свою мину, но, второпяхъ, не совсѣмъ ладно, такъ какъ она всплыла наверхъ; далѣе-же никто изъ офицеровъ не рѣшился идти, такъ что половина фарватера осталась незащищенною. Послѣ, ночью, Подъяпольскій ѣздилъ поправлять эти грѣхи; но все-таки, если турки не пробовали пройти тутъ,—что́ они могли-бы сдѣлать,— то это надобно отнести къ тому, что они были напуганы предъидущими взрывами ихъ судовъ русскими минами.

* *
*

Наши двѣ миноноски притаились, между тѣмъ, за лѣскомъ маленькаго острова, расположеннаго нѣсколько ниже мѣста работъ. Мы слышали какой-то шумъ въ кустахъ островка, но не обра-

тили на него вниманія, какъ вдругъ изъ-за него показались двѣ лодки и быстро направились къ намъ; уже мы приготовились встрѣтить ихъ маленькими ручными минами, изготовленными С. нарочно, на случай рукопашной схватки, какъ оказалось, что это наши казаки, еще ранѣе насъ засѣвшіе на островкѣ для прикрытія работъ. Сдѣлано это было Скобелевымъ и, по правдѣ сказать, ни къ чему не послужило.

Тѣмъ временемъ, со стороны Рущука, пришелъ пароходъ и сталъ стрѣлять по нашей флотиліи, хотя безъ вреда для нея.—„Николай Ларіоновичъ", — говорю Скрыдлову, — „что-же ты его не атакуешь?"—„А зачѣмъ его трогать, коли онъ близко не подходитъ, вѣдь его выстрѣлы не вредятъ...."—Пароходъ скоро ушелъ, вѣроятно, за подмогою. Видимъ, летитъ къ намъ миноноска Новикова.—„Н. Л., почему вы не атаковали мониторъ?"—„Это не мониторъ, М. Н., а пароходъ; я думалъ вы приказали атаковать въ томъ случаѣ, если онъ подойдетъ близко..."—„Я приказалъ вамъ атаковать его во всякомъ случаѣ; извольте атаковать!"—„Слушаю-съ!"—Новиковъ повернулъ снова къ работамъ.—„Ну, братъ, Н. Л.",—говорю С.,—„смотри теперь въ оба, если будетъ какая неудача въ закладкѣ минъ, ты будешь козломъ очищенія, изъ-за тебя, скажутъ, не удалось". — „Теперь атакую, теперь приказаніе ясно!"

Скрыдловъ велѣлъ все приготовить; самъ онъ помѣстился спереди, у штурвала, для наблюденія за рулевымъ и носовою миною, меня же просилъ взять въ распоряженіе кормовую, пловучую мину; уже раньше онъ выучилъ меня, какъ дѣйствовать ею, когда ее бросать, когда командовать „Рви!"

Чтобы команда была веселѣе, онъ приказалъ всѣмъ вымыться.— „Ты не мылся, хочешь помыться," спрашиваетъ меня.—Я уже вымылся.—„Да у тебя мыла нѣтъ, помилуй!"—Нечего дѣлать, помылся еще мыломъ.

Всѣ мы облачились въ пробковые пояса, на случай, если-бы „Шутка" взлетѣла на воздухъ и намъ пришлось-бы тонуть, что должно было быть первымъ, самымъ вѣроятнымъ послѣдствіемъ

взрыва мины. Мы закусили немного курицею и выпили по глотку завѣтнаго хереса, послѣ чего пріятель мой прилегъ вздремнуть и—странное дѣло—его желѣзные нервы дѣйствительно дали ему вздремнуть.

* *
*

Я не спалъ, стоялъ на кормѣ, облокотясь о желѣзный навѣсъ, закрывавшій машину, и слѣдилъ за рѣкою, по направленію къ Рущуку.—„Идетъ,“ выговорилъ тихо одинъ изъ матросовъ; и точно, между турецкимъ берегомъ и высокими деревьями островка, закрывавшаго фарватеръ Дуная, показался дымокъ, быстро къ намъ подвигавшійся.

— Николай Ларіоновичь! кричу... вставай, идетъ... Скрыдловъ вскочилъ.—„Отваливай!—живо!—Впередъ: полный ходъ!“... Мы полетѣли, благодаря попутному теченью, очень быстро. Турецкаго судна не было еще видно.—Н. Л! кричу опять, задержись немного, чтобы намъ встрѣтить его ближе сюда, а то мы уткнемся въ турецкій берегъ! „Нѣтъ ужъ, братъ,—ты слышалъ—теперь пойду хоть въ самый Рущукъ!—Ну, валяй...“

Вотъ вышелъ пароходъ, вблизи, вѣроятно, по сравненію съ „Шуткою,“ показавшійся мнѣ громадиною; С. тотчасъ-же повернулъ руля, и мы понеслись на него со скоростью желѣзнодорожнаго локомотива.

Что за суматоха поднялась не только на суднѣ, но и на берегу! Видимо, всѣ поняли, что эта маленькая скорлупа несетъ смерть пароходу; по берегу стрѣлки и черкесы стали кубаремъ спускаться до самой воды, чтобы стрѣлять въ насъ поближе, и буквально обсыпали миноноску свинцомъ; весь берегъ былъ въ сплошномъ дыму отъ выстрѣловъ. На палубѣ парохода люди бѣгали, какъ угорѣлые; мы видѣли, какъ офицеры бросились къ штурвалу, стали поворачивать къ берегу, на утекъ, и въ тоже время награждали насъ такими ударами изъ орудій, что бѣдная „Шутка“ подпрыгивала на ходу.

„Ну, братъ, попался,“ думалъ я себѣ „живымъ не выйдешь.“ Я

снялъ сапоги и закричалъ Скрыдлову, чтобы онъ сдѣлалъ тоже самое. Матросы послѣдовали нашему примѣру.

Я оглянулся въ это время: другой миноноски не было за нами! Говорили, что у нихъ что-то случилось въ машинѣ...

Такъ или иначе, „Шутка" была одна одинешенька, отрядъ остался далеко назади насъ. Огонь дѣлался невыносимымъ, отъ пуль все дрожало, а отъ снарядовъ встряхивало; уже было нѣсколько серьезныхъ пробоинъ и одна въ кормѣ, около того мѣста, гдѣ я стоялъ, почти на линіи воды; желѣзная защита наша надъ машиною была также пробита. Матросы попрятались на дно шлюпки, прикрылись всякою дрянью, какая случилась подъ руками, такъ что ни одного не было видно; только у одного изъ минеровъ часть лица была на виду и онъ держалъ передъ нимъ для защиты буекъ, при чемъ лежалъ недвижимо, какъ истуканъ. Мы совсѣмъ подходили къ пароходу. Трескъ и шумъ отъ ударявшихъ въ „Шутку" пуль и снарядовъ все усиливались.

Вижу, это Скрыдлова, сидѣвшаго у штурвала, передернуло; его ударила пуля, потомъ другая. Вижу также, что нашъ офицеръ-механикъ, совсѣмъ блѣдный, снялъ фуражку и началъ молиться; однако, потомъ онъ оправился и, передъ ударомъ, вынувши часы, говоритъ С.:—„Н. Л., 8 часовъ, 5 минутъ!"

Любопытство брало у меня верхъ и я наблюдалъ за турками на пароходѣ, когда мы подошли вплоть: они всѣ просто оцѣпенѣли, кто въ какой былъ позѣ: съ поднятыми и растопыренными руками, съ головами, наклоненными внизъ, къ намъ...

Въ послѣднюю минуту рулевой нашъ струсилъ, положилъ право руля и насъ стало относить теченьемъ отъ парохода. Скрыдловъ вцѣпился въ него:—„Лѣво руля, такой сякой, убью!"—и самъ налегъ на штурвалъ; „Шутка" повернулась противъ теченья, медленно подошла къ борту парохода и ткнула его шестомъ... Тишина въ это время была полная и у насъ, и у непріятеля, все замерло въ ожиданіи взрыва.

— „Взорвало?" спрашиваетъ меня калачикомъ свернувшійся надъ приводомъ минеръ.—„Нѣтъ," отвѣчаю ему въ полголоса.

„Рви, по желанію!“ снова раздается команда Скрыдлова—и опять нѣтъ взрыва!

Между тѣмъ, насъ повернуло теченіемъ и запутало сломавшимся передовымъ шестомъ въ пароходномъ канатѣ. Турки опомнились; и съ парохода, и съ берега принялись стрѣлять пуще прежняго. Скрыдловъ приказалъ обрубить носовой шестъ, и мы пошли, наконецъ, прочь; тогда пароходъ повернулся бортомъ, да такъ началъ валять, что „Шутка,“ избитая и пробитая, стала наполняться водою; на бѣду еще, пары упали и мы двигались только благодаря теченію.

Въ ожиданіи того, что вотъ-вотъ мы сейчасъ пойдемъ ко дну, я стоялъ, поставивши одну ногу на бортъ; слышу сильный трескъ подо мною и ударъ по бедру, да какой ударъ! точно обухомъ. Я перевернулся и упалъ, однако, тотчасъ-же всталъ на ноги.

* *
*

Мы шли по теченію, очень близко отъ турецкаго берега, откуда стрѣляли теперь совсѣмъ съ близкаго разстоянія. Какъ только они не перебили насъ всѣхъ! Бѣгутъ за нами слѣдомъ и стрѣляютъ, да еще ругаются, что намъ хорошо слышно. Я пробовалъ отвѣчать нѣсколькими выстрѣлами, но оставилъ, увидѣвши, что это безполезно.

Мы прошли уже довольно далеко по рѣкѣ, мимо цѣлаго ряда купеческихъ судовъ, стоявшихъ между берегомъ и островкомъ въ правой рукѣ. Слѣва тянулся все еще тотъже островъ съ большими, развѣсистыми ивами; русло рѣки тутъ очень узкое. Пароходъ въ догонку за нами не шелъ; но другая бѣда: на встрѣчу отъ крѣпости бѣжитъ на всѣхъ парахъ мониторъ, очевидно, вызванный пароходомъ.

— Н. Л! кричу Скрыдлову—за выстрѣлами совсѣмъ не слышно было голоса.—Н. Л., видишь мониторъ?—„Вижу„. — Что ты намѣренъ дѣлать?—„Атакую твоею миною, приготовь ее!“

Атаковать намъ, почти затонувшимъ, несомымъ теченьемъ, было трудновато; однако, другаго-то ничего не оставалось дѣлать. Мониторъ подходилъ и уже сдѣлалъ по насъ два выстрѣла: я обрѣзалъ веревку, державшую мину, и велѣлъ минеру приготовиться

сбросить ее..... какъ вдругъ, на наше счастье, на концѣ лѣваго острова открылся рукавъ рѣки, куда мы, собравши послѣднія силенки машины, и свернули.

Здѣсь, и только здѣсь, вздохнулось свободно; большія суда не могли гнаться за нами теперь и мониторъ успѣлъ только послать еще выстрѣлъ въ догонку.

Такъ какъ „Шутка" все болѣе и болѣе опускалась, то С. при-

Скрыдловъ.

казалъ подвести подъ киль парусину, чтобы нѣсколько задержать течь, и, такимъ образомъ, мы могли надѣяться благополучно добраться до дому.

* *
*

Защищенные островкомъ, мы подвели здѣсь итоги: „Шутка" была совсѣмъ разбита и, очевидно, не годилась для дальнѣйшей работы; были большія пробоины не только выше, но и ниже ватерлиніи; свинцу, накиданнаго выстрѣлами, собрали и выбросили нѣсколько пригоршень. У Скрыдлова двѣ раны въ ногахъ и конту-

жена, обожжена рука. Я раненъ въ бедро, въ мягкую часть. Поднявшись послѣ удара, я все время стоялъ попрежнему, но, чувствуя какую-то неловкость въ правой ногѣ, сталъ ощупывать больное мѣсто: вижу, штаны разорваны въ двухъ мѣстахъ, палецъ свободно входитъ въ мясо. „Э, э! да никакъ я раненъ? Такъ и есть: вся рука въ крови. Такъ вотъ что значитъ рана. Какъ это просто! прежде я думалъ, что это гораздо сложнѣе!" Пуля или картечь ударила въ дно шлюпки, потомъ рикошетомъ прошла черезъ бедро, на вылетъ; перебила мышцу и на волосъ прошла отъ кости; тронь тутъ кость, вѣрная бы смерть.

Изъ матросовъ никто не раненъ.

Подведенные итоги выяснили прекурьезную вещь: взрыва не послѣдовало оттого, что проводники были перебиты страшнымъ огнемъ.—„Ваше благородіе," доложилъ Скрыдлову минеръ,—„вѣдь проводники перебиты."—Не можетъ быть!—„Точно такъ; вотъ, извольте посмотрѣть...."—Какъ С. обрадовался! снялась съ него отвѣтственность за незнаніе, неумѣніе, пожалуй, нерадѣніе, въ которыхъ непреминули-бы его упрекнуть пріятели. Когда мы удалялись отъ парохода, Скрыдловъ только о томъ и жалѣлъ, что сломанный шестъ и недостатокъ паровъ не позволяютъ ему повторить атаку носовою миною; правда, мы шли тогда прямо на мониторъ и предстояла еще атака кормовою, но это удовольствіе, очевидно, было ему менѣе занимательно. Пріятель мой вцѣпился себѣ въ волосы и вскричалъ съ такимъ отчаяніемъ въ голосѣ, что жалко его сдѣлалось: „Столько работы, трудовъ, приготовленій— все прахомъ, все пропало даромъ!" — Перестань, кричу ему, что за отчаяніе такое! это неудача, а не неумѣнье... За то, узнавши что при данныхъ условіяхъ взрыва и не могло быть, мой Н. Л. повеселѣлъ, гора у него свалилась съ плечъ.

Остался, однако, одинъ вопросъ, котораго мы не могли рѣшить: почему вторая миноноска не пошла за нами въ атаку? Надобно думать, что этотъ случай атаки непріятельскаго сунка *одною* миноноскою былъ первый и послѣдній.

Впрочемъ, результатъ былъ удовлетворительный: пароходъ пово-

ротилъ назадъ, также какъ и мониторъ: значитъ, цѣль атаки была достигнута.

* *
*

Кстати, позволю себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ по поводу волонтеровъ, о которыхъ одинъ спеціалистъ въ Кронштадтѣ выразился, что они мѣшаютъ въ дѣлѣ. Я полагаю, напротивъ, что, если волонтеръ знаетъ дисциплину и то дѣло, на которое идетъ, то, разумѣется, съумѣетъ быть не только храбрымъ, но и хладнокровнымъ, что весьма важно. Когда, напр., нужно было приготовить кормовую мину, минеръ дотого оробѣлъ, что только безсвязно поворачивался, чего-то отыскивая, и я вынулъ свой ножичекъ, чтобы обрѣзать веревку; другой минеръ, передъ атакою, тоже видимо дѣйствовалъ не совсѣмъ сознательно, потому что безъ всякой нужды тронулъ приводъ, сообщавшій токъ минѣ, еще на огромномъ разстояніи отъ непріятеля; наконецъ, помянутый рулевой со страху положилъ не туда руля, да въ добавокъ взмолился передъ Скрыдловымъ: „нельзя-ли, дескать, пройдти мимо“.—Всѣ эти примѣры, мнѣ кажется, доказываютъ, что матросъ или солдатъ, *вынужденный* идти впередъ, не дѣлаетъ это съ тѣмъ сознаніемъ и разумѣніемъ, какъ волонтеръ, *желающій* идти впередъ.

*
* *

Покинувъ наше убѣжище, С. пошелъ снова къ мѣсту расположенія прочихъ миноносокъ, чтобы отдать отчетъ Новикову. Всѣ офицеры стояли на берегу и, видимо, не знали, что̀ у насъ творилось (мы были закрыты отъ нихъ во все время атаки островомъ).

„Взорвали?“ кричатъ на встрѣчу—„Нѣтъ, отвѣчаетъ Скрыдловъ, огонь былъ слишкомъ силенъ, перебило проводки. Я и В. В. ранены!“ Общее молчаніе, въ которомъ слышалось неодобреніе, только бравый Новиковъ сдѣлалъ С. ручкою, поблагодарилъ за неравный бой.

Отрядъ отдыхалъ, завтракалъ и собирался идти дальше. Насъ потащили на румынскій берегъ; изъ веселъ сдѣлали носилки и положили на нихъ Скрыдлова, а я пошелъ пѣшкомъ; сгоряча я

не чувствовалъ ни боли, ни усталости, но, пройдя съ версту, почти повисъ на плечахъ поддерживавшихъ меня матросовъ.

На берегу встрѣтились Скобелевъ и Струковъ, издали наблюдавшіе за установкою минъ: первый, съ которымъ мы разцѣловались, только и повторялъ: „Какіе молодцы, какіе молодцы"!—Этому бравому изъ бравыхъ видимо было завидно, что не онъ раненъ. Насъ втащили въ деревню Парапанъ и помѣстили въ большомъ помѣщичьемъ домѣ, томъ самомъ, гдѣ жилъ Вульфертъ и гдѣ я познакомился съ Драгомировымъ.

Скоро прискакала изъ Журжева конная баттарея и уже было снялась съ передковъ противъ мѣста, гдѣ отдыхали моряки, но Струковъ во-время предупредилъ флотилію и она успѣла удрать вверхъ по рѣкѣ, для закладки новаго ряда минъ. Батарея била по коекакимъ лодкамъ и вещамъ, неосторожно брошеннымъ миноносками, а также вздумала бомбардировать домъ, въ которомъ мы помѣщались. По этому случаю я совершенно нечаянно насмѣшилъ всѣхъ бывшихъ около насъ офицеровъ: чтобы не быть разстрѣлянными, намъ предложили перейдти въ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ подалѣе въ деревнѣ; Скрыдловъ согласился, но я уперся, объясенивши, какъ мнѣ и теперь кажется, не безъ резона, что въ крестьянскомъ домишкѣ будутъ навѣрное блохи, а тутъ ихъ нѣтъ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

1879–1883.

Я не былъ близокъ съ Тургеневымъ, но видѣлся съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни, и объ нихъ пишу теперь нѣсколько словъ.

Наше незнакомое знакомство относится ко времени пребыванія моего въ младшемъ классѣ Морскаго корпуса (1855 г.), куда онъ привезъ своего племянника, тоже Тургенева. Тогда я не читалъ еще ничего изъ его сочиненій, но помню, что и мы кадетики, и офицеры наши съ любопытствомъ смотрѣли на Ивана Сергѣевича; а посмотрѣть было на что! Онъ казался великаномъ, особенно въ сравненіи съ нами, мелюзгою,—какъ теперь, вижу его, прогуливающагося между нашими кроватями, съ заложенными назадъ руками.

Племянникъ его былъ карапузъ, съ физіономіей барбосика, съ первыхъ же дней прозванный *отчаяннымъ*; онъ скоро убѣжалъ изъ корпуса, и Иванъ Сергѣевичъ снова привезъ его, уже связаннаго. Я забылъ спросить объ этомъ племянникѣ,—если онъ не былъ тотъ самый Мишка, о которомъ Тургеневъ впослѣдствіи писалъ и разсказывалъ, то очень походилъ на него.

***

Прошло много лѣтъ; я прочиталъ и перечиталъ сначала „Записки Охотника“, а затѣмъ и всѣ его повѣсти и романы. Случилось такъ, что критику Антоновича на *Отцевъ и Дѣтей* я прочелъ раньше

самаго романа, и хорошо помню, что она показалась мнѣ пристрастною; когда-же прочиталъ романъ, то былъ пораженъ односторонностью и узкостью сужденій рецензента. Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ романомъ, было громадно. Съ тѣхъ поръ, я перечиталъ его не одинъ разъ и постоянно открывалъ новыя красоты, новое мастерство, каждый разъ удивлялся безпристрастію автора, его умѣнью скрывать свои симпатіи и антипатіи. Не только главныя лица, но и второстепенныя, означенныя всего нѣсколькими штрихами, живые люди, намѣченные геніальнымъ художникомъ.

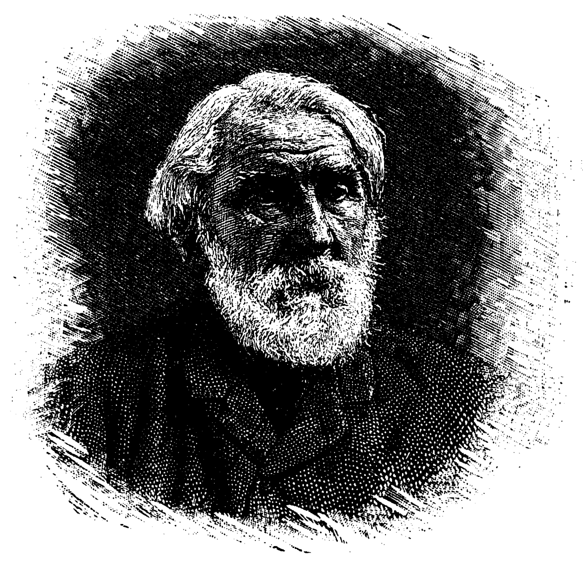
„Новь“ мнѣ очень не понравилась; еще въ первой части многое натурально и типы вѣрны; но вторая часть, очевидно, писалась не по наблюденіямъ, а по какимъ-нибудь, изъ третьихъ рукъ добытымъ, свѣдѣніямъ и догадкамъ. Признаться, я просто бранился, читая эту вторую часть. Не то, чтобы сюжетъ шокировалъ—ни мало; я полагаю, что все въ рукахъ большаго таланта можетъ быть предметомъ художественнаго изображенія; необходимо только, чтобы этотъ большой талантъ зналъ предметъ, о которомъ пишетъ.

*
* *

Для лучшаго объясненія моей мысли, возьму въ примѣръ извѣстнаго французскаго романиста Золя. Нѣкоторые изъ романовъ его, какъ напр., „Assomoir“, дышатъ правдою и вѣрностью типовъ, другіе, какъ „Nana“, слабѣе. Автора укоряютъ за сальности, описанныя въ послѣднемъ, но я далекъ отъ того, чтобы дѣлать ему этотъ упрекъ, такъ какъ полагаю, что извѣстную среду нельзя описывать, не вдаваясь въ извѣстныя объясненія и не рисуя извѣстныя картины, а между тѣмъ, для исторіи развитія человѣчества, всѣ стороны современнаго быта должны быть прослѣжены и описаны. Мой упрекъ Золя состоитъ въ томъ, что въ „Нана“ онъ сплошь и рядомъ не зналъ той среды, которую описывалъ; поэтому, схвативши только наружныя, наиболѣе выдающіяся черты и шероховатости, не могъ прослѣдить и передать внутреннюю

связь явленій; нагромоздилъ уродливости одну на другую, удивилъ, но не убѣдилъ читателя.

Если отъ этого разсужденія a priori, перейти къ ознакомленію со средствами и матерьялами Золя, то окажется, что онъ и не могъ знать такъ называемаго полусвѣта; ведя очень уединенную жизнь, онъ только разъ заглянулъ въ будуаръ шикарной кокотки, во время ея отсутствія, для описанія спальни „Нана" и проч.

И. С. Тургеневъ.

Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ мнѣ, что, будучи разъ позванъ вмѣстѣ съ авторомъ „Нана" въ общество, гдѣ послѣдній долженъ былъ читать, онъ замѣтилъ, что пріятель, по мѣрѣ того, какъ домъ наполнялся гостями, все болѣе трусилъ, блѣднѣлъ и даже дрожалъ.—„Что съ тобою, любезный другъ?" спросилъ онъ его. — „Признаюсь тебѣ, отвѣчалъ ему Золя, что мнѣ еще не случалось бывать въ обществѣ дамъ, которымъ я не могъ бы........" Мыслимо-ли, спрашивается, съ такимъ знаніемъ свѣта, описывать какъ интимную жизнь аристократіи, такъ и пріемы, рауты и проч.?

Возвращаюсь къ „Нови“, чтобы сказать, что вотъ подобное-же незнаніе описываемой среды, только въ другой сферѣ дѣйствія, поразило меня во второй части этого романа; ничего нѣтъ съ натуры, по наблюденію, все *отъ себя*, какъ говорятъ художники.

*
* *

Кажется, въ 1876 году, мнѣ случилось остановиться въ Парижѣ, въ маленькой гостинницѣ одного русскаго, В. Зналъ-ли онъ И. С. или хотѣлъ тогда при удобномъ случаѣ съ нимъ познакомиться, только разъ онъ спрашиваетъ, знакомъ-ли я съ Тургеневымъ? — По имени, отвѣтилъ я, хотя давно уже знаю и высоко уважаю всѣ его работы. Черезъ нѣсколько дней В. показываетъ письмо.—„Узнаете почеркъ?“ — Нѣтъ, не узнаю. — „Это письмо Тургенева, онъ пишетъ, что будетъ радъ познакомиться съ вами, пойдемте къ нему, когда хотите“. — Я отвѣтилъ, что не пойду вовсе, потому что не люблю напрашиваться на знакомства къ извѣстнымъ лицамъ, и просилъ никогда болѣе ни къ кому не адресоваться моимъ именемъ.

*
* *

Послѣ турецкой войны, художникъ Боголюбовъ сказалъ мнѣ какъ-то: „есть одинъ человѣкъ, очень, очень желающій съ вами познакомиться“. — Кто такой? — „И. С. Тургеневъ“. Я былъ душевно радъ этому и просилъ пріѣхать въ какое угодно время. Когда этотъ дорогой гость пріѣхалъ въ Maison Laffitte, мнѣ, признаюсь, просто хотѣлось броситься къ нему на шею и высказать, какъ я глубоко цѣню его и уважаю. Однако, вышло иначе; пришлось представить бывшаго у меня въ то время пріятеля, генерала С., и мы обмѣнялись только обычными банальными любезностями. Тургеневъ съ большимъ интересомъ разсматривалъ мои работы. Тогда были уже начаты двѣ, три картины изъ турецкой войны; изъ нихъ особенно понравилась ему перевозка раненыхъ: каждаго изъ написанныхъ солдатиковъ онъ называлъ по именамъ.—„Вотъ, это Никифоръ изъ Тамбова, а это Сидоровъ изъ подъ Нижняго и т. п.

Послѣ этого И. С. былъ у меня еще два раза, и однажды привезъ и представилъ своего пріятеля Онѣгина, который потомъ, за время послѣдней болѣзни, чаще всѣхъ насъ навѣщалъ его.

* * *

Я былъ у Тургенева также нѣсколько разъ. Въ первый приходъ засталъ его больнымъ подагрою. Кажется, и тогда уже припадки болѣзни были очень сильные, потому что послѣ нихъ онъ казался сильно изнуреннымъ и дряхлымъ.

Тургеневъ принималъ посѣщавшихъ его съ замѣчательною любезностью и предупредительностью; даже и больной, всегда съ участіемъ разспрашивалъ о работахъ настоящихъ и будущихъ; о себѣ говорилъ скромно, откровенно, своимъ тоненькимъ голосомъ, сопровождая слова доброю улыбкою.

Мнѣ показалось, и, думаю, не ошибочно, что послѣ овацій, которыми И. С. встрѣчали и провожали въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ сталъ немножко важнѣе. Въ письмахъ его, *многоуважаемый* замѣнился *любезнымъ*, но онъ все-таки всегда былъ привѣтливъ, всегда готовъ былъ помочь, чѣмъ только былъ въ состояніи. Когда я выставлялъ въ Парижѣ мои работы, онъ сначала старался помочь отъискать мѣсто для выставки, а потомъ написалъ въ *XIX Siècle* нѣсколько строкъ, которыми представилъ меня парижской публикѣ.

Впрочемъ, не только словомъ, но и матеріальными средствами помогалъ онъ рѣшительно всѣмъ, кто къ нему обращался; помогалъ деньгами многимъ изъ молодежи, вынужденной покинуть Россію и проживать въ Парижѣ, какъ выражался одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, на *нигилячемъ положеніи*. (Я обратилъ вниманіе И. С. на это характерное выраженіе и онъ много смѣялся ему).

* * *

Что Тургеневъ собирался писать и уже началъ большой трудъ, это я узналъ сначала отъ пріятеля его, извѣстнаго нѣмецкаго критика, Питча, а потомъ также и отъ него самого: теперь, уже послѣ его смерти, я слышалъ, что задумывался романъ съ отзы-

вомъ на движеніе мысли русской молодежи послѣдняго времени: русская образованная дѣвушка, въ Парижѣ, встрѣчается и сходится съ молодымъ французомъ, радикаломъ, но впослѣдствіи покидаетъ его для оставившаго свое отечество представителя русскаго радикализма, воззрѣнія и убѣжденія котораго на одни и тѣ-же вопросы рѣзко разнятся отъ французскихъ...

Судя по послѣднимъ работамъ, включая сюда и „Клару Миличь“, надобно думать, что врядъ-ли талантъ автора „Отцевъ и дѣтей“ поднялся-бы до прежней высоты. Конечно, встрѣчается и въ послѣднихъ вещахъ много прекрасныхъ мыслей, мастерскихъ набросковъ, но, въ общемъ, все-таки созданія не имѣютъ ни прежней тихой, ласкающей прелести, ни прежній свѣжести, нерва жизни.

Впечатлѣніе небольшихъ его вещей, напримѣръ, „Стихотвореній въ прозѣ“, по большей части, удручающее; такъ и слышится вездѣ фраза, сказанная имъ мнѣ однажды на вопросъ, каково состояніе его духа: „начинаю чувствовать глухой страхъ смерти!“

Даже такія воспоминанія, какъ разсказъ „Мишка“, далеки, по силѣ образности и типичности, отъ „Записокъ охотника“. Этотъ-же самый разсказъ я слышалъ изъ устъ И. С. и онъ произвелъ на меня несравненно большее впечатлѣніе, чѣмъ въ чтеніи.

Я зналъ, что Тургеневъ хорошо разсказываетъ, но въ послѣднее время онъ былъ всегда утомленъ и начиналъ говорить какъ-то вяло, неохотно, только по-немногу входя въ роль, оживляясь. Въ данномъ случаѣ, когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Мишка ведетъ плясовую цѣлой компаніи нищихъ, И. С. живо всталъ съ кресла, развелъ руками и началъ выплясывать трепака, да вѣдь какъ выплясывать! выдѣлывая колѣна и припѣвая: *тра-та-та-та-та-та*! *три-та-та*! Точно 40 лѣтъ съ плечь долой; какъ онъ изгибался, какъ поводилъ плечами! Сѣдые локоны его спустились на лице, красное, лоснящееся, веселое. Я просто любовался имъ и не утерпѣлъ, захлопалъ въ ладоши, закричалъ: „браво, браво, браво!“ И онъ, повидимому, не утомился послѣ этого, по крайней мѣрѣ, пока я сидѣлъ у него, продолжалъ оживленно разговаривать; между тѣмъ, это было очень не задолго до того, какъ болѣзнь „схватила

его въ свои „лапы", какъ онъ выражался. Зная теперь, что уже и въ то время два позвонка у него были подточены ракомъ, я просто съ удивленіемъ вспоминаю объ этомъ случаѣ.

*
* *

Весною 82 года, я былъ очень боленъ и слышалъ, что Тургеневъ заболѣлъ весьма серьезно. Какъ только я всталъ къ лѣту на ноги, поѣхалъ къ нему въ rue de Douai. Еще съ лѣстницы, помню, кричу ему: это что такое! какъ это можно, на что похоже такъ долго хворать!—Вхожу и вижу ту-же ласковую улыбку, слышу тотъ-же тоненькій голосъ.—„Что-же прикажете дѣлать, держитъ болѣзнь, не выпускаетъ". И. С. былъ положительно неизмѣнившись, съ того дня, что я видѣлъ его танцующимъ, и это ввело меня въ заблужденіе; я былъ твердо увѣренъ, что онъ выздоровѣетъ, и говорилъ это тѣмъ, кто меня разспрашивалъ.

Тургеневъ былъ очень оживленъ и, не смотря на то, что жаловался на постоянныя и очень сильныя невралгическія боли въ груди и спинѣ, просилъ посидѣть, не уходить, бойко разсказывалъ, приподнявшись на постели, много смѣялся. Помню, что рѣчь зашла, между прочимъ, о литературѣ, его работахъ. И. С., высказывая, между прочимъ, высокое уваженіе къ таланту Л. Толстаго, выразился такъ: „чего у Т. недостаетъ, такъ это поэзіи, она совершенно отсутствуетъ во всѣхъ его произведеніяхъ". Я не могъ не сказать, что съ этимъ не согласенъ, и для примѣра привелъ высоко поэтическія созданія: „Казаки", „Поликушка" и др. Тургеневъ, кажется, остался при своемъ, хотя не спорилъ.

*
* *

Какъ мнѣ случилось тогда въ этомъ разговорѣ говорить Тургеневу, такъ и теперь я продолжаю думать, что онъ былъ несправедливъ, отводя себѣ слишкомъ скромное мѣсто въ средѣ русскихъ писателей. Бѣлинскій, правда, не цѣнилъ его высоко, но это можно объяснить, во-первыхъ, тѣмъ, что въ то время—И. С. не успѣлъ еще вполнѣ развить и показать свой талантъ, а во-вторыхъ, и тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ научно образованъ для россійскаго таланта, и въ головѣ Бѣлинскаго, хорошо присмотрѣвшагося къ недостаткамъ шлифовки

родныхъ алмазовъ, плохо, вѣроятно, уживалось понятіе первокласснаго литературнаго дарованія и осмысленнаго серьезнаго Гегельянца въ одномъ лицѣ. Образованіемъ своимъ Тургеневъ положительно выше всѣхъ писателей-художниковъ. Силою таланта, можетъ быть, уступаетъ нѣкоторымъ, но полнотою, высотою творчества слѣдуетъ непосредственно за Пушкинымъ и Л. Толстымъ. Фабула разсказа т. е. то, что многіе считаютъ пустяками и что, по мнѣнію моему, составляетъ труднѣйшую часть творчества, дающуюся немногимъ, у Тургенева почти всегда хороша. Трудное дѣло схватывать типы, но еще труднѣе заставлять выхваченные типы жить, дѣйствовать и умирать естественно, правдоподобно. Гоголь, напр., геніальный рисовальщикъ типовъ, но фабулистъ плохой; на сколько поразительна у него большая часть личностей отдѣльно взятыхъ, на столько слабъ весь ходъ дѣйствія. Только дѣти или недоумки могутъ серьезно относиться къ разсказу о покупкѣ мертвыхъ душъ для переселенія ихъ въ Херсонскую или иную губернію, къ подвигамъ Ревизора и др. Затѣмъ, нельзя еще не замѣтить, что талантъ хоть-бы того-же Гоголя одностороненъ: рядомъ съ поразительнымъ, по силѣ и вѣрности, отрицательнымъ типомъ, никуда негодный, фальшивый сверху донизу, съ начала до конца, типъ положительный.

Не то у Тургенева; чтобы быть справедливымъ, надобно сказать, что какъ ни глубоки типы въ „Запискахъ Охотника,“ все-таки они ниже изумительныхъ Гоголевскихъ, за то они живутъ и дѣйствуютъ разумно, никакая невѣдомая сила не заставляетъ ихъ совершать поступки и водевильныя каверзы, противныя здравому смыслу. За тѣмъ, какъ уже сказано, удаются Тургеневу не тѣ или другіе излюбленные имъ типы, а всѣ, и пошлые и порядочные, и умные и глупые, и отцы и дѣти—всѣ одинаково правдивы и рельефны.

Повторяю, такое полное, высокое творчество, какъ мнѣ кажется, встрѣтишь не у многихъ: кромѣ Пушкина и Льва Толстаго, развѣ еще у Лермонтова въ его прозѣ (въ стихахъ образы туманны и ходульны.)

* *
*

Возвращаюсь къ болѣзни Тургенева. За помянутое послѣднее мое посѣщеніе, онъ горько жаловался на то, что не можетъ ѣхать въ Россію.—За чѣмъ-же вамъ такъ сейчасъ ѣхать въ Россію, сначала поправляйтесь хорошенько здѣсь!—„Да, но я могъ бы тамъ продолжать работу, я кое-что началъ, что надобно бы писать тамъ,“—и онъ многозначительно кивнулъ головою.

Осень и зиму Тургеневъ продолжалъ хворать; такъ какъ мнѣ не случалось встрѣчаться ни съ однимъ изъ докторовъ, его лѣчившихъ, то я и полагалъ, что болѣзнь его не смертельна.

Зайдя разъ въ rue de Douai, я написалъ и послалъ на верхъ нѣсколько словъ, въ которыхъ освѣдомлялся о здоровьѣ, но слуга принесъ мою записочку назадъ! „Г-нъ Тургеневъ лежитъ, читать не въ состояніи, да и шторы у него спущены, онъ проситъ сказать ваше имя“—я понялъ, что дѣло не, ладно и ушелъ, чтобы не безпокоить.

По пріѣздѣ изъ Индіи, опятъ завернулъ—очень худо, никого не пускаютъ. Возвратясь изъ Москвы, встрѣтился съ помянутымъ уже Онѣгинымъ, который сказалъ мнѣ, что не только мѣсяцы, но и дни И. С. сочтены. Я поѣхалъ въ Буживаль, гдѣ онъ тогда былъ; дорогою образъ его еще рисовался мнѣ такимъ, какъ и прежде, но когда, думая начать разговоръ по старому, шуткою, я вошелъ—языкъ прилипъ къ гортани: на кушеткѣ, свернувшись калачикомъ, лежалъ Тургеневъ, какъ-будто не тотъ, котораго я зналъ,—величественный, съ красивою головою,—а какой то небольшой, тощій, желтый какъ воскъ, съ глазами ввалившимися, взглядомъ мутнымъ, безжизненнымъ.

Казалось, онъ замѣтилъ произведенное имъ впечатлѣніе и сейчасъ же сталъ говорить о томъ, что умираетъ, надежды нѣтъ и проч. „Мы съ вами были разныхъ характеровъ, прибавилъ онъ, я всегда былъ слабъ, вы энергичны, рѣшительны“.... Слезы подступили у меня къ глазамъ, я попробовалъ возражать, но И. С. нервно перебилъ: „Ахъ, Боже мой, да не утѣшайте меня, Василій Васильевичь, вѣдь я не ребенокъ, хорошо понимаю мое положеніе, болѣзнь моя неизлечима; я страдаю такъ, что по сту разъ на день призываю

смерть. Я не боюсь разстаться съ жизнью, мнѣ ничего не жалко, одинъ—два пріятеля, которыхъ не то что любишь, а къ которымъ просто привыкъ...

Я поддался немного его тону и сказалъ, что онъ похудѣлъ—слышу, Онѣгинъ, тутъ-же бывшій, торопится поправить: „Еще-бы не похудѣть за столько времени". Я понимаю, что надобно быть осторожнымъ, и настаиваю на томъ, что если нѣтъ прямо смертельной болѣзни, то смерть совсѣмъ не неизбѣжна, годы еще не тѣ, чтобы умирать. Вѣдь вамъ всего еще 65 лѣтъ? „Шестьдесятъ четыре", поправляетъ онъ и снова было протестуетъ, но однако послѣ принимаетъ слова утѣшенія спокойнѣе, видно, въ душѣ, онѣ не непріятны ему и самъ онъ еще имѣетъ надежду.

Онъ разспрашивалъ о моихъ работахъ, о томъ, гдѣ я былъ, куда намѣренъ ѣхать. Я сказалъ, что ѣду на воды и приду къ нему черезъ мѣсяцъ. „Даю вамъ мѣсяцъ сроку; если въ этотъ срокъ не поправитесь—берегитесь, со мною будете имѣть дѣло!" И. С. улыбнулся этой угрозѣ.—„Придете черезъ мѣсяцъ, черезъ три, черезъ шесть, застанете меня все въ томъ-же положеніи."

Я позволилъ себѣ предостеречь его отъ частыхъ пріемовъ морфія и, если уже наркотическія средства необходимы, то чередовать его съ хлораломъ. „И радъ-бы, да что дѣлать, коли боли мучатъ, отвѣчалъ И. С., готовъ что бы ни было принять, только-бы успокоиться..."

Въ этотъ день Тургеневъ былъ одѣтъ, такъ какъ пробовалъ выѣзжать, но ѣзда по мостовой утомила его; онъ скоро воротился и теперь готовился лечь въ постель. Это былъ послѣдній разъ, что онъ выѣхалъ.

Мы вышли вмѣстѣ съ Онѣгинымъ, сказавшимъ, между прочимъ, дорогою: „Онъ не знаетъ, что не проживетъ и такъ долго, какъ говоритъ, у него разложеніе всѣхъ сосудовъ; мнѣ говорилъ это Бѣлоголовый."

* * *

Черезъ мѣсяцъ, приблизительно, снова прихожу. Иванъ Сергѣевичъ въ постели, еще болѣе пожелтѣлъ и осунулся,—какъ говорится, краше въ гробъ кладутъ; — сомнѣнія нѣтъ, умираетъ. А я

читалъ въ русскихъ газетахъ, что Тургеневу лучше, что онъ выѣзжаетъ, и съ этою мыслью шелъ къ нему. Онъ познакомилъ меня съ сидѣвшимъ около его постели Топоровымъ, его давнимъ пріятелемъ. — Вамъ, говорю я, слышалъ, лучше? Вы выѣзжаете?— „Ой, ой, ой!—застоналъ больной,—какое-же лучше, до выѣзда-ли мнѣ, прикованъ къ постели! Кто это вамъ сказалъ?"—Въ газетахъ читалъ.—„Да можно-ли вѣрить тому, что пишутъ въ газетахъ? посмотрите, на что я похожъ...."

—„Я вѣдь знаю",—сталъ онъ говорить, когда мы остались одни,— „что мнѣ не пережить новаго года..."—Почему-же вы это знаете?— „Такъ, по всему ужъ вижу, и самъ чувствую, да и изъ словъ докторовъ это заключаю; даютъ понять, что не мѣшало-бы устроить дѣла..."—Мнѣ показалось страннымъ, что доктора, которые, сколько я зналъ, какъ и всѣ окружающіе, не переставали подавать ему надежду, могли сказать это, и, какъ я послѣ узналъ, онъ сказалъ это только для того, чтобы выпытать мое мнѣніе. Признаюсь, я почти готовъ былъ отвѣтить ему: „Что-же дѣлать, всѣ мы тамъ будемъ", но, видя, что его потухшій взглядъ пытливо уперся въ меня въ ожиданіи отвѣта, я удержался.—„Что-же,—говорю—доктора, и доктора ошибаются". И привелъ примѣръ графа Шамбора, которому доктора пророчили вѣрную смерть, но который началъ въ это время поправляться,— примѣръ, оказавшійся очень неудачнымъ, такъ какъ графъ Шамборъ вскорѣ послѣ того дѣйствительно умеръ. Тургеневъ, впрочемъ, внимательно слушалъ; видно было, что онъ самъ далеко еще не терялъ надежды и желалъ бы, чтобы и другіе не теряли. Онъ сталъ жаловаться на то, что не успѣлъ сдѣлать всего, что слѣдовало... Вы-то не успѣли!... — „Не то! Вы меня не понимаете, я говорю о своихъ дѣлахъ, которыя не успѣлъ устроить". — Да вѣдь это легко сдѣлать теперь, сейчасъ. „Нѣтъ, нельзя: имѣнье мое, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ, не продано; все собирался, собирался его продать, но я всегда былъ нерѣшителенъ, все откладывалъ".—Разумѣется, вамъ жалко было разстаться?—„Да, жалко было разстаться, а теперь вотъ если я умру, имѣнье-то достанется, Богъ знаетъ, кому..." и онъ печально покачалъ головою.

Мнѣ казалось, что тутъ была забота о дочери, съ которою я разъ какъ-то встрѣтился и познакомился у него; она весьма милая дама, небольшаго роста, брюнетка, очень на него похожая, замужемъ за французомъ, и дѣла ея, въ послѣднее время, были не въ блестящемъ положеніи.

Иванъ Сергѣевичъ какъ-то особенно внимательно разспрашивалъ меня обо всемъ: о моемъ семействѣ, женѣ, покойныхъ родителяхъ, братьяхъ.

Въ началѣ нашего разговора, онъ просилъ прислуживавшую ему г-жу Арнольдъ впрыснуть морфія, что̀ она сдѣлала и спросила его, не хочетъ-ли онъ завтракать.—„А что̀ есть?“—Лососина(!)—Казалось, онъ что-то соображалъ, поднявши руку къ головѣ, долго обдумывалъ.—„Ну, дайте хоть лососины и еще яйцо въ смятку“. Видно было, что у него былъ еще небольшой аппетитъ.—Какъ вашъ желудокъ?—„Ничего не варитъ, вотъ я поѣмъ, и сейчасъ-же меня вырветъ“.

Я заговорилъ о морфіѣ, опять просилъ не впрыскивать себѣ много.—„Все равно“,—отвѣчалъ онъ.—„моя болѣзнь неизлѣчима, я это знаю“; онъ сказалъ, какъ доктора называютъ ѐго болѣзнь,—„возьмите медицинскій словарь, посмотрите, тамъ прямо сказано: *неизлечимая, incurable*“.

— Приду къ вамъ черезъ недѣлю,—говорю ему. — „Приходите, приходите; да смотрите, если придете черезъ двѣ, то меня ужъ будутъ выносить ногами впередъ!“

— Не берите-же, смотрите, много морфія,—говорилъ я ему, уходя и грозя пальцемъ;—онъ съ улыбкою наклонилъ голову въ знакъ согласія и проводилъ меня грустнымъ взглядомъ, оставшимся у меня въ памяти. Вышло такъ, какъ онъ сказалъ; почти ровно черезъ двѣ недѣли его не стало. А какъ ему хотѣлось жить и жить!

* * *

Впечатлѣніе послѣдняго посѣщенія было такъ грустно, что я пріѣхалъ черезъ 4 дня; это было послѣ полудня и И. С., которому только-что впрыснули морфія, спалъ; я посидѣлъ рядомъ въ кабинетѣ, скромно, уютно, по холостому убранному: обычный

письменный столъ, турецкій диванъ, по стѣнамъ много этюдовъ преимущественно русскихъ художниковъ и, не знаю кѣмъ, написанный, не особенно удачно, его портретъ.

Я побесѣдовалъ съ г-жею Арнольдъ, давно уже ухаживавшей за больнымъ; она говорила, что, положа руку на сердце, все еще надѣется на выздоровленіе, что доктора различно опредѣляютъ болѣзнь, а что ее лично болѣе всего безпокоитъ подагра, совершенно покинувшая ноги и, слѣдовательно, поднявшаяся выше. О послѣднемъ я слышалъ отъ самого больнаго, еще въ началѣ болѣзни; онъ прямо говорилъ, что подагра даетъ себя чувствовать около сердца; за послѣдній-же разъ, говоря объ упадкѣ силъ, сказалъ: „если-бы вы только видѣли мои ноги, на что онѣ похожи; посмотрите ихъ, однѣ кости!“ Я не рѣшился взглянуть; мнѣ такъ и представился покойный отецъ мой, у котораго ноги совершенно высохли передъ смертью.

Г-жа Арнольдъ объяснила, что никто никогда не совѣтовалъ Тургеневу устроить свои дѣла, что это была чисто его хитрость, чтобы врасплохъ вывѣдать мое мнѣніе о его положеніи, такъ какъ онъ подозрѣвалъ, что всѣ постоянно окружавшіе его сговорились его успокоивать и обманывать. Она сообщила также, что И. С. приходили навѣщать многія изъ парижскихъ знаменитостей; между прочимъ, Эмиль Ожье — c'est un auteur dramatique très connu, прибавила она для меня—пріѣзжалъ недавно читать новую пьесу.

Кстати здѣсь сказать, что мнѣ рѣдко доводилось слышать отзывы Тургенева о прошлыхъ и современныхъ знаменитостяхъ. Объ А. С. Пушкинѣ онъ разъ говорилъ съ видимымъ благоговѣніемъ, какимъ-то особенно серьезнымъ тономъ; выраженіе лица его было въ это время очень похоже на портретъ, приложенный къ полному собранію сочиненій,—онъ передернулъ бровями и многозначительно поднялъ указательный палецъ. Помню, между прочимъ, его разсказъ о промахѣ В. Гюго, хорошо рисующемъ малую начитанность поэта; „Мы заговорили о Гете“,—разсказывалъ Иванъ Сергѣевичъ, „Гюго возражалъ мнѣ и нападалъ на

Гете за Валленштейна. „Maître“, говорю ему, да вѣдь Валленштейнъ не Гете, а Шиллера...“ — „Ну да, ну да, это все равно, отвѣчалъ тотъ и, чтобы замять ошибку, ударился въ какія-то метафоры“...

Барыня разсказала еще, что Тургеневъ очень волновался по поводу письма, посланнаго имъ Л. Толстому, въ которомъ онъ писалъ, что на смертномъ одрѣ проситъ графа не бросать работъ, служить ими Россіи и т. д. „Я, говоритъ, была за столомъ, когда онъ вызвалъ меня; подаетъ мнѣ листъ бумаги, исписанный карандашемъ, и говоритъ:—„Пожалуйста, пошлите это поскорѣе, это очень, очень нужно...“

***

Я заболѣлъ сильною простудою груди и переѣхалъ въ больницу, такъ-что не ранѣе, какъ черезъ 8—10 дней, удалось съѣздить въ Буживаль.

„Г. Тургеневъ очень плохъ“, говоритъ мнѣ, при входѣ, дворникъ, „докторъ сейчасъ вышелъ и сказалъ, что онъ не переживетъ сегодняшняго дня“.—„Можетъ-ли быть!“—Я бросился къ домику. Кругомъ никого, поднялся на верхъ, и тамъ никого. Въ кабинетѣ семья Віардо, сидитъ въ кружкѣ также русскій, кн. Мещерскій, посѣщавшій иногда Тургенева и теперь уже три дня бывшій при немъ вмѣстѣ со всѣми Віардо. Они окружили меня, стали разсказывать, что больной совсѣмъ плохъ, кончается. „Подите къ нему“.— Нѣтъ, не буду его безпокоить.—„Да вы не можете его безпокоить, онъ въ агоніи“. Я вошелъ—Иванъ Сергѣевичъ лежалъ на спинѣ, руки вытянуты вдоль туловища, глаза чуть-чуть смотрятъ, ротъ страшно открытъ и голова, сильно закинутая назадъ, немного въ лѣвую сторону, съ каждымъ вдыханіемъ, вскидывается къ верху; видно, что больнаго душитъ, что ему не хватаетъ воздуха,— признаюсь, я не вытерпѣлъ, заплакалъ.

Агонія началась уже нѣсколько часовъ тому назадъ, и конецъ былъ видимо близокъ.

Окружавшіе умирающаго пошли завтракать, я остался у постели

съ г-жею Арнольдъ, постоянно смачивавшею засыхавшій языкъ больнаго.

Въ комнатѣ было тоскливо; слуга убиралъ ее, подметалъ пыль, причемъ немилосердно стучалъ и громко разговаривалъ съ входившею прислугою: видно было, что церемониться уже нечего....

Г-жа А. сообщила мнѣ вполголоса, что Тургеневъ вчера еще простился со всѣми и почти вслѣдъ за тѣмъ началъ бредить. Со словъ Мещерскаго, я уже зналъ, что бредъ видимо начался, когда И. С. сталъ говорить по-русски, чего никто изъ окружавшихъ, разумѣется, не понималъ. Всѣ спрашивали: qu'est ce qu'il dit, qu'est ce qu'il dit? „Прощайте, мои милые“, говорилъ онъ, „мои бѣлесоватые“... — „Этого послѣдняго выраженія“, говорилъ М., „я все не могу понять: вообще-же, мнѣ казалось, что онъ представляетъ себя въ бреду русскимъ семьяниномъ, прощающимся съ чадами и домочадцами“....

Два жалобные стона раздались изъ устъ Тургенева, голова повернулась немного и легла прямо, но руки за цѣлый часъ такъ и не пошевелились ни разу. Дыханье становилось медленнѣе и слабѣе; я хотѣлъ остаться до послѣдней минуты, но пришелъ Мещерскій и сталъ просить отъ имени семьи Віардо пойдти повидать доктора Бруарделя, разсказать, что я видѣлъ, а въ случаѣ его отсутствія, оставить письмо съ объясненіемъ того, что есть и чего неизбѣжно надобно ожидать. Я взялъ письмо, дотронулся въ послѣдній разъ до руки Ивана Сергѣевича, которая уже начала холодѣть, и вышелъ.

*
* *

Черезъ часъ Тургеневъ умеръ.

Доктора Бруарделя я не засталъ дома и оставилъ письмо,—онъ пріѣхалъ только на третій день. Я далъ депеши двумъ близкимъ людямъ умершаго: Онѣгину и князю Орлову; хотѣлъ извѣстить и далекую родину, но, не бывъ другомъ покойнаго, не счелъ себя въ правѣ посылать отъ моего имени вѣсть объ этомъ народномъ горѣ.

———⁜———

ПО СИБИРИ.

Удивительно, что до сихъ поръ не проведена большая сибирская желѣзная дорога; послѣ столькихъ рѣшеній этого вопроса, снова какъ-будто спрашиваютъ себя: да полно къ спѣху-ли? Впослѣдствіи это покажется невѣроятнымъ! А между тѣмъ, благодаря своей дальности и отчужденности, край отсталъ на сто лѣтъ и изнемогаетъ подъ бременемъ всевозможныхъ злоупотребленій.

Самое выраженіе сибиряка „у Васъ въ Россіи“ какъ нельзя болѣе характерно и наглядно доказываетъ разобщенность края. Это выраженіе услышишь, правда, въ Туркестанѣ, на Кавказѣ, въ Балтійскихъ или польскихъ провинціяхъ,—но тамъ оно имѣетъ смыслъ; въ устахъ-же обитателя Сибири, гдѣ населеніе чисто русское, оно непонятно. Если не для хлѣбопашества и торговли, то хоть для развитія дорогой административнымъ сердцамъ золотопромышленности, слѣдовало-бы, наконецъ, прорубить въ Сибирь окно, вмѣсто имѣющейся теперь отдушины, именуемой сибирскимъ трактомъ.

И не покойна-же эта отдушина, ухабистъ этотъ трактъ. Еще счастливцы, проѣзжающіе сейчасъ по установившемуся пути, могутъ ѣхать мало-ли, много-ли по-человѣчески; но когда лѣтомъ выбьются колеи, а зимою ухабы,—пиши пропало! Одно средство тогда—стянуть потуже бока и постараться замереть на всю дорогу.

Мнѣ случилось два раза проѣзжать сибирскимъ трактомъ, туда и назадъ на Омскъ, откуда есть поворотъ въ Туркестанъ. Оба раза я ѣхалъ на курьерскихъ, т. е. очень шибко; случалось дѣлать по 400 верстъ въ сутки, случалось также кружить въ буранѣ цѣлую ночь, а утромъ просыпаться въ двухъ верстахъ отъ станціи, съ которой выѣхалъ, да еще помороженному, чуть не закоченѣвшему. Впрочемъ, морозиться случается не только при вьюгѣ и на вѣтру; помню, я заснулъ разъ на тихой, морозной, въ 25 градусовъ, погодѣ, и проснулся съ отмороженными кончиками ушей, носа и подбородка. Спасибо, старый казакъ, содержатель станціи, замѣтилъ: — „Батюшка, да вѣдь у васъ носъ-то поморожень". — Что ты? — „Ей Богу-съ, и ушки тоже; извольте, вотъ, гусинымъ сальцемъ смазать, пройдетъ". И точно прошло.

*
* *

И чего только не случается на этомъ трактѣ, какихъ невзгодъ не примешь. Со мною приключалось множество бѣдъ, — для примѣра два, три случая. Лѣтомъ, ночью, пріѣзжаю на станцію; темнота, хоть глазъ выколи.—Лошадей! Курьерскія лошади, стоящія обыкновенно по двѣ недѣли безъ работы, буквально бѣсятся, такъ что при запряжкѣ по два человѣка держатъ каждую. Я не выхожу изъ тарантаса, крѣпко закрывшись кожею, не то сплю, не то дремлю. Наконецъ лошади готовы, ямщикъ съ подвязанной щекой сидитъ на козлахъ, люди отскакиваютъ въ сторону, вся тройка сначала на дыбы, потомъ маршъ-маршемъ! Точно во снѣ, видится мнѣ, что мы несемся какъ-то кругомъ, а не прямо, и вотъ слышится отчаянный голосъ ямщика: „коренную справа забыли завозжать, черти!" Это онъ изволитъ скакать на одной возжѣ, которую тянетъ изо всѣхъ силъ, такъ что мы дѣйствительно описываемъ кругъ. Однако, у меня мелькаетъ въ головѣ, что вѣдь, подъѣзжая къ станціи, мы поднимались на гору, значитъ, теперь этимъ бѣшенымъ аллюромъ спустимся съ горы,—надобно выскочить, иначе плохо. Пробую отбросить кожу, нельзя; она застегнута на нѣсколько пуговицъ, не только внутри, но и снаружи; пробую разорвать ее, не тутъ-то было; кожа новая, та-

рантасъ только что купленъ въ Казани. Нечего дѣлать, усаживаюсь на старое мѣсто и жду, что будетъ. Лошади, между тѣмъ, описавши полный кругъ, совсѣмъ уже поворотили на старую дорогу и несутся подъ-гору. Трудно сказать, долго-ли онѣ такъ неслись,—вѣроятно не долго,—но помню, что время это показалось мнѣ не короткимъ. Наконецъ освобожденье—тройка вмѣстѣ съ тарантасомъ, со всего разбѣга, кувыркомъ летитъ въ ровъ. Я лежу, растянувшись въ лужѣ; на мнѣ, на спинѣ, ногахъ и даже на головѣ мои ящики и чемоданы, на которыхъ колесами вверхъ кузовъ тарантаса. Освобождаютъ меня, стонущаго, больше отъ испуга, потому что никакихъ особенныхъ изъяновъ нѣтъ, поцарапаны руки и лицо. Разумѣется, я выругался; снова запрягли лошадей, на этотъ разъ завозжавши, какъ слѣдуетъ, и я несусь дальше, не то сплю, не то дремлю.

***

Другой разъ, днемъ, дорога отъ станціи шла на мостикъ, потомъ крутымъ поворотомъ въ гору. Тѣмъ-же курьерскимъ аллюромъ лошади приняли прямо отъ станціи; на мостикъ-то ямщикъ еще угодилъ кое-какъ, но уже далѣе круто поворотить не смогъ, и мы понеслись въ гору, не по дорогѣ, а наискось, на одинъ изъ высокихъ холмовъ, что окаймляютъ ее. Лошади, съ разбѣга, доскочили до трехъ четвертей высоты, потомъ кубаремъ назадъ, вмѣстѣ съ тарантасомъ; и опять ничего, кое-гдѣ синякъ и ссадина на кожѣ, да тарантасъ идетъ дальше немного на бочекъ.

***

Зимою, ночью, ѣду въ маленькой курьерской кибиткѣ по мѣстамъ, гдѣ *пошаливаютъ*. Повозка хорошо закрыта, тепло, не то спится, не то дремлется. Слышу, останавливаемся: вѣрно, распряглось что-нибудь, — нѣтъ, кто-то сѣлъ въ повозку, между мною и ямщикомъ. Приподнимаю рогожку—въ упоръ какая-то бородатая личность. Открываюсь, сколько можно, пролѣзаю, онъ за меня хватается.—„Что тебѣ нужно?"—Неволя меня заставила!— отвѣчаетъ.... Сколько можно разглядѣть, мужикъ крѣпкій, большая борода, вы-

сокая шляпа, и отъ нея по всему лицу висятъ какіе-то концы,— или разбойникъ, не желающій показывать лица, или полоумный.

Первое мое движеніе было взяться за карманный револьверъ, чтобы убить его. „Ну, а если онъ какой сумасшедшій“, мелькнуло въ головѣ, и, не долго думая, взявши малаго лѣвою рукою за шиворотъ, правою револьверомъ даю ему *раза*, по физіономіи; должно быть, ударъ хорошъ, потому что револьверъ переломился, а дѣтина схватился обѣими руками за лице и полетѣлъ съ саней въ снѣгъ. — „Пошелъ!“ кричу ямщику. — „Зачѣмъ ты, такой сякой, останавливался, для чего посадилъ его? — „Да онъ говоритъ — стой, а самъ садится. „Я думалъ, какой вашъ будетъ“. Хорошо объясненіе.—„Ну, пошелъ скорѣе“. Опять закрываешься, не то спишь, не то дремлешь. Только черезъ три станціи, утромъ, на другой день, пока пью чай, разсказываю смотрителю: „Какъ-же вы не заявили на станціи, вѣдь ямщикъ-то былъ съ нимъ заодно; перевернули-бы вверхъ дномъ повозку, да и прикончили-бы васъ. Страсть, какой озорникъ здѣшній народъ!“

Смотритель этотъ, угостившій меня хорошими щами, яичницею и чаемъ, оказался прелюбезнымъ, какъ, впрочемъ, большая часть ихъ братіи, когда ихъ не бранятъ.

Прочитавши мою фамилію въ подорожной, спрашиваетъ: „Позвольте узнать, не вы-ли это занимаетесь по части артельныхъ сыроваренъ?“ „Нѣтъ, это братъ мой“.—„Такъ-съ, слышали-съ, слышали-съ; вотъ намъ-бы здѣсь это завести, только позвольте вамъ сказать, эти сыры, что̀ теперь дѣлаютъ, по нашему, русскому человѣку не годятся. Намъ, если вотъ водку закусить или что другое, такъ огурецъ посолонѣе или килька, а коли сыръ, чтобы крѣпкій! Я вотъ по осени въ городѣ былъ, сыромъ разъ закусывалъ, повѣрите, какъ взялъ въ ротъ, ажъ слеза прошибла, а щека такъ даже припухла! Это сыръ! этотъ пошелъ-бы у насъ...... А вотъ и лошади готовы-съ“....

*
* *

Какой-то неразборчивый на шутки острякъ назвалъ Сибирь польскимъ королевствомъ; и вправду, поляковъ было тамъ множество,

вездѣ. Бывало, въ дорогѣ сломается-ли шкворень, *курокъ*, какъ говорятъ ямщики, надо-ли перетянуть колесо у тарантаса, придетъ кузнецъ полякъ; впрочемъ такія работы дѣлались и нѣмцами, и даже русскими. Но если купишь хорошей копченой ветчины или колбасы, то ужь навѣрное польскихъ рукъ приготовленья; коли подадутъ въ трактирѣ прекрасно приготовленную котлету, то готовилъ ее или шляхтичь или добровольно послѣдовавшая за нимъ въ ссылку старушка шляхтянка. Въ бильярдныхъ комнатахъ омскихъ трактировъ, въ которые случалось мнѣ заглянуть, только и слышалась польская рѣчь и столбомъ стоялъ дымъ отъ ихъ папиросъ.

Нѣтъ, разумѣется, недостатка и въ русскихъ ссыльныхъ, но эти какъ-то меньше встрѣчаются по дорогѣ. Мимоѣздомъ видишь по городкамъ и мѣстечкамъ сидящихъ на заваленкахъ или пробирающихся вдоль заборовъ стариковъ, съ длинными сѣдыми бородами, съ палками въ рукахъ. Не знаю, какъ эти перебиваются, иногда они не брезгаютъ и милостыню принять.

Помню, на одной станціи, пока запрягали лошадей, подошелъ къ крыльцу высокій худой старикъ, какъ лунь сѣдой; я было всталъ, чтобы выйдти къ нему, какъ предупредилъ меня смотритель, вихремъ вылетѣвшій изъ своей комнаты. Слышу: трахъ! трахъ! и старикъ, не успѣвшій надѣть шапки, улепетываетъ отъ крыльца.— „Что это! да за что-же это вы его?“..—Помилуйте-съ, дай только имъ потачку; вѣдь этотъ вотъ, что ни проѣзжающій, ужь онъ тутъ какъ тутъ—а только фамилія его точно что извѣстная, баронъ Р...

* *
*

Не для Сибири собственно только, важенъ сибирскій желѣзный путь, но едва-ли еще не болѣе для бывшихъ сѣверныхъ провинцій Китая, теперь принадлежащихъ намъ и которыхъ правильное сообщеніе съ Россіею возможно покамѣсть лишь моремъ.

Такъ или иначе, намъ придется въ недалекомъ будущемъ считаться силами съ Китаемъ. Большою ошибкою было присоединеніе на восточной границѣ Кульджинской провинціи, но еще большій политическій промахъ—уступка этой области обратно подъ давленіемъ угрозъ Китая. Конечно, дѣло было такъ вопіюще несправед-

ливо, что исправить его не стыдно, но въ томъ-то и бѣда, что такъ называемая политика и такъ называемая нравственность рѣдко совмѣстимы; теперь вышло такъ, что Россія отступилась отъ Кульджи противъ воли, изъ боязни войны съ Китаемъ,—300 милліоновъ китайцевъ искренно въ этомъ увѣрены, да 300 милліоновъ разныхъ сосѣдей не прочь думать то-же самое. Китайцы стали еще заносчивѣе и придирчивѣе въ сношеніяхъ съ нами и если не пограничныя недоразумѣнія, безконечные баранты и разбои, то европейскія замѣшательства дадутъ китайцамъ случай вывести насъ изъ терпѣнья.

Китаецъ съ границы.

По восточной и сѣверовосточной границамъ столкновеніе, какъ оно ни прискорбно, — выиграть мы ничего не можемъ,—нисколько не страшно, потому что нѣсколько русскихъ батальоновъ побѣдоносно пройдутъ хоть до великой стѣны, но на сѣверной границѣ не то; тамъ китайцы могутъ раззорить и вырѣзать все почти безнаказанно, и не столько прямое послѣдствіе этого, сколько толчокъ, отголосокъ успѣховъ ихъ тутъ можетъ отозваться движеніемъ вдоль другихъ нашихъ азіатскихъ границъ, особенно между кочевниками, которые, и не будучи расположены къ китайцамъ, временно могутъ сойдтись съ ними въ общей враждѣ къ намъ— тогда послѣдствія будутъ серьезны.

*

Чѣмъ скорѣе проведена будетъ дорога черезъ Сибирь, до самаго Восточнаго океана, тѣмъ лучше!

* *
*

Постоянное, безостановочное расширеніе нашихъ границъ вопросъ великой важности, и хоть онъ уже многократно былъ рѣшаемъ въ извѣстномъ смыслѣ, но нарушенія этихъ рѣшеній, благодаря отдаленности окраинъ, на которыхъ онѣ происходятъ, проскальзываютъ какъ-то мало замѣченными, и присоединенія громадныхъ пространствъ территоріи обращаютъ на себя менѣе вниманія общества, чѣмъ обыденные политическіе скандалы Европы, а между тѣмъ, пора-бы серьезно положить конецъ этому.

Китайцы говорятъ, что „русскіе самый безсовѣстный народъ: гдѣ они покосятъ сѣна или попоятъ лошадей, тамъ земля и вода дѣлаются ихними.“ Конечно, это можетъ относиться не къ однимъ русскимъ, англичане, напр., еще болѣе заслуживаютъ этотъ упрекъ, но нельзя отрицать, чтобы и у насъ „рыльце не было въ пушку.“

До возстанія Дунганъ, напр., граница наша къ сторонѣ Кульджи шла недалеко отъ горнаго хребта, вдоль котораго идетъ большая дорога, а въ концѣ шестидесятыхъ годовъ я засталъ уже нашъ отрядъ и съ нимъ границу передвинутою въ Борохудзиръ. Спрашивается, почему?—а потому, что въ Борохудзирѣ *рѣчка*, а въ рѣчкѣ хорошая прозрачная водица, значить, стоять отряду тамъ вольготнѣе. Потомъ былъ уже вопросъ о перенесеніи мѣста расположенія пограничнаго отряда еще дальше, къ разрушенному городку *Акъ-кентъ*—для чего?—Для того, что тамъ есть *лѣсокъ*, а лѣсокъ даетъ прохладу лѣтомъ и топливо для зимы.

Извѣстна исторія завоеванія Туркестана: каждый новый начальникъ считалъ своею обязанностью поиграть въ солдатики. Взяли Туркестанъ, Чемкентъ и Аліе-ата для соединенія Оренбургской и Сибирской линій укрѣпленій, Ташкентъ прихватили на придачу; Ходжентъ въ этой комбинаціи оставался въ сторонѣ и его можно было-бы оставить въ покоѣ, но какъ его оставить, коли онъ плохо лежитъ—взяли и Ходжентъ. Ура-тюбе, Джизакъ, Самаркандъ и

послѣ Коканская область взяты также только потому, что плохо лежали, надобности въ нихъ не было.

Теперь, съ переселеніемъ къ намъ Таранчей, по всей необъятной границѣ нашей, фанатическое мусульманское населеніе, ждущее только случая показать свои зубы; прежде оно было несравненно менѣе опасно, такъ какъ держалось подъ властью хановъ, состоявшихъ между собою въ непримиримой враждѣ; теперь-же все поголовно соединится противъ общаго врага, при первомъ серьезномъ поводѣ,—нами скована общая національность, которой прежде не было.

Русскій переселенецъ.

Еще былъ-бы смыслъ въ этихъ страшно дорого стоющихъ расширеніяхъ территоріи, если-бы имѣлось въ виду воспользоваться ими для демонстраціи противъ европейскихъ враговъ, но, судя по прежнимъ примѣрамъ, трудно думать, чтобы когда-либо серьезно рѣшились утилизировать новыя границы въ этомъ смыслѣ; да къ тому-же, если такою политикою болѣе или менѣе оправдывается движеніе на югъ, то все-таки остается непонятнымъ, зачѣмъ расширяться на востокъ, гдѣ, идя такими шагами, въ недалекомъ будущемъ, мы, безъ сомнѣнія, раздвинемся далеко за Кульджинскую область. Можно только пожелать, чтобы это случилось какъ можно

позднѣе, но предупредить это, судя по предъидущему ходу дѣлъ невозможно.

Очевидно, просто стихійная сила выпираетъ насъ впередъ! Невольно припоминаются по этому поводу переселенцы изъ Тамбовской губерніи, встрѣченные мною близъ озера Иссыкъ-Куля, въ Тянь-Шанскихъ горахъ. Ужъ жены пробовали не разъ уговаривать мужей остановиться по дорогѣ и поселиться; такъ нѣтъ, идутъ себѣ мужики, а куда, сами не знаютъ, просто тянетъ ихъ впередъ да и баста. Наконецъ, пришли къ снѣговымъ горамъ, окаймляющимъ съ востока Иссыкъ-Куль, и жинки взмахнули руками отъ радости: „Слава тебѣ, Господи! остановятся теперь муженьки, некуда идти дальше, въ самые бѣлки уперлись“....

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА.

1848—1849.

Хорошо помню себя, отвѣчающаго мамашѣ урокъ изъ географіи, заданный наизусть „отъ сихъ и до сихъ поръ". Она, т. е. мамаша, сидитъ въ каминной, на диванѣ, у стола; въ сосѣдней комнатѣ, гостинной, папаша читаетъ газету. Я отвѣчаю: „Воздухъ есть тѣло *супругое*, вѣсомое, необходимое для жизни животныхъ и произрастенія растеній"...—„Какъ? повтори".—Воздухъ есть тѣло супругое... Мамаша смѣется. — „Василій Васильевичъ, говоритъ она отцу, поди-ка сюда".—Что,матушка?—„Приди, послушай, какъ Вася урокъ отвѣчаетъ". Отецъ входитъ съ газетою, грузно опускается на диванъ, переглядывается съ матерью; вижу, что-то не ладно. — Отвѣчай, батюшка.—„Воздухъ есть тѣло супругое..." Ха, ха, ха! смѣются оба, у меня слезы на глазахъ.—„Упругое", поправляетъ отецъ, но не объясняетъ, почему упругое, а не супругое, и какая разница между упругимъ и супругимъ.

Мнѣ было тогда 6 лѣтъ; читалъ и писалъ я уже бойко, считалъ тоже не дурно. Время это было для насъ междуцарствіе или, что тоже самое, между-учительство. Нашъ первый гувернеръ Витмакъ, Федоръ Ивановичъ, добрый, но вспыльчивый человѣкъ, разсорился съ мамашею и вышелъ въ отставку отъ должности учителя; онъ уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ курьерское отдѣленіе.

Его я почти не помню, знаю только по разсказамъ няни, что онъ былъ съ нею въ постоянной войнѣ изъ-за насъ, въ особенности, изъ-за меня, хилаго, болѣзненнаго ребенка.

Помню, какъ я изъ буфетной засматриваю въ залъ, гдѣ „новый учитель“, Андрей Андреевичъ Штурмъ, изъ Киля только-что пріѣхавшій разговариваетъ съ папашею и мамашею. Вижу, гладко причесанъ, высокій, серьезный и, должно быть, строгій, а вышло, что предобрый, хотя и нѣмецъ, т. е. аккуратный и методичный. Познанія его заключались въ начальной ариѳметикѣ и нѣмецкомъ языкѣ, чему онъ и принялся обучать насъ.

Закону божію, исторіи и географіи училъ насъ, т. е. заставлялъ зубрить отъ строки до строки, Евсевій Степановичъ, сынъ нашего приходскаго священника, отца Степана, семинаристъ, окончившій курсъ и ожидавшій посвященія; онъ былъ добрый малый и занимался преимущественно съ моимъ старшимъ братомъ, Николаемъ, и сыномъ одной нашей знакомой, мамашиной пріятельницы, Крафковой, а также съ кузиною Наташею Комаровской. Я, какъ маленькій, (на 3 года младше Николая) вмѣстѣ съ другимъ сыномъ Крафковой приходилъ въ ихъ комнату не на долго, только получить урокъ и отвѣтить его; и какъ же учено казалось мнѣ засѣданіе учителя со старшими! я входилъ къ нимъ всегда съ трепетомъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Е. С., и ученики его не прочь были подшучивать надъ нами, малолѣтками.

Ничего не знаю ужаснѣе шутокъ и насмѣшекъ старшихъ надъ младшими; мнѣ онѣ надолго западали въ душу и, всячески стараясь уяснить ихъ себѣ, я всегда приходилъ къ невыгодному для себя заключенію, находилъ насмѣшку заслуженною, что еще болѣе увеличивало мою природную робость и застѣнчивость.

Разъ, ровесникъ и теска мой Вася, сынъ нашего огородника Ильи, заявилъ желаніе учиться; сказали объ этомъ Евсевію Степановичу, и тотъ призвалъ Васю: „Ты хочешь учиться“?—Да-съ— „Ну, говори: я уменъ!“—Я уменъ. „Какъ попъ Семенъ!“—Какъ попъ Семенъ.—„Перекрестись“!—Тотъ перекрестился. „Убирайся!“—Тотъ

ушелъ. Мы всѣ смѣялись, но сквозь смѣхъ мнѣ было немного неловко и жаль Васю.

*
* *

Въ памяти моей объ этомъ времени самою выдающеюся, самою близкою и дорогою личностью, осталась няня Анна, уже и тогда старенькая, которую я любилъ больше всего на свѣтѣ, больше отца, матери и братьевъ, несмотря на то, что носъ ея былъ всегда въ табакѣ. Не то, чтобы она не сердилась и не бранилась, напротивъ, и ворчала, и бранила насъ частенько, но ея неудовольствіе всегда скоро проходило и никакихъ слѣдовъ не оставляло. Въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, напримѣръ, непослушанія, она грозила оставить насъ и уйти навсегда въ деревню и, дѣйствительно, иногда уходила, только не навсегда, а на часъ времени къ брату своему Іолью, жившему, помню, на въѣздной улицѣ, въ крайней избѣ; но ужь моему горю въ этихъ случаяхъ не было предѣловъ: я бѣгалъ за нею, держась за ея платье, до самой деревни, считалъ себя погибшимъ, плакалъ до боли, умолялъ воротиться и успокоивался не раньше, какъ услышавши ея слова: „Ну, ступай, батюшка, ужо приду, да смотри, въ другой разъ, не ворочусь"! И всегда бывало принесетъ, возвратясь отъ своихъ, топленаго молока или чего-нибудь подобнаго на заѣшку слезъ.

Няня всѣхъ насъ любила и всѣ мы любили ее, но я, кажется, былъ ея любимцемъ, можетъ быть, потому, что маленькій былъ очень слабъ здоровьемъ. Съ своей стороны, я любилъ ее такъ, что ужь, кажется, привязанность не можетъ идти далѣе.

Она сознавала пользу ученья и всегда намъ объ этомъ толковала, но къ примѣненію его относилась довольно враждебно и урывала насъ изъ рукъ учителя и гувернера при каждомъ удобномъ случаѣ; да не только съ ними схватывалась, но и мамашѣ нашей иногда позволяла себѣ перечить, когда дѣло шло о больномъ *робенкљ*.

Все наше свободное время мы проводили съ нянею, и прогулки съ нею напр. въ лѣсъ, за ягодами и грибами, которыя я

ужасно любилъ, остались до сихъ поръ одними изъ самыхъ милыхъ и дорогихъ моихъ воспоминаній.

Звали няню: Анна Ларіоновна, по фамиліи Потайкина; фамилію ея я узналъ уже позже, и она всегда звучала мнѣ чуждо; мы знали ее только, какъ няню Анну, а кто она такая, откуда, никогда не доискивались.

Няня Анна.

Много позже я узналъ, что, рано овдовѣвъ, она была взята во дворъ бабушкою Натальею Алексѣевною, которой и служила въ Питерѣ, а потомъ *досталась* папашѣ. Еще будучи очень молодою, она едва не испытала на себѣ ласки тогдашняго владѣтеля, брата бабушки, Петра Алексѣевича Башмакова, который, высмотрѣвши на работахъ дѣвку, приказывалъ обыкновенно старостѣ: „прислать ее туда-то“. На этотъ разъ онъ велѣлъ „послать Анютку изъ одной деревни въ другую“, а самъ ждалъ у дороги на наволокѣ; староста, жалѣя Анютку, шепнулъ ей, чтобы она шла

другою дорогою, и дѣдушка на этотъ разъ остался ни съ чѣмъ, только напрасно прождалъ, даже и разсердиться было не на что, такъ какъ приказаніе его было исполнено и Анютка бѣгала въ другую деревню. Послѣ этого, дѣдушка, однако, еще разъ попробовалъ познакомиться съ нею поближе, подошелъ было какъ-то на работахъ, но она такъ перепугалась, что бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ, чѣмъ заслужила отъ него названіе „дуры", за то же и освободилась отъ его искательствъ.

Впослѣдствіи Петръ Алексѣевичъ былъ убитъ крестьянами именно за волокитство.

Анна Ларіоновна вышла замужъ, потомъ овдовѣла и попала въ услуженіе къ бабушкѣ, когда къ той перешли имѣнья покойнаго Башмакова. Всего, кажется, пришлось натерпѣться ей, и брани, и колотушекъ, особенно, когда бабушка проигрывала въ карты, а играла она постоянно. „За то ужь когда она была въ выигрышѣ, разсказывала няня, я и видѣла сейчасъ, и ручку дастъ поцѣловать, и гривенничекъ сунетъ: на, Анютка; дура, тебѣ бѣдной вѣдь не кому подарить!"....

